

ВЕСЦІ

НАЦЫЯНАЛЬнай

АКАДЭМІі НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАВУК. 2020. Т. 65, № 1

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ

АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2020. Т. 65, № 1

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук
Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

- В. И. Бельский** – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- В. В. Гниломедов** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- А. И. Локотко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- М. С. Макрицкая** – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь (*ведущий редактор журнала*)
- Е. М. Бабосов** – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- Г. А. Василевич** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- П. А. Водопьянов** – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
- В. В. Данилович** – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- И. Л. Копылов** – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
- А. Д. Король** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- Г. П. Коршунов** – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- А. А. Лазаревич** – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- А. А. Лукашанец** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

М. В. Мясникович – Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь
П. Г. Никитенко – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Г. В. Пальчик – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Редакционный совет:

А. Н. Булько – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Академиздатцентр Российской академии наук «Издательство «Наука», Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук, Центр исследований книжной культуры, Совет по книгоизданию Международной ассоциации академий наук, Москва, Россия
Герд Генцель – Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
С. Ю. Глазьев – советник Президента Российской Федерации, представитель Президента Российской Федерации при Национальном банковском совете, Москва, Россия
Е. К. Голаховска – Институт славистики Польской академии наук, Варшава, Польша
А. Е. Дайнеко – Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь
В. И. Жук – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. П. Карпов – Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. В. Кодин – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», Смоленск, Россия
Е. Миронович – Белостокский университет, Белосток, Польша
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
П. П. Толочко – Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина
Чжан Юйянь – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
Янг Хионг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований, включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Адрес редакции:

*ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт: vestihum.belnauka.by*

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2020. Т. 65, № 1.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*

Компьютерная вёрстка *Ю. А. Агейчик*

Подписано в печать 14.01.2020. Выход в свет 29.01.2020. Формат 60×84^{1/8}. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 98 экз. Заказ 9.

Цена номера: индивидуальная подписка – 12,26 руб., ведомственная подписка – 29,23 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».

Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2020

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2020, vol. 65, no. 1

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

E d i t o r - i n - C h i e f :

Alexander Alexandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

E d i t o r i a l B o a r d :

Valery I. Belsky – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Vladimir V. Gnilomedov – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Alexander I. Lokotko – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Lead Editor*)

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Grigory A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Vyacheslav V. Danilovich – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Igor L. Kopylov – Yakub Kolas Institute of Linguistics Branch of the State Scientific Institution «The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus», Minsk, Belarus

Andrei D. Korol' – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Gennady P. Korshunov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Anatoly A. Lazarevich – Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Alexander A. Lukashanets – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Mikhail V. Myasnikovich – Council of the Republic of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Gennady V. Palchik – Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Ivan V. Saverchenko – Yanka Kupala Institute of Literary Studies Branch of the State Scientific Institution «The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus», Minsk, Belarus

Editorial Council:

- Alexander N. Bulyko** – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
- Vladimir I. Vasilyev** – Nauka Academic Publishing Center under the Russian Academy of Sciences «Publishing House «Nauka», Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center «Nauka» of the Russian Academy of Sciences, Center for Research in Book Culture, Book Publishing Council of the International Association of Academies of Sciences, Moscow, Russia
- Gerd Hentschel** – Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany
- Sergey Yu. Glazeyev** – Advisor to the President of the Russian Federation, Representative of the President of the Russian Federation at the National Banking Council, Moscow, Russia
- Eva K. Golakhovska** – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
- Aleksey Ye. Daineko** – Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
- Alexander I. Zhuk** – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
- Valery I. Zhuk** – The Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
- Vladimir A. Il'in** – Federal State Budget Institution of Science «Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Union of Sociologists of Russia, Vologda, Russia
- Sergey P. Karpov** – Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Moscow State University named after M. V. Lomonosov», Moscow, Russia
- Evgeny V. Kodin** – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Smolensk State University», Smolensk, Russia
- Evgeni Mironovich** – University of Bialystok, Bialystok, Poland
- Azimkhan A. Satybaldin** – Institute of Economics of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
- Andrei V. Smirnov** – Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- Petr P. Tolochko** – Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
- Zhan Yuyan** – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China
- Yang Xiong** – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)

Address of the Editorial Office:

1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.

Tel.: +375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru

Website: vestihum.belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.

Humanitarian Series, 2020, vol. 65, no. 1.

Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*

Computer imposition *Yu. A. Aheichyk*

Signed to print on 14.01.2020. Published on 29.01.2020. Format 60×84¹/₈. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 14,88. Publisher's sheets 16,4. Circulation 98 copies. Order 9.
Number price: individual subscription – BYN 12.26, departmental subscription – BYN 29.23.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise “Publishing House “Belaruskaya Navuka”.

Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,

distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.

Address: F. Scorina Str., 40, 220141, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE “Publishing House “Belaruskaya Navuka”,
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2020

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Бабосов Е. М. Інстытут сацыялогіі НАН Беларусі – трыццаць лет работы: ітогі і перспектывы.....	7
Косенков А. Ю. Працэсы цифровізацыі ў кантэксце філасофска-тэхнічнага осмыслення	15
Цмыг А. С. Старообрыдачства ў Беларусі і краінах бліжняга замежжя: этапы даследавання і метада- лагічныя падыходы.....	25

ГІСТОРЫЯ

Белозорович В. А. Фарміраванне канцэпцыі гісторыі Беларусі ў другой паловіне 1930-х гг.	35
Савіч А. А. Гісторыя Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) у айчыннай гістарыяграфіі 50–80-х гг. XX ст.	44
Надтачаев В. Н. Дзейнасць абвернебенштэле «Мінск» на акупіраванай тэрыторыі Беларусі: гістэрыяграфія	52

МОВАЗНАЎСТВА

Кулеш Г. І. Роля правазнаўцаў у выпрацоўцы беларускай юрыдычнай тэрміналогіі (1920–1930-я гг.)	61
Ли Лунь. Язык і культура: аспекты ўзаемасвязі і ўзаемавліяння	71

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Батяев В. Ф. Сямейныя традыцыі евреяў Беларусі	78
---	----

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Бараноўскі А. А. Спецыфіка мастацкага пазнання ў сучаснай беларускай філасофскай лірыцы	85
--	----

ПРАВА

Павловский В. О. Функцыі крытэрыя найбольш теснай сувязі ў кантэксце грамадзянскага заканадаўства Рэспублікі Беларусь	92
---	----

ЭКАНОМІКА

Преснякова Е. В., Петров М. Б., Смирных С. Н., Потапцева Е. В., Ли В. А. Ацэнка міжрэгіянальнай дыферэнцыяцыі прадукцыйнасці працы ў Рэспубліцы Беларусь і Расійскай Федэрацыі	103
--	-----

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

Генадзь Міхайлавіч Лыч (Да 85-годдзя з дня нараджэння).....	117
Павел Александрович Водопьянов (К 80-летію со дня рождэння).....	120
Аляксандр Іванавіч Лакотка (Да 65-годдзя з дня нараджэння)	123
Грыгорый Алексеевич Василевич (К 65-летію со дня рождэння).....	125

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Babosov E. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus – thirty years of work: results and prospects	7
Kosenkov A. Yu. Processes of digitalization in the context of philosophical-technical interpretation	15
Tsmyh A. S. Old Believers in Belarus and neighboring countries: historical stage of research and methodological approaches	25

HISTORY

Belozorovich V. A. Formation of the concept of history of Belarus in the second half of the 1930s	35
Savich A. A. History of Western Belarus in 1921–1939 in domestic soviet historiography of the 1950s–1980s.....	44
Nadtachayeu V. N. Abvernebenstelle «Minsk» in the nazi-occupied territory of Belarus: a review of historiography	52

LINGUISTICS

Kulesh H. I. Lawyers role in the development of the Belarusian legal terminology (1920s–1930s).....	61
Li Lun. Relationship between language and culture.....	71

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Batyaev V. F. Family traditions of Jews of Belarus	78
---	----

LITERARY SCIENCE

Baranouski A. A. Specificity of artistic knowledge in modern Belarusian philosophical lyrics.....	85
--	----

LAW

Pavlovsky V. O. Functions principle of the closest connection in the context of civil legislation of the Republic of Belarus.....	92
--	----

ECONOMICS

Prasniakova A. V., Petrov M. B., Smirnykh S. N., Potapseva E. V., Lee V. A. Assessment of interregional differentiation of labor productivity in the Republic of Belarus and the Russian Federation.....	103
---	-----

BELARUSIAN SCIENTISTS

Gennady Mikhailovich Lych (To the 85th Anniversary of Birth)	117
Pavel Alexandrovich Vodopyanov (To the 80th Anniversary of Birth).....	120
Alexander Ivanovich Lokotko (To the 65th Anniversary of Birth)	123
Gregory Alekseyevich Vasilevich (To the 65th Anniversary of Birth).....	125

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 316:001.89:00571:001.32(476)(091)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-7-14>

Поступила в редакцию 11.11.2019
Received 11.11.2019

Е. М. Бабосов

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ НАН БЕЛАРУСИ – ТРИДЦАТЬ ЛЕТ РАБОТЫ:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Аннотация. Раскрываются особенности институционализации социологии в Беларуси. Рассматривается конструктивная роль Института социологии НАН Беларуси в данном процессе. Охарактеризованы основные направления научной деятельности сотрудников института, их творческие связи с учреждениями социологического профиля России, Украины, Германии, Китая, Польши и других стран.

Ключевые слова: институционализация, научная деятельность, творческие связи, человекомерность, создание IT-страны в Беларуси

Для цитирования: Бабосов, Е. М. Институт социологии НАН Беларуси – тридцать лет работы: итоги и перспективы / Е. М. Бабосов // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 1. – С. 7–14. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-7-14>

Evgeni M. Babosov

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**INSTITUTE OF SOCIOLOGY OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
OF BELARUS – THIRTY YEARS OF WORK: RESULTS AND PROSPECTS**

Abstract. Features of institutionalization of sociology in Belarus are revealed. The focus is on the constructive role in this process of creating and developing the Institute of Sociology of the NAS of Belarus. Main directions of scientific activity of the Institute's employees, their creative connections with sociological institutions of Russia, Ukraine, Germany, China, Poland and other countries are described.

Keywords: institutionalization, scientific activity, creative connections, humanity, creation of an IT country in Belarus

For citation: Babosov E. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus – thirty years of work: results and prospects. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriyi humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 1, pp. 7–14 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-7-14>

Институционализация любой науки, социологии в том числе, совершается не в один день и даже не в течение одного года. Это длительный, сложный, многогранный и противоречивый процесс.

Начальной точкой отсчета институционализации социологии как науки чаще всего считают знаменитый шеститомный труд Огюста Конта «Курс позитивной социологии» (1830–1842), точнее, написанный в 1839 г. его четвертый том, где впервые сконструировано, обосновано и последовательно применено понятие «социология», т. е. наука, «которая положительно изучает совокупность законов, относящихся к социальным явлениям»¹. Наиболее быстро и интенсивно процесс институционализации проходил в Соединенных Штатах Америки, но и там первый в мире

департамент социологии, деканом которого был А. Смолл, открылся в 1892 г., т. е. спустя 53 года после введения в науку термина «социология».

В Беларуси процесс институционализации социологии начался гораздо позднее – в 20-х гг. XX столетия. Следует, однако, отметить, что этот процесс имел серьезные идейно-теоретические предпосылки в многовековом развитии белорусской социальной мысли, представленной такими выдающимися мыслителями, как Ф. Скорина, Н. Гусовский, С. Будный, В. Тяпинский, К. Лыщинский, Ф. Богушевич, К. Калиновский и др. Наша социология институционализировалась, превратилась в отрасль профессиональной научной деятельности только после обретения Беларусью своей государственности. Первые профессиональные коллективы ученых, специально занимающихся социологическими исследованиями, сложились вскоре после Октябрьской революции и создания БССР. 30 января 1922 г. было основано первое многоотраслевое научно-исследовательское учреждение – Институт белорусской культуры (Инбелкульт), впоследствии на базе которого 1 января 1929 г. была создана Белорусская академия наук. Сотрудниками Инбелкульта под руководством профессора С. Я. Вольфсона (впоследствии академика) уже с 1922 г. проводились социологические исследования. Их результаты обобщены в изданных С. Я. Вольфсоном книгах: «Интеллигенция как социально-экономическая категория» (1926), «Социология брака и семьи» (1928), «Современная религиозность» (1930), «Семья и брак в их историческом развитии» (1937).

Начиная с 1921 г., с начала создания Белгосуниверситета, социологические исследования осуществляются и в этом ведущем высшем учебном заведении республики. Широкую известность получили работы декана факультета общественных наук тех лет, профессора кафедры социологии и первобытной культуры БГУ С. Я. Каценбогена «Спорные вопросы в учении о происхождении брака и семьи» (1923), «Курс марксистской социологии» (1925), «Марксизм и социология» (1925).

Однако по мере укрепления тоталитарной системы и режима личной власти Сталина социологические исследования в Беларуси, как и в других регионах СССР, начинают неуклонно свертываться. Обрушившиеся в начале 1930-х гг. на белорусскую интеллигенцию массовые репрессии привели не только к моральному, но и физическому уничтожению ее наиболее сознательного и квалифицированного ядра. Фактически в 1937–1938 гг. социология как специфическая отрасль научного знания в Беларуси перестала существовать. Чудом уцелевшие кадры социологов были вынуждены переквалифицироваться, многие вообще ушли из сферы научной и педагогической деятельности.

Интересный, многообразный, во многом поучительный опыт развития социологии в 1920-е – первой половине 1930-х гг. в Беларуси был во многом утрачен, забыт или стал уделом архивов и библиотек, фонды которых многие годы находились под бдительным контролем чекистов, а потому оказался невостребованным вплоть до середины 1980-х гг. Поэтому период с середины 1930-х и до середины 1950-х гг. можно назвать этапом социально-политического удушения тоталитарной системой власти социологии в Беларуси.

И все же возрастающие потребности социального развития республики со все большей настоятельностью требовали восстановления и развития социологической науки, естественно, на новой, качественно более высокой методологической и теоретической основе. С середины 1960-х гг. очень медленно, но неуклонно начинается новый этап развития социологических исследований в Беларуси. Вначале они были отрывочны, имели ориентированный прикладной характер, осуществлялись по заказу и под контролем руководящих партийных органов.

Важным шагом организационного характера в процессе институционализации социологии в Беларуси стало постановление Президиума ЦК Компартии Беларуси от 9 ноября 1965 г. «Об организации конкретно-социологических исследований в республике». Этим постановлением вменялось в обязанности Президиума Академии наук БССР, руководства Отделения общественных наук, Института философии и права, Института экономики, Института истории, а также Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР разработать мероприятия по усилению конкретно-социологических исследований в научно-исследовательских институтах, высших учебных заведениях. В частности, было предложено создать лаборатории социологических исследований при Белгосуниверситете и Институте народного

хозяйства. Этим же постановлением был создан Республиканский общественный институт социологических исследований, директором которого был назначен кандидат исторических наук А. Д. Молочко.

Процесс реализации данного постановления разворачивался достаточно медленно, главным образом вследствие недостатка квалифицированных научных кадров, способных продуктивно работать в области социологии. В 1967 г. была создана проблемная социологическая научно-исследовательская лаборатория в Белгосуниверситете, которую возглавил член-корреспондент АН БССР, доктор философских наук И. Н. Лущицкий. В следующем году создается сектор конкретных социологических исследований, возглавляемый кандидатом (затем – доктором) философских наук Г. П. Давидюком в Институте философии и права АН БССР. В начале 1978 г. в этом же институте (директором которого был избран в марте 1977 г. член-корреспондент АН БССР Е. М. Бабосов) сформирован сектор методологических проблем социологических исследований. На работу в него наряду с сотрудниками Института философии и права были приглашены из Белгосуниверситета квалифицированные социологи Г. Н. Соколова, С. А. Шавель и др. Этот сектор и составил кадровую базу для создания в структуре Академии наук самостоятельного Института социологии. Главным звеном этой достаточно сложной и кропотливой работы, требующей многочисленных согласований с партийными и государственными органами, исследовательскими и вузовскими учреждениями, стала подготовка высококвалифицированных кадров. В течение небольшого интервала времени докторами наук, профессорами стали сотрудники названного сектора С. А. Шавель, Г. Н. Соколова, В. И. Русецкая, В. П. Оргиш, Э. К. Дорошевич, Р. А. Смирнова и ряд сотрудников других организаций, приглашенных на работу в создаваемый институт, – Г. А. Несветайлов, А. Д. Раков, И. В. Котляров, В. И. Секун. Разумеется, в этот период защищались и кандидатские диссертации. Эта многогранная деятельность потребовала нескольких лет напряженного творческого труда. Но с такими кадрами можно было решать самые сложные и актуальные задачи не только прикладных, но и теоретико-методологических исследований в сфере социологии.

При наличии такого значительного кадрового потенциала началось развертывание следующего этапа подготовительной работы по созданию социологического института – затруднения, порой затягивание согласования на различных ступенях научной и государственной иерархии, определение предстоящей тематики социологических исследований, разработка и обоснование предложений по финансированию формируемой исследовательской структуры. Когда эта подготовительная работа приближалась к завершению, были внесены предложения о создании самостоятельного научного учреждения социологического профиля в Президиум Академии наук БССР, в отдел науки и учебных заведений ЦК Компартии Беларуси, в отдел науки и культуры Совмина БССР. В результате проработки внесенных предложений в названных инстанциях Бюро ЦК КПБ приняло решение о создании на базе АН БССР Республиканского Центра социологических исследований. Во исполнение данного решения Постановлением Президиума АН БССР от 6 января 1989 г. руководителем этого центра был назначен член-корреспондент АН БССР Е. М. Бабосов. Структура данного центра состояла из пяти отделов, сформированных из сотрудников Института философии и права: теории, методологии и методов социологических исследований (зав. отделом С. А. Шавель); социологии общественного мнения (Г. Н. Соколова); социальной динамики сельского населения (А. С. Круковский); социальных проблем молодежи (Н. А. Барановский); социологических исследований идеологических процессов (Э. К. Дорошевич). Коллектив Центра существенно скорректировал проблематику проводимых в Академии наук социологических исследований, расширил сферу творческого сотрудничества с социологическими учреждениями Москвы, Ленинграда, Киева, социологами Армении, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши. Тем самым были созданы серьезные кадровые, исследовательские, организационно-коммуникационные предпосылки для формирования и организационного оформления в составе Академии наук БССР самостоятельного научно-исследовательского учреждения – Института социологии.

Разработанные академическими социологами предложения о создании Института социологии в структуре Академии наук БССР прошли последовательно ряд согласований в Президиуме

АН БССР, Госплане, отделе науки и культуры Совета Министров БССР и отделе науки и учебных заведений ЦК Компартии Беларуси. Итогом всех этих согласований стало обсуждение данного вопроса в Бюро ЦК КПБ, на котором было принято решение о создании в структуре Академии наук БССР Института социологии.

Вот тогда-то и началась самая кропотливая и сложная работа по организации нового исследовательского центра социологического профиля. Нужно было буквально «выбивать» помещения для размещения сотрудников создаваемого института, разрабатывать его исследовательскую тематику, определять источники и размеры финансирования, решать вопросы обеспечения оборудованием, открытия аспирантуры и т. п. Это было непросто, везде возникали непредвиденные затруднения. Но самые серьезные осложнения в решении вопроса о создании Института социологии в структуре Академии наук БССР возникли там, где их меньше всего следовало ожидать, – при обсуждении данного вопроса в Президиуме Академии наук СССР.

Окрыленный поддержкой проекта создания в Минске академического института социологии, полученной в Институте социологии АН СССР, где директором являлся в то время член-корреспондент В. Н. Иванов, и в отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС, где тогда работали доктора философских наук Р. И. Косолапов, В. Н. Кузьмин и Ю. Н. Красин, активно поддерживавшие идею создания института в Минске, я достаточно спокойно прибыл на заседание Президиума АН СССР, где мне предстояло выступить с докладом о проекте создания социологического института в АН БССР. Все началось по установленному стандарту: 15 минут для доклада о важности и актуальности создания нового академического подразделения, об имеющихся в Минске необходимых научных кадрах, об основных направлениях намечаемых исследований. Затем – вопросы к докладчику и ответы на них. А после этого – обсуждение рассматриваемой проблемы.

Вот здесь-то и возникло неожиданное препятствие. Первым в процессе обсуждения выступил известный философ, академик Л. Ф. Ильичев. Имея огромный опыт работы в газете «Правда», а затем руководителем Идеологической комиссии при ЦК КПСС, он произнес достаточно длинную, витиеватую речь, смысл которой сводился к тому, что имеется печальный опыт «внутриусобной» межличностной борьбы в Институте социологии АН СССР, где научные интересы порой отодвигаются на второй план в сопоставлении с личными амбициями, и не возникнет ли подобная ситуация в Минске в случае создания там самостоятельного социологического института. Вывод: лучше не торопиться с таким созданием. В подобном же ключе высказался известный советский литературовед, академик М. Б. Храпченко. Под влиянием этих выступлений я почувствовал, что почва уходит из-под моих ног. Но вдруг обсуждение пошло совсем в другом русле. С яркой речью на заседании Президиума АН СССР выступил выдающийся физик, один из основоположников квантовой электроники, лауреат Нобелевской премии, академик А. М. Прохоров. «Меня, – сказал он, – удивляет странная позиция, даже, точнее говоря, отсутствие позиции у двух моих коллег, академиков-гуманитариев, которые должны были первыми активно поддержать предложение о создании в структуре АН БССР Института социологии. Нам молодой человек из Минска (А. М. Прохоров был старше меня почти на 20 лет) представил очень хорошо обоснованное предложение, согласованное и в Институте социологии, и в отделе науки ЦК КПСС, о создании нового института. И никаких сомнений в важности и нужности такого института не должно быть. Мы, физики, в огромном долгу перед Беларусью за то, что там случилось после катастрофы на Чернобыльской АЭС. И самые тяжкие негативные последствия этой катастрофы не столько радиологические, сколько социальные и психологические. Да и опыт социально-экономического развития в этой республике очень интересный и поучительный, его надо изучать и обобщать, в том числе и социологическими методами. Поэтому Институт социологии в Белорусской академии наук необходим».

После этого выступления Л. Ф. Ильичев в своей реплике заявил, что он не против создания Института социологии в Минске, он только сомневается в своевременности такого решения. Но общее настроение членов Президиума под впечатлением речи А. М. Прохорова уже изменилось. К тому же и хороший мой знакомый по работе в отделе науки ЦК КПБ, зам. заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС, а к тому времени избранный академиком и главным

ученым секретарем Академии наук СССР, известный специалист в области автоматизированных систем управления И. М. Макаров активно поддержал проект о создании Института социологии в структуре АН БССР. После этих ярких выступлений успех был предрешен, и Президиум Академии наук СССР своим решением постановил учредить Институт социологии АН БССР и одобрил основные направления его исследовательской деятельности.

В результате всех необходимых согласований и решения Бюро ЦК КПБ Совет Министров БССР своим постановлением от 16.01.1990 г. № 12 учредил Институт социологии АН БССР. Новый институт был организован на базе функционировавшего на то время Республиканского центра социологических исследований и в результате присоединения к нему двух отделов Института экономики АН БССР (социально-экономических проблем демографического развития и занятости населения – зав. отделом А. А. Раков и науковедения – зав. отделом Г. А. Несветайлов), а также лаборатории социальной психологии личности и коллектива Института технической кибернетики АН БССР, преобразованной в отдел (зав. отделом – В. И. Секун). Широким фронтом в новом институте развернулись исследования по методологическим и теоретическим проблемам развития современной социологии, а также в области социологии личности, науки и культуры, труда и демографии, по вопросам молодежи, социально-стратификационной структуры белорусского общества, отношения различных групп населения к социальным институтам, динамики политической системы Беларуси, особенностей общественного мнения, функционирующего в республике и др.

В течение 1990-х гг. существенно расширились научные связи и взаимодействие Института социологии НАН Беларуси с ведущими философами и социологическими центрами Москвы, Ленинграда (Петербурга), Киева, Новосибирска. В институте неоднократно выступали академики Российской академии наук Б. М. Кедров, В. Н. Кудрявцев, М. Б. Митин, Т. И. Ойзерман, Г. В. Осипов, ее члены-корреспонденты М. Т. Иовчук, В. Н. Кружков, И. А. Степанян, М. Н. Руткевич, В. И. Шинкарук, В. Н. Иванов, Ж. Т. Тощенко, Р. Г. Яновский, широко известные российские социологи В. А. Ядов, Л. Н. Коган, Ю. А. Левада, доктора социологических наук из Польши, Литвы, Эстонии А. Матуленис, М. Титма, Я. Ождзинский, М. Мартинковский, А. Садовский, В. Сломский и др. Со многими из них и руководимыми ими научно-исследовательскими организациями проводились совместные консультации и исследования.

За прошедшие после этого 30 лет Институт социологии превратился в крупный и признанный не только в Беларуси, но и за ее пределами исследовательский центр. Его сотрудниками, аспирантами и соискателями защищено более 20 докторских и около 50 кандидатских диссертаций, опубликовано более 170 монографий, учебников и учебных пособий, проводятся исследования и научные конференции, готовятся и высококвалифицированные научные кадры по широкому кругу актуальных и важных социологических проблем, диктуемых динамичным устойчивым инновационным развитием нашей страны – Республики Беларусь.

В условиях усложняющейся в XXI столетии социодинамики многогранных связей личности, социальных групп и общностей с обществом как единой целостностью представляется перспективным и плодотворным социологическое исследование проблем человека на основе системного подхода, включающего углубленное структурно-функциональное изучение особенностей и путей формирования и развития личности с учетом своеобразной иерархии социальной жизни с хорошо обоснованным вычленением ее основных компонентов. В данной системной структуризации по степени убывания диаметра соответствующей социальной сферы (своеобразная теоретико-методологическая парадигмальная воронка) выделяются такие системы, как человек–общество, человек и государство (социально-политическая система), человек–социальная сфера, человек–образ и качество жизни, человек–образование, человек–труд, человек–культура, человек–религия, человек–поселенческая структура, человек–трудовой коллектив. Разумеется, при определении параметров той или иной сферы общества и специфики ее влияния на процесс формирования личности и социальных групп необходимо принимать во внимание различные уровни абстрагирования и практически-прикладной ориентированности в качестве важнейших инструментов познания социальных явлений, событий и процессов. В исследовании всех этих разнокачественных социальных систем в большей или меньшей степени достигнуты серьезные успехи, осуществленные коллективом Института социологии НАН Беларуси.

Если мы обратимся к системе человек и государство (социально-политическая система), развитию белорусской государственности, то в Институте социологии выявлено и теоретически эксплицировано, что процессы эволюционного развития современной белорусской государственности и местного самоуправления находятся в диалектической взаимосвязи с социальным взаимодействием индивидов и групп, социальное поведение которых обусловлено комплексом социально-политических, экономических, социокультурных, религиозных факторов (Е. М. Бабосов, В. В. Бущик, Г. М. Евелькин, И. В. Котляров, Н. А. Барановский, А. Б. Мискевич, С. В. Хамутовская и др.).

Сотрудники института уделяют большое внимание исследованию национальной идентичности белорусского народа, факторов обеспечения устойчивого развития нашей страны (В. И. Русецкая, В. С. Тарасов, Л. И. Науменко, Н. Л. Балич, Я. В. Леверовская, Т. В. Водолажская, А. Л. Пушкин, А. Л. Ластовский, А. А. Селезнева, И. Н. Харитонов).

Выявлены основные тенденции развития экономической социологии и социологии труда, неэкономические ресурсы развития рыночных механизмов (ментальные, социально-политические, радиоструктурные), которые обеспечивают рост конкурентоспособности национальной экономики за счет повышения эффективности труда, мастерства и профессионализма (Г. Н. Соколова, О. В. Кобяк, И. И. Куропятник, Н. Н. Сечко, Е. В. Таранова, Л. П. Шахотько, И. А. Андрос, В. Я. Кочергин).

Начиная с 1998 г. научные сотрудники института активно занимаются исследованием причин, особенностей, социально-психологических последствий Чернобыльской катастрофы, которая была не только техногенной, радиоэкологической, но и в не меньшей степени социальной. Ими выявлены особенности управленческой деятельности и разработаны рекомендации по ее совершенствованию в процессе реабилитации радиоактивно-загрязненных территорий, восстановления там нормальных условий жизнедеятельности (Е. М. Бабосов, А. С. Круковский, С. А. Шавель, В. И. Русецкая, Т. И. Матюшкова, Г. П. Коршунов, Р. А. Смирнова и др.).

Первостепенную жизненную важность для человека имеет развитие социальной сферы общества. Наиболее крупный и общепризнанный вклад в социологическое исследование возникающих в ней проблем и способов их практического решения внесли труды С. А. Шавеля, В. Р. Шухатович, Р. А. Смирновой, А. В. Рубанова. Существенные результаты в социологическом анализе протекающих в данной сфере процессов получены также в работах Е. В. Мартищенковой, Д. В. Назаровой, О. Н. Ображей, Н. И. Яковлевой, С. В. Костюкевич.

Если рассматривать проблему включенности человека и социальных групп в систему культуры, то наиболее перспективным и плодотворным оказывается решение данной проблемы по пути углубленного социологического анализа реальных каналов и социально-психологических механизмов усвоения личностью всего духовного богатства, которым располагает наше современное общество, в том числе и белорусское. В этом направлении наиболее серьезные успехи достигнуты в разные годы научными сотрудниками Института социологии Э. К. Дорошевичем, В. Л. Абушенко, И. В. Лашук, Е. С. Бабосовой, О. Н. Лихачевой и др.

В социодинамике общественного развития важнейшее значение имеет активная включенность человека в демографические процессы. В социологическом исследовании таких процессов наиболее известные успехи достигнуты нашими научными сотрудниками А. А. Раковым, Л. П. Шахотько, А. Ю. Денисовым и др.

В Институте социологии исследовано своеобразие науки и многоуровневой системы образования как движущей силы прогрессивного развития общества и основного драйвера комплексной модернизации страны. Выявлена также возрастающая значимость научной и учебно-воспитательной деятельности в качестве интегрированного интеллекта и генератора человеческого капитала в органическом взаимодействии с профессиональной и моральной ответственностью ученого, с его целенаправленной деятельностью по подготовке молодых научных кадров, формированию талантов и их продвижению вверх по ступеням карьерно-знаниевой и карьерно-организационной лестницы. Изучены перспективы развития белорусской науки и образования в оценке ученых и педагогов, а также в зеркале общественного мнения, являющегося социальным пульсом общества. Здесь в первую очередь следует отметить монографии Г. А. Несветайлова, В. А. Клименко, В. И. Русецкой, В. И. Левко, И. Н. Шарого, П. И. Димитрука, С. Н. Кройтор.

Значительные успехи достигнуты научными сотрудниками нашего института в исследовании религии, религиозности и межконфессиональных отношений. В этой сфере наибольшую известность получили труды В. П. Оргиша, Ю. В. Никулиной, Н. Л. Балич, О. С. Шелест, Н. С. Щёкина.

В Институте социологии проведены исследования социально-психологических характеристик личности и трудовых коллективов, социальной активности различных групп населения республики (В. И. Секун, В. И. Русецкая, Е. Е. Серова, О. Г. Лукашова, Ю. Н. Назаренко, Н. С. Рысюкевич, А. С. Малмыгин и др.).

Научные сотрудники Института социологии основательно и скрупулезно работают в сфере методологии, многомерности шкалирования, математического обеспечения социологических исследований, статистического анализа социологических данных преимущественно в применении к осуществлению общереспубликанского социологического мониторинга и к изучению объективных и субъективных факторов профессиональной социализации личности (Г. М. Евелькин, С. А. Шавель, В. А. Клименко, О. В. Терещенко, Н. Н. Леонов, А. В. Комаровский, Е. М. Бородачева).

В процессе осуществления своей жизнедеятельности человек непрерывно взаимодействует с окружающей средой в двух ее ипостасях – природной и искусственно созданной. Их сложным взаимопереплетением выступает поселенческая структура (город, деревня, регион), являющаяся целостной средой жизнедеятельности и развития человека. Наиболее сложными для социологического исследования оказываются два последних из названных компонентов территориально-поселенческой структуры. Именно в их социологическом анализе достигнуты значительные успехи нашего института. В работах А. С. Круковского, Р. А. Смирновой, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакиревой и других сотрудников концептуализированы понятия экономического, социального, культурного, миграционного потенциала различных социальных групп населения сельских регионов, определены ресурсы различных сфер, функционирования современного села.

В условиях существенно интенсифицирующейся глобализации современного общества серьезную актуальность приобретает социологическое исследование миграционных потоков различных групп населения, тем более, что миграционная ситуация в Беларуси является сложной и неоднозначной, особенно в сельских регионах. Поэтому важное значение приобретают представленные в публикациях М. И. Артюхина, И. А. Лисовской, Т. А. Антоновой, С. А. Пушкевича предложения по совершенствованию и реализации государственной миграционной компании.

С 2005 г. сотрудники института занимаются изучением общественного мнения о развитии ядерной энергетики в Республике Беларусь и строительстве белорусской атомной электростанции в Островецком районе Гродненской области. Инициатором и первым руководителем проекта был М. Н. Хурс, дальнейшее руководство и социологические исследования проводят С. А. Шавель и Е. В. Мартищенко.

В работах научных сотрудников С. А. Шавеля, Г. Н. Соколовой, Н. А. Барановского, В. Р. Шухатович и других разработана система эмпирических индикаторов, позволяющих в социологических исследованиях расширить социальные механизмы формирования и повышения качества человеческого и социального капитала, мотивации творческой социальной активности работников, снижения уровня преступности и других форм противоправного и девиантного поведения, повышения качества жизни белорусского народа.

В рамках международного сотрудничества, по заказу GFA Консалтинг групп (Германия), выполнено исследование по теме «Удовлетворенность системой ПОО и имиджа среди населения Республики Беларусь» в рамках ЕС проекта «Занятость, профессиональное образование и обучение в Беларуси» (Г. П. Коршунов, Е. В. Мартищенко, С. В. Костюкевич, Н. Ф. Денисова, О. Н. Мицкевич, Н. А. Сосновская).

Институт социологии НАН Беларуси поддерживает и развивает творческие научные связи с Институтом социологии и Институтом социально-политических исследований Российской академии наук, Институтом социологии НАН Украины, социологическим факультетом Московского университета, социологическим факультетом Санкт-Петербургского университета, Варшавской высшей школой финансов и управления, рядом философских и социологических кафедр вузов Беларуси и России.

Лучшим способом отметить юбилей организации, как подчеркивал В. И. Ленин, является умение сосредоточить внимание на нерешенных задачах, которые стоят перед ней в ближайшей и более отдаленной перспективе. Среди этих задач наиболее жизненно необходимыми в Институте социологии НАН Беларуси являются непременно восстановление и сбережение творческого ядра академического исследовательского учреждения – докторов наук, являющихся основными генераторами новых научных идей, программ, методов исследования при одновременном расширении вовлечения талантливой молодежи в сферу научной деятельности через магистратуру, аспирантуру, соискательство. О важности решения данной задачи свидетельствуют следующие цифры. В начале 2000-х гг. в Институте социологии работало 15 докторов наук, а на момент увольнения директора И. В. Котлярова их осталось всего трое – С. А. Шавель, Н. А. Барановский, Е. М. Бабосов. Мы сейчас даже не в состоянии создать Совет по защите докторских диссертаций, который всегда у нас существовал, начиная со дня создания института. Разумеется, это задача не одного месяца или года, а многих лет напряженной работы.

Второй круг задач и проблем, которые предстоит решать нашим социологам, заключается в углубленном социологическом исследовании обширного поля процессов, явлений и событий, составляющих качественное своеобразие успешного создания белорусским народом IT-страны в нашей республике.

Третий круг проблем, который предстоит решать нашему институту, заключается в исследовании социологическими средствами и методами возможностей творческого роста человека и высшего состояния духовности, высвобождения его из сетей меркантильного потребительства путем реализации внутреннего принципа целеустремленного самосознания и саморазвития эмоционально-практически понимающего креативного мышления и действия в его уникальности, целостности и полноте.

Четвертое актуальное направление, в котором, по моему мнению, должна активно развиваться исследовательская деятельность нашего института, заключается в социологическом становлении многосущности социального органа, состоящего из многонаправленных бесконечных сетей коммуникационных взаимодействий личностей и социальных общностей с нарастающими в них трендами цифровизации, мультикультурализма, мультиязычности и трансгуманизма, новых чрезвычайно подвижных способов идентификации.

Наконец, пятое направление концентрации исследовательской деятельности в Институте социологии должно, по моему убеждению, осуществляться в тесном взаимодействии с исследователями из Военной академии и Института национальной безопасности на предмет изучения, осмысления и интерпретации многомерных проблем безопасности с учетом того, что в современных условиях активные угрозы нашему государству формируются в информационном пространстве, а наша республика испытывает на себе возрастающее внешнее и внутреннее медиадавление.

В процессе всех наших исследований нельзя забывать, что мы живем и работаем в суверенном государстве, действующем в интересах белорусского народа.

Информация об авторе

Бабосов Евгений Михайлович – академик, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: Isst@socio.bas-net.by

Information about the author

Evgeni M. Babosov – Academician, D. Sc. (Philos.), Professor, Head of the Department. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: Isst@socio.bas-net.by.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 165.0:316.422
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-15-24>

Поступила в редакцию 28.10.2019
Received 28.10.2019

А. Ю. Косенков

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ПРОЦЕССЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Аннотация. На основе анализа трансформации технической реальности, вызванной разработкой компьютерной техники и цифровых технологий, раскрывается сущность цифровизации и цифровых трансформаций. Определяется, что под цифровизацией следует понимать процесс создания посредством цифровых технологий определенного реального (виртуального) цифрового продукта с информационными, коммуникативными, производственными, экономическими и другими целями. Отмечается, что процесс цифровизации приводит к цифровым трансформациям – процессам изменения реальности, вызванным использованием цифровых технологий, созданным с их помощью цифровым реальным (виртуальным) продуктам, интегрированным в биологическую среду, социум, технику. Устанавливается, что процессы цифровизации, обусловленные трансформациями технической реальности, оказывают на нее обратное трансформационное воздействие.

Ключевые слова: техническая реальность, цифровизация, цифровая трансформация, цифровая реальность, интернет вещей

Для цитирования: Косенков, А. Ю. Процессы цифровизации в контексте философско-технического осмысления / А. Ю. Косенков // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 1. – С. 15–24. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-15-24>

Alexander Yu. Kosenkov

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PROCESSES OF DIGITALIZATION IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHICAL-TECHNICAL INTERPRETATION

Abstract. Based on the analysis of transformations of the technical reality of the last century related to the development of computers and digital technologies, the article discusses the processes of digitalization and digital transformations. It has been established that digitalization can be understood as the process of creating, through digital technologies, a specific real or virtual digital product with information, communication, production, economic and other purposes. It is noted that the digitalization process leads to digital transformations – processes of a qualitative change in the structural elements of reality associated with the development and use of digital technologies and digital products. The study also establishes that digitalization processes, due to the advent of computer devices and digital technologies, are transforming technical reality.

Keywords: technical reality, digitalization, digital transformation, digital reality, Internet of things

For citation: Kosenkov A. Yu. Processes of digitalization in the context of philosophical-technical interpretation / *Vesti Natsyynal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 1, pp. 15–24 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-15-24>

Введение. Интенсивное развитие компьютерной техники, разработки в области искусственного интеллекта, распространение интернета, появление и внедрение новых технологий (блокчейн, облачные вычисления, большие данные, интернет вещей и др.) и другие технологические процессы кардинально меняют облик цивилизации. Цифровая трансформация реальности – так можно назвать происходящие сегодня изменения – оказывается в центре внимания ученых, политиков, бизнесменов, общественности и, конечно же, философов. Уже сегодня исследователи задаются вопросами касательно сущности цифровых трансформаций, места человека в цифровом мире, угроз и вызовов цифровизации и пр. В контексте онтологического и гносеологического осмысления происходящих изменений важным является ответ на вопрос о формировании в процессе трансформаций цифровой реальности.

Целью философско-онтологического осмысления цифровых трансформаций является анализ эволюции технической реальности на информационном этапе развития общества. Выбор данной

познавательной стратегии (от философии техники к онтологии цифровой реальности) обусловлен рядом причин. Во-первых, цифровые трансформации фактически обусловлены появлением компьютерной техники и цифровых технологий. Во-вторых, в информационных процессах цифровой реальности (субъект – компьютерная техника – объективная реальность) именно посредством компьютерной техники происходит кодирование данных. В-третьих, расширение пределов цифровой реальности осуществляется в процессе компьютеризации и информатизации. В-четвертых, виртуальные цифровые продукты цифровой реальности порождаются, репрезентируются и функционируют с помощью компьютерных устройств.

Цель данного исследования – на основе анализа развития технической реальности раскрыть предпосылки и сущность процессов цифровизации и цифровых трансформаций.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) дать определение технической реальности и выявить ее структурные элементы;
- 2) определить роль компьютерной революции в развитии последующих процессов цифровизации и цифровых трансформаций;
- 3) раскрыть сущность понятий цифровизация и цифровая трансформация;
- 4) проанализировать цифровые трансформации технической реальности и определить перспективы данного процесса.

Понятие и элементы технической реальности. Одной из важнейших характеристик цифровой реальности является ее связь с компьютерной техникой. Как уже было отмечено, это обусловлено тем, что цифровая реальность фактически формируется компьютерной техникой; в информационных процессах цифровой реальности посредством компьютерной техники происходит кодирование информации; виртуальные объекты цифровой реальности порождаются и функционируют с помощью компьютерных устройств.

Помимо этого логика цифровых трансформаций имеет много общего с логикой техносозидательной деятельности человека и технического развития цивилизации. Технические средства создаются с целью оптимизации труда, установления контроля над природой, создания условий для более эффективного протекания производственных, экономических, политических, культурных процессов и минимизации участия в них человека. Немецкий философ Х. Закссе, к примеру, отмечал, что технику следует рассматривать как обходной путь человека к достижению поставленной цели [1, с. 424]. Примечательно, но экономист Д. Тапскотт заметил, что важнейшим следствием цифровизации является исключение посредников в экономике. Как показывает сегодняшний день, исключение посредников – один из главных результатов цифровых трансформаций, который просматривается во всех сферах жизни общества, где происходит цифровизация: концепции электронного правительства и цифрового государства уменьшают значение бюрократии как посредника между властью и гражданами; технология блокчейн позволяет субъектам и учреждениям взаимодействовать без участия институтов, выполняющих посреднические функции (банк, нотариат и т. д.).

Ввиду вышесказанного философско-техническое осмысление природы цифровой реальности, выявление роли технических факторов в процессе ее формирования и функционирования являются весьма важными в процессе познания цифровых трансформаций и цифровой реальности.

Обращение к философско-технической проблематике во многих работах часто начинается с определения техники. И. В. Цвык выделяет три группы данного понятия: 1) техника как искусственная материальная система; 2) техника как средство деятельности; 3) техника как определенные способы деятельности [2, с. 227–228]. Каждая группа понятий не может в полной мере отразить всю сущность техники, а «причина этого заключается в относительной неисчерпаемости самих возможностей техники, а также тех познавательных средств, с помощью которых человек выявляет новые стороны, связи, возможности и ограниченности самой техники» [1, с. 5].

Однако сопоставлять все техническое исключительно с понятием техники (тем более в том случае, когда оно является весьма многозначным) или технологии, на наш взгляд, неуместно. Подходить к пониманию данного феномена необходимо через понятие технической реальности. По определению В. П. Котенко, техническая реальность – это система самоорганизующейся системотехнической деятельности, эволюционирующая вместе с природно-космической средой на

основе объективирующихся знаний различных областей науки, техники, искусства, нового типа рациональности, новых инновационных технологий [3, с. 18–19]. Важным является то, что автор, рассматривая данную реальность, выделяет в ней ряд взаимосвязанных между собой элементов. На основе анализа работы В. П. Котенко и других исследователей (В. М. Розин, Б. С. Михайлов, Н. В. Попкова, Б. И. Кудрин и др.) элементы технической реальности можно представить следующим образом.

1. *Технические изделия (устройства) технической реальности* – материальные объекты, созданные в результате технической деятельности человека.

2. *Техника* – это средства и орудия, удовлетворяющие или разрешающие определенную человеческую потребность в силе, движении, энергии, защите, а также способы деятельности, которые придумываются людьми для достижения каких-либо целей [3, с. 48].

3. *Технические системы*. Технические устройства не существуют автономно, а образуют системы, где одни устройства могут функционировать (или функционировать эффективней) только при соединении с другими. Исследователи используют разные понятия для описания технических систем: технотоп (Н. Ф. Реймерс), техноценоз (Б. И. Кудрин) и пр.

4. *Технологии*: а) совокупность знаний о способах обработки материалов, изделий, методах осуществления каких-либо производственных процессов; б) совокупность операций, осуществляемых определенным образом и в определенной последовательности, из которых складывается процесс обработки материала, изделия [4, с. 16].

5. *Технознание* – знание, которое используется человеком в процессе создания и эксплуатации технических устройств и техники. При этом естественные и технические науки – далеко не единственные источники технического знания. Б. И. Иванов в структуру технического знания включает: философско-методологический слой знания, формируемый философией техники; техноведческий слой знаний, вырабатываемый техноведческой деятельностью; технический слой знаний, включающий в свой состав научно-технические знания (система технических наук); инженерно-методологические знания и практические знания (система инженерной деятельности, проектирования, конструирования, производства и эксплуатации); экспертный слой знания, связанный с оценкой техники на всех стадиях ее исследования, разработки, изготовления и эксплуатации [3, с. 480].

6. *Техническая деятельность* – особый вид человеческой деятельности, направленный на создание и эксплуатацию техники и технических устройств.

7. *Принципы и динамика развития техники*. Техническая реальность и все ее элементы развиваются. Как показывает история развития техники, техническая реальность может развиваться как эволюционно, так и революционно, а по отношению к современным техническим сетям вполне применимы принципы самоорганизации. Однако некоторые исследователи этим не ограничиваются: в работе Б. С. Михайлова, к примеру, выделяется семнадцать принципов, комплекс внутренних и внешних факторов развития техники [5].

8. *Технологическая культура* – достаточно многоаспектное понятие, которое в широком смысле обозначает место техники в мировоззрении как отдельной личности, так и общества или цивилизации на определенном этапе развития в целом. На важность культурно-мировоззренческих детерминант в развитии и осмыслении техники обращает внимание В. М. Розин. Анализируя технику ранних этапов развития цивилизации, он отмечает, что древний человек «осознает свою деятельность, предполагающую техническое мастерство, и ее продукты (т. е. то, что для нас выглядит как техника) в картине взаимоотношений человека с духами и богами» [6, с. 61]. Технологическая культура на протяжении всей истории меняется, а ее революционные изменения чаще всего связаны со сменой мировоззренческих парадигм. С другой стороны, можно увидеть и обратную связь: новые технические устройства или технологии оказывают влияние на мировоззрение. Представления об Универсуме как о механизме, очевидно, не могли бы возникнуть без изобретения последних.

Если рассматривать историко-генетический аспект развития технической реальности, то можно отметить, что с появлением определенных технических устройств происходит трансформация (перестройка) технической реальности: появляются новые технические устройства и тех-

нологии; усложняется или изменяется структура технического знания; происходит преобразование технологической культуры и т. д. В XX в. трансформации технической реальности были обусловлены появлением ряда технических устройств (компьютер, транзисторы, микропроцессоры и пр.). Кроме трансформирующего воздействия на техническую реальность, развитие компьютерной техники стало предпосылкой процессов цифровизации и цифровых трансформаций.

Компьютер, цифровые технологии и процессы цифровых трансформаций. Глобальные трансформации технической реальности XX столетия были обусловлены развитием компьютерной техники. У. Айзексон в работе, посвященной истории компьютера, определяет его как электронное устройство, которое может получать информацию (данные) в определенной форме и выполнять последовательность операций в соответствии с предварительно заданным, но изменяемым набором (программой) процедурных инструкций для получения результата [7, с. 106]. К ключевым признакам компьютера, фактически отличающим его от других устройств, автор относит: 1) возможность программирования; 2) выполнение различных операций с информацией.

В развитии компьютерной техники просматривались (и просматриваются поныне) следующие тенденции: увеличение мощности; увеличение диапазона выполняемых функций; уменьшение размеров; адаптация к пользователю; удешевление (как составных частей, так и компьютеров в целом); расширение диапазона внедрения (от военной сферы в конце 1940-х гг. до начала массовой компьютеризации 1980-х гг.).

Компьютер – это устройство, которое выполняет различные операции с данными. Ввиду этого вместе с развитием компьютерной техники стали разрабатываться технологии передачи данных. Одним из наиболее эффективных является цифровой способ, посредством которого все данные представляются в виде нулей и единиц. Этот способ, если описывать его кратко, построен по несложному логическому и техническому принципу: единица может означать действие, «истинное утверждение», а ноль – отсутствие действия. Цифровые технологии по сравнению с альтернативными аналоговыми (они работают по принципу непрерывной передачи данных) обладают рядом преимуществ: данные не искажаются, быстрее передаются, могут дольше храниться. При этом важно отметить, что аналоговые технологии не вытеснены цифровыми, а используются, к примеру, в звукозаписи.

Развитие цифровых технологий обусловило «цифровую революцию» – массовый переход от аналоговых технологий к цифровым в 1980-х гг. По словам А. Н. Козырева, последние сначала массово внедрялись в военную сферу, космическую и ядерную отрасли, а позже «захватили всю медиасферу, стали проникать в самые разные отрасли, включая энергетику, строительство и транспорт» [8]. Цифровые трансформации были значительно ускорены после распространения интернета в 1990-х гг., а в начале XX столетия – после появления миниатюрных гаджетов (смартфонов, планшетов и т. д.). Конец 2000-х гг. был ознаменован появлением ряда технологий (блокчейн, большие данные, интернет вещей, искусственный интеллект, облачные технологии), внедрение которых приводит к еще более интенсивным трансформациям действительности. Именно с вышеназванными технологиями и связывают на данном этапе развития общества процессы цифровых трансформаций.

На ранних этапах развития компьютерной техники и цифровых технологий приоритетной задачей было их повсеместное внедрение с целью создания цифровой и информационно-коммуникативной инфраструктуры, автоматизации, информатизации, создания баз данных и т. д. Сегодня же исследователи, политики и бизнесмены, говоря о цифровизации, имеют в виду качественно новый этап использования цифровых технологий, направленный на создание определенного реального и виртуального цифрового продукта (техническое устройство, веб-сайт, новая технология, мобильное приложение, цифровой двойник реального объекта и т. д.), с помощью которого можно минимизировать издержки; повысить производительность труда; создать определенный реальный или виртуальный продукт; произвести оптимизацию и ускорение информационных процессов; создать новые информационные каналы; повысить эффективность функционирования технических систем посредством их автоматизации и автономизации; быстрее удовлетворить информационные потребности индивида; выработать более эффективные способы поиска необходимой информации из массива данных; способствовать созданию более

комфортной окружающей среды и пр. Ввиду данных преимуществ во многих государствах реализуются масштабные проекты (Индустрия 4.0 – в Германии, Общество 5.0 – в Японии, Интернет+ – в Китае, проекты строительства цифровой экономики – в Республике Беларусь и др.), направленные на внедрение цифровых технологий в производство, бизнес, государственное управление, медицину, образование и другие сферы.

В целом цифровизацию можно охарактеризовать как технико-технологический процесс создания и внедрения посредством компьютерной техники и цифровых технологий определенного реального (робот, подключенное устройство и т. д.) или виртуального (цифровой двойник, веб-сайт, приложение и пр.) цифрового продукта с информационными, коммуникативными, производственными, экономическими и другими целями. В свою очередь цифровой продукт, создаваемый посредством компьютера и технологий, не может быть репрезентирован без помощи компьютерных устройств.

Процессы цифровизации трансформируют нашу действительность. На примере социальной реальности можно заметить, что посредством цифровизации меняются (и формируются новые) социальные институты, происходят изменения в социальной структуре, вырабатываются новые социальные нормы, культурные практики и модели поведения.

Наиболее масштабные трансформации, вызванные внедрением цифровых технологий, наблюдаются в бизнесе. С помощью цифровых технологий бизнес-компании снижают издержки (посредством, к примеру, технологий интернет вещей), изучают потребительские предпочтения потенциальных покупателей (технологии больших данных), выходят на новые рынки и улучшают качество сервиса с помощью интернета, увеличивают производительность за счет внедрения робототехники и технологий искусственного интеллекта, децентрализуют производственные процессы с помощью аддитивных технологий. Внедрение цифровых технологий для получения названных выгод часто (но не всегда) приводит к переходу к новым формам организации труда, производства и продажи товаров и пр. Немецкая железнодорожная компания «DeutscheBahn», например, в процессе цифровизации создала лабораторию, изучающую применение цифровых и технологических трендов в области пассажирских перевозок; компанию по анализу данных и их коммерциализации (данные о клиентах, данные, получаемые с датчиков на объектах железнодорожного транспорта и логистики); корпоративный венчурный фонд, осуществляющий поиск, доработку и внедрение инноваций, источником которых являются внешние и внутренние стартапы [9]. Компания «Red Collar», использующая технологии больших данных для создания индивидуальных фасонов одежды, отказалась от прежней управленческой структуры (департаментов и отделов, включая кадровую службу и отдел финансов) и начала использовать платформу модель управления [10, с. 89].

Цифровые трансформации приводят к изменениям всех структурных элементов социальной реальности. Внедрение цифровых технологий, к примеру, в системе образования ставит вопрос о выработке новых форм и методов обучения, реорганизации учебного процесса [11]. Политические партии, общественные организации, религиозные институты используют цифровые технологии в качестве инструмента для внутренней и внешней коммуникации (создание интернет-сайтов, мобильных приложений), включения в свои институты новых членов. К примеру, в январе 2019 г. католическая церковь, представила сервис «ClicktoPray» – платформу, которая предлагает участвовать в молитвах верующих со всего света [12].

Всю совокупность изменений, происходящих в социальной реальности, можно охарактеризовать как цифровые трансформации – процессы изменения реальности, вызванные интеграцией цифровых технологий и созданных посредством их физических (виртуальных) продуктов в социум. При этом процессы цифровых трансформаций заставляют поставить более фундаментальный вопрос: можно ли говорить о том, что в процессе трансформаций формируется цифровая реальность? Можно ли утверждать, что цифровые трансформации выходят за пределы социальной реальности? Данные вопросы оставим открытыми для дальнейшего философского осмысления.

Таким образом, процессы цифровизации и цифровые трансформации обусловлены компьютерной революцией и появлением цифровых технологий. Ввиду технологических возможностей и потенциальных выгод, которые могут принести данные технологии и создаваемые с их помощью

продукты, началось их активное внедрение, которое приводит к трансформациям социума и, предположительно, обладает потенциалом для более масштабных трансформаций.

Цифровая трансформация технической реальности. Процессы цифровизации, обусловленные трансформацией технической реальности прошлого столетия, оказывают на нее обратное трансформирующее воздействие. Еще в конце прошлого столетия Х. Ленком было замечено, что «традиционная материальная техника преобразовывается в организационную и информационную технику» [13, с. 28]. Свидетельством этих процессов на современном этапе развития техники является внедрение технологий интернета вещей.

В техническом плане технологии интернета вещей можно определить как объединяющий термин для всей совокупности технологий, которые обеспечивают захват разного рода данных из внешней среды и их дальнейшую обработку при минимальном участии человека [14, с. 8]. Посредством этой технологии создаются «умные» среды («Умный дом», «Умный город» и т. д.), в пределах которых происходит мгновенный обмен данными как между субъектом и техническими устройствами, так и между техническими устройствами. «Умные» среды позволяют управлять производственными процессами, осуществлять сбор данных, ускорять информационные процессы, улучшать качество предоставляемых услуг, создавать комфортную окружающую среду и т. д.

Технологии интернета вещей развиваются весьма интенсивно, о чем свидетельствуют следующие данные: по оценкам Фонда развития интернет-инициатив, количество подключенных объектов в мире в 2020 г. будет составлять 25 млрд, не считая подключенных к сети компьютеров, планшетов, смартфонов и ноутбуков [15]. При этом отметим, что процесс подключения происходит не только по мере создания новых компьютерных устройств, но и за счет цифровизации некомпьютерной техники. Эти процессы в свою очередь приводят к гиперподключенности – состоянию среды, в которой количество подключенных к сети объектов превосходит количество субъектов (пользователей).

Интенсивное увеличение подключенных устройств можно объяснить относительной технической несложностью технологии. Ведь в целом для того, чтобы технология интернет вещей функционировала, необходимо наличие: а) специальных сенсоров или датчиков, посредством которых технические устройства (подключенные объекты) смогут принимать, обрабатывать, хранить, передавать данные; б) функционирующей локальной сети или сети интернет, в пределах пространства которых будут происходить процессы обмена данными; в) единых технологических стандартов.

Развитие технологии интернет вещей свидетельствует о том, что посредством цифровой трансформации технические устройства начинают выполнять новые для них функции (прежде всего, обмен данными), становятся программируемыми, обретая, таким образом, черты компьютерной техники. Важным также является то, что технологии интернет вещей в частности и цифровизация технических устройств в целом задают пространственные пределы цифровой реальности: по мере увеличения подключенных устройств реальность буквально «покрывается» «умными» средами.

Проанализируем, каким образом процессы цифровизации оказывают трансформирующий эффект на элементы технической реальности.

1. *Технические устройства и техника.* Компьютер – новый вид технического устройства, являющийся ядром цифровой технической реальности. В процессе развития цифровых технологий количество технических устройств, обретающих функции компьютера, значительно увеличиваются. Кроме того, созданные в процессе эксплуатации цифровых технологий цифровые реальные или виртуальные продукты (например, цифровые двойники) во многом имеют такие же функции, как технические устройства или техника, т. к. они способны удовлетворить или разрешить определенную потребность в силе, движении, энергии, защите.

Создаваемые с помощью технологий цифровые реальные и виртуальные продукты также непосредственно связаны с техникой: во-первых, они могут быть созданы только с помощью компьютерных устройств; во-вторых, именно с помощью данных устройств цифровые продукты могут быть внедрены, репрезентированы, использованы. В данном случае компьютерные устрой-

ства порождают реальные и виртуальные цифровые продукты и позволяют функционировать объектам цифровой реальности, выполняя для них, таким образом, роль своеобразной субстанции.

2. *Технические системы.* Посредством компьютерных устройств образуются локальные и глобальные технические сети, функционирующие, в отличие от предыдущих этапов развития технической реальности, с помощью интернета. Помимо этого, наблюдается тенденция автономизации технических систем. В перспективе развития, к примеру, технологии интернета вещей (по мере подключения все большего числа объектов, минимизации участия человека в информационных процессах и развития технологий искусственного интеллекта) количество объект-объектных взаимодействий в цифровом мире будет преобладать над субъект-объектными.

3. *Технологии.* Вместе с появлением компьютера используются новые виды технологий, ведущее место среди которых занимают цифровые. К технологиям, оказывающим сегодня наибольшее воздействие на трансформационные процессы, являются блокчейн, интернет вещей, большие данные, облачные технологии, искусственный интеллект, аддитивные технологии.

4. *Технические знания.* Новыми источниками технознаний стали кибернетика, информатика, теория информации, что позволяет говорить об усложнении данного структурного элемента технической реальности. Кроме того, возрастает роль экспертных знаний, необходимых для оценки техники.

5. *Техническая деятельность.* По причине того, что компьютер – программируемое устройство, появляется программирование как особый вид деятельности.

6. *Принципы и динамика развития техники.* По мере усложнения социальной реальности, увеличения количества технических устройств и систем увеличивается количество факторов (социально-экономических, экологических и внутритехнических (интерналистских) и других), которые влияют на динамику технической реальности.

7. *Технологическая культура.* Восприятие новой техники и технологий, как и на предыдущих этапах развития технической реальности, варьируется от пессимистических до оптимистических. В культуре попытки осмысления техники, ее положительных и негативных сторон находят свое выражение в целом ряде художественных произведений: от книг С. Лема до кинокартин «Матрица» братьев Вачовски, сериала «Черное зеркало» Ч. Брукера.

Позитивные оценки вызваны в основном вышеназванными преимуществами (уменьшение количества посредников; минимизация издержек; создание комфортной интеллектуальной среды и т. д.), которые предоставляют цифровые технологии. Основные пессимистические оценки использования цифровых технологий можно классифицировать по следующим группам:

– технические – увеличение зависимости человека и общества от техники и технологий; проблема кибербезопасности и «хрупкости» технических систем;

– политические и правовые – перспективы технологического тоталитаризма ввиду «прозрачности» цифрового мира; использование цифровых технологий в качестве инструмента для манипулирования населением; кибервойны, угроза национальной безопасности; проблемы законодательного регулирования развития и внедрения цифровых технологий;

– социальные и экономические – вытеснение в процессе роботизации человека из трудовых процессов и проблема массовой безработицы в ближайшей перспективе; отсутствие доступа у некоторых категорий населения (а в глобальном масштабе – целых регионов) к технологиям и информации (проблема цифрового неравенства);

– антропологические и психологические – трансгуманистические перспективы развития человеческого вида; проблема личностного развития индивида в технологизированном и автоматизированном мире; открытость частной жизни человека ввиду «прозрачности» цифрового мира; проблема взаимодействия человек–робот; ускорение информационных процессов и проблема адаптации к постоянным изменениям; виртуализация жизни человека.

Как видим, вышесказанное подтверждает тезис о том, что компьютерная техника и цифровые технологии приводят к трансформациям технической реальности.

Однако до какой степени техническая реальность может быть «оцифрована»? С. Грингард, один из исследователей технологии интернета вещей, считает, что может состояться переход от технологий интернета вещей к технологиям интернета всего, представляющих из себя более

развитое и совершенное состояние, в котором физический и цифровой миры сливаются в единое пространство [16, с. 36]. Вполне вероятно, что подобная точка зрения обусловлена, с одной стороны, завышенными ожиданиями от технологии интернет вещей, а с другой – интенсивным увеличением количества подключенных устройств.

Тем не менее анализ цифровой трансформации демонстрирует, что тотальная цифровизация техники нецелесообразна, а в некоторых случаях – невозможна. Цифровизация затрагивает в первую очередь те технические устройства, которые потенциально могут обмениваться данными, необходимыми для мониторинга, сбора информации, управления различными процессами. Значительное же число предприятий не может сегодня осуществить переход к цифровым моделям ввиду того, что их техническое оборудование устарело и не способно по техническим причинам выполнять вышеназванные функции.

Помимо этого, одним из сдерживающих факторов цифровизации является проблема кибербезопасности. Сегодня, например, для того чтобы ликвидировать «умную» систему или получить доступ к данным, достаточно взломать подключенный к системе объект вроде робота или «умного» холодильника. Данное обстоятельство заставляет институты и организации создавать системы кибербезопасности, разрабатывать соответствующее программное обеспечение и нормативно-правовые акты, увеличивать финансовые вложения в системы защиты.

Несмотря на то что значение цифровых устройств в информационных, экономических, производственных, политических, культурных процессах неизменно возрастает, техническая реальность не трансформируется полностью. Цифровые устройства функционируют наряду с индустриальной и аграрной техникой, потому что цифровая трансформация может рассматриваться только лишь как одно из направлений развития технической реальности в нынешнем столетии.

Заключение. Таким образом, в ходе исследования, целью которого было на основе анализа технической реальности установить предпосылки возникновения, развития, а также сущность процессов цифровизации и цифровых трансформаций, выявлено следующее.

1. Техническая реальность – это система самоорганизующейся системотехнической деятельности, эволюционирующая вместе с природно-космической средой на основе объективирующихся знаний различных областей науки, техники, искусства, нового типа рациональности и инновационных технологий. К ключевым элементам технической реальности следует отнести: технические устройства; технику; технологии; технические системы; технические знания; техническую деятельность; принципы и динамику развития техники; технологическую культуру.

2. Трансформации технической реальности, вызванные появлением сначала компьютера, а потом цифровых технологий, привели к процессам цифровизации и цифровым трансформациям. Ввиду технологических возможностей и потенциальных выгод, которые могут принести данные технологии и создаваемые с их помощью продукты (можно заметить, что посредством внедрения цифровых продуктов исключаются посредники, повышается производительность труда, снижаются издержки, создаются новые информационные каналы и формы коммуникации, быстрее удовлетворяются информационные потребности индивида, создается комфортная окружающая среда), началось их активное внедрение во все сферы общества.

3. Установлено, что под цифровизацией можно понимать процесс создания посредством цифровых технологий определенного реального или виртуального цифрового продукта с информационными, коммуникативными, производственными, экономическими и другими целями. Процесс цифровизации в свою очередь приводит к цифровым трансформациям – процессам изменения реальности, вызванным интеграцией цифровых технологий и созданным посредством их физических (виртуальных) продуктов в социуме.

4. Процессы цифровизации приводят к трансформациям элементов технической реальности (появляется большое количество программируемых технических устройств, выполняющих функции компьютера; формируются новые технические системы; усложняются технoзнания; появляются и внедряются новые технологии; меняется технологическая культура и т. д.). При этом цифровая трансформация технической реальности не является тотальной (ввиду невозможности и нецелесообразности цифровизации существующих технических устройств, фактора безопасности), а цифровые технические устройства функционируют наряду с нецифровой техникой.

Цифровая трансформация технической реальности может рассматриваться как одно из направлений ее развития в нынешнем столетии.

Использование анализа технической реальности в качестве методологической стратегии оказалось необходимым, в первую очередь, для определения предпосылок возникновения процессов цифровизации и цифровых трансформаций, а также установления того, что именно в процессе технической деятельности посредством компьютерных устройств и технологий разрабатываются, внедряются, репрезентируются и используются цифровые продукты. Подключенная техника и образованные с помощью нее системы задают пространственные пределы функционирования цифровой реальности, а развитие техники и цифровых технологий меняет качественное состояние объектов цифровой реальности, характер взаимодействий между ними. Именно ввиду названных причин философско-техническое осмысление цифровых трансформаций представляет методологическую ценность для дальнейших исследований цифровой реальности.

Список использованных источников

1. Философия техники в ФРГ : сб. ст. / под ред. Ц. Г. Арзаканяна, В. Г. Горохова ; пер. с нем. и англ. Ц. Г. Арзаканяна [и др.]. – М. : Прогресс, 1989. – 528 с.
2. Цвык, И. В. Философия техники: сущность, перспективы развития / И. В. Цвык // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. 12, вып. 1 (№ 53–54). – С. 226–233.
3. Котенко, В. П. История и философия технической реальности : учеб. пособие для вузов / В. П. Котенко. – М. : Трикта : Акад. Проект, 2009. – 623 с.
4. Жукова, Е. А. Hi-Tech: динамика взаимодействий науки, общества и технологий : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.08 / Е. А. Жукова. – Томск, 2007. – 39 с.
5. Михайлов, Б. С. Основные принципы и законы развития техники / Б. С. Михайлов. – СПб. : СПГУТД, 2005. – 279 с.
6. Розин, В. М. Техника и технология: от каменных орудий до Интернета и роботов / В. М. Розин. – Йошкар-Ола : Поволж. гос. технол. ун-т, 2016. – 279 с.
7. Айзексон, У. Инноваторы. Как несколько гениев, хакеров и гиков совершили цифровую революцию / У. Айзексон ; пер. с англ. И. Кагановой [и др.]. – М. : АСТ, CORPUS, 2015. – 652 с.
8. Козырев, А. Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе / А. Н. Козырев // Цифровая экономика. – 2018. – № 1 (1). – С. 5–19. <https://doi.org/10.34706/DE-2018-01-01>
9. Минин, С. Чужие ошибки: как избежать провала цифровой трансформации бизнеса [Электронный ресурс] / С. Минин // Forbes. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/tehnologii/363239-chuzhie-oshibki-kak-izbezhat-provala-cifrovoy-transformacii-biznesa>. – Дата доступа: 01.08.2019.
10. Ма, Хуатэн. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики / Хуатэн Ма. – М. : Интеллект. лит., 2019. – 256 с.
11. Никулина, Т. В. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление / Т. В. Никулина, Е. Б. Стариченко // Пед. образование в России. – 2018. – № 8. – С. 107–113.
12. Старицкая, А. «Кликни, чтобы молиться». Искажит ли суть веры цифровизация религии? [Электронный ресурс] / А. Старицкая. – Режим доступа: <https://360tv.ru/news/tekst/klikni-chtoby-molitsja-iskazit-li-sut-very-tsifrovizatsija-religii/>. – Дата доступа: 01.08.2019.
13. Ленк, Х. Размышления о современной технике / Х. Ленк ; пер. с нем. под ред. В. С. Степина. – М. : Аспект-пресс, 1996. – 183 с.
14. Зараменских, Е. П. Интернет вещей. Исследования и область применения / Е. П. Зараменских, И. Е. Артемьев. – М. : ИНФРА-М, 2017. – 188 с.
15. Решетникова, Н. Станки выходят на связь [Электронный ресурс] / Н. Решетникова // Рос. газ. – 2016. – Спецвып. (№ 218). – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/09/27/chislo-podkliuchennyh-k-seti-ustrojstv-k-2020-godu-dostignet-25-milliardov.html>. – Дата доступа: 01.08.2019.
16. Грингард, С. Интернет вещей: будущее уже здесь / С. Грингард ; пер. с англ. – М. : Альпина Паблишер, 2016. – 186 с.

References

1. Arzakanyan C. Ts., Gorokhov V. G. (eds.). *Philosophy of technology in Germany*. Moscow, Progress Publ., 1989. 528 p. (in Russian).
2. Tsvyk I. V. Philosophy of technology: essence, development prospects. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2010, vol. 12, iss.1 (№ 53–54), pp. 226–233 (in Russian).
3. Kotenko V. P. *History and philosophy of technical reality*. Moscow, Triкта Publ., Akademicheskii proekt Publ., 2009. 623 p. (in Russian).
4. Zhukova E. A. *Hi-Tech: dynamics of interactions between science, society and technology*. Abstract of Ph. D. diss. Tomsk, 2007. 39 p. (in Russian).

5. Mikhailov B. S. *Basic principles and laws of technology development*. St. Petersburg, St. Petersburg state University of Technology and Design, 2005. 279 p. (in Russian).
6. Rozin V. M. *Technics and technology: from stone tools to the Internet and robots*. Yoshkar-Ola, Volga State University of Technology, 2016. 279 p. (in Russian).
7. Isaacson W. *The innovators : how a group of hackers, geniuses, and geeks created the digital revolution*. New York, Simon & Schuster, 2014. 542 p.
8. Kozyrev A. N. Digital economy and digitalization in historical retrospect. *Tsifrovaya ekonomika = Digital Economy*, 2018, no. 1 (1), pp. 5–19 (in Russian). <https://doi.org/10.34706/DE-2018-01-01>
9. Minin S. Other mistakes: how to avoid the failure of digital business transformation. *Forbes*. Available at: <https://www.forbes.ru/tehnologii/363239-chuzhie-oshibki-kak-izbezhat-provala-cifrovoy-transformacii-biznesa> (accessed 01.08.2011) (in Russian).
10. Ma Khuaten. *The digital transformation of China. Experience in transforming the infrastructure of the national economy*. Moscow, Intellektual'naya literatura Publ., 2019. 256 p.
11. Nikulina T. V., Starichenko E. B. Information and digital technologies in education: concepts, technologies, management. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*, 2018, no. 8, pp. 107–113 (in Russian).
12. Staritskaya A. *Click to pray. Does digitalization of religion distort faith*. Available at: <https://360tv.ru/news/tekst/klikni-chtoby-molitsja-iskazit-li-sut-very-tsifrovizatsija-religii/> (accessed 01.08.2011) (in Russian).
13. Lenk Kh. *Thinking on modern technology*. Moscow, Aspect-press Publ., 1996. 183 p. (in Russian).
14. Zaramenskikh E. P. *Internet of things. Research and application area*. Moscow, INFRA-M Publ., 2017. 188 p. (in Russian).
15. Reshetnikova N. Machine tools get in touch. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2016, spec. iss. 218. Available at: <https://rg.ru/2016/09/27/chislo-podkliuchennyh-k-seti-ustrojstv-k-2020-godu-dostignet-25-milliardov.html> (accessed 01.08.2019) (in Russian).
16. Greengard S. *The internet of things*. Cambridge, MIT Press, 2015. 210 p.

Информация об авторе

Косенков Александр Юрьевич – аспирант, младший научный сотрудник. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: sanya.kosenkov.94@mail.ru

Information about the author

Alexander Yu. Kosenkov – Postgraduate student, Junior Researcher. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, 220072 Minsk, Belarus). E-mail: sanya.kosenkov.94@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 28:303.43
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-25-34>

Поступила в редакцию 30.10.2019
Received 30.10.2019

А. С. Цмыг

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СТАРООБРЯДЧЕСТВО В БЕЛАРУСИ И СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ЭТАПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. Выделены основные исторические этапы исследования старообрядчества в Беларуси, России, Польше, Литве и Украине, а также основные методологические стратегии (исторические, фольклорные, этнографические, комплексные). Наиболее эффективной исследовательской программой являются междисциплинарные исследования группы ученых Вильнюсского университета, сочетающие этнографию, культурную антропологию, историю, семиотику, религиоведение. При этом основные материалы для изучения были получены в ходе полевых исследований, что очень важно для понимания, интерпретации и сохранения информации о старообрядчестве. Автор отмечает назревшую необходимость развития религиоведения в региональном измерении, особенно эта необходимость заметна на примере таких локальных религиозно-культурных явлений, как старообрядчество. Автор делает вывод о необходимости комплексных междисциплинарных исследований старообрядчества, а также о развитии регионального измерения в белорусском религиоведении.

Ключевые слова: старообрядчество, конфессия, община, вероисповедание, традиция, методология, Беларусь, религиоведение, комплексные исследования

Для цитирования: Цмыг, А. С. Старообрядчество в Беларуси и странах ближнего зарубежья: этапы исследования и методологические подходы / А. С. Цмыг // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 1. – С. 25–34. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-25-34>

Andrei S. Tsmyh

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

OLD BELIEVERS IN BELARUS AND NEIGHBORING COUNTRIES: HISTORICAL STAGE OF RESEARCH AND METHODOLOGICAL APPROACHES

Abstract. The article focuses on the historical stages of the study of the Old Believers in Belarus, Russia, Poland, Lithuania and Ukraine and main methodological strategies. The article notes the experience of creating interdisciplinary centers for the study of Old Believers (Lithuania, Russia, Poland) which is useful for Belarus in connection with the existence of its own tradition of security. The author makes a conclusion about the necessity of comprehensive interdisciplinary studies of Old Believers, as well as about development of regional dimension in the Belarusian religious studies.

Keywords: Old Believers, confession, community, worship, church membership, tradition, methodology, Belarus, religion, comprehensive research

For citation: Tsmyh A. S. Old Believers in Belarus and neighboring countries: historical stage of research and methodological approaches. *Vesti Natsyunal'най akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 1, pp. 25–34 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-25-34>

Старообрядчество является традиционным конфессиональным элементом социокультурного пространства регионов Беларуси, культуры белорусско-русского (Могилевская область) и белорусско-европейского (Витебская область) пограничья, сохранившим аутентичную модель религиозной жизни внутри общин, принципы социализации. Кроме того, современные старообрядцы в Беларуси являются непосредственными субъектами историко-культурного наследия старообрядцев – переселенцев XVIII в., которое подверглось определенной трансформации и адаптации в белорусском регионе и выразилось в самобытности так называемого «Ветковского согласия» (Гомельская область).

Интерес к исследованию старообрядчества на территории Беларуси во многом связан с сохранением, развитием, возрождением, а также трансформацией культурных и духовных традиций изучаемой этнокультурной группы. Целью статьи является исследование развития и транс-

формации основных методологических подходов в изучении старообрядчества в работах отечественных и зарубежных ученых, их современное состояние. Задача исследования заключается в том, чтобы проанализировать этапы изучения старообрядчества, а также выделить методологические стратегии.

Феномен старообрядчества – непростое и многогранное явление, вследствие чего исследование истории старообрядчества не прекращалось фактически с самого времени его зарождения. Можно выделить несколько этапов изучения старообрядчества в зависимости от использованных методологических стратегий.

Начало XIX – 70-е гг. XIX в. – в этот период первоначальные исследования старообрядчества проводились только в рамках двух подходов: апологетического и обличительного. Методология изучения старообрядчества на данном этапе строилась на анализе исторических источников старообрядчества, интерпретациях отдельных локальных историй, при помощи сравнительно-исторических методов осуществлялось построение общей исторической картины. Наиболее известными работами этого периода являются: «Истории русского раскола, известного под именем старообрядства» (Санкт-Петербург, 1855) митрополита Московского Макария (Булгакова), «История раскола у раскольников» (Санкт-Петербург, 1870) Н. М. Костомарова, «Материалы для истории раскола за первое время его существования» (Москва, 1874), труд профессора Московской духовной академии Н. И. Субботина – издание, которое богато большим объемом фактологических материалов по истории, описанием бытовой жизни и письменности старообрядцев. К первоисточникам старообрядческой мысли относятся сочинения протопопа Аввакума, диакона Федора, Никиты Добрынина, которые, начиная с издания Субботина «Материалы для истории раскола за первое время его существования» (1874), входят в научный оборот. В методологическом плане исследования данного периода построены на базе сравнительно-исторических методов.

Последняя четверть XIX – середина XX в. – в этот период старообрядчество выступает как феномен культуры и как объект конкретной научной отрасли. Наряду с историческими исследованиями старообрядчества имели место этнографические и демографические, изучение фольклора и культуры старообрядцев. Методология была дополнена частнонаучными методами этнографии, фольклористики, статистическими методами исследования. Наиболее известные исследования – «Опыт описания Могилевской губернии» (1882) А. С. Дембовецкого, «Белорусский сборник» (1886) фольклориста и этнографа Е. Р. Романова, «Материалы к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества» (1911) под редакцией В. Бонч-Бруевича, «История русской церкви» (1931) М. Н. Никольского, в которых старообрядчество выступает в качестве объекта научных изысканий в области этнографии, истории. В исследованиях применялись методы исторического сравнения и исторической реконструкции, а также методы смежных научных дисциплин – этнографии, фольклористики, культурологии.

Начиная с середины XX в. и до настоящего времени происходит переход к комплексным и междисциплинарным исследованиям старообрядчества, которые синтезируют проблемные поля истории, лингвистики и изучения памятников старообрядческой письменности, фольклористики и культурологии. Это период, когда старообрядчество изучается не как объект конкретной научной отрасли, а как феномен, которому присуща своя история, свой язык, своя культура, предпринимается попытка объяснения и раскрытия этого феномена комплексно. Наиболее последовательны в методологическом плане следующие исследования: «Старообрядчество в России» (Москва, 1999); «Старообрядчество в Беларуси» (Минск, 1992) коллектива авторов в составе Т. П. Короткой, Е. С. Прокошиной, А. А. Чудниковой; «Староверие в Литве, вторая половина XVII – начало XIX в.» (Вильнюс, 2006) Г. Поташенко; «Куреневское Тримонастырье: история русского старообрядческого центра в Украине: 1675–1935» (Киев, 1999) С. Таранца.

Более детально следует рассмотреть выделенные этапы изучения старообрядчества, отталкиваясь от использованных методологических подходов. Здесь можно выделить *исторические, фольклорные, этнографические и комплексные исследования старообрядчества*.

Исторические исследования старообрядчества. Изучению истории старообрядчества, его истокам, предпосылкам, развитию посвящено огромное количество работ, они присущи всем трем ранее выделенным этапам – начиная со второй половины XIX в. и заканчивая сегодняшним

днем. Дело в том, что до середины XIX в. работы о старообрядчестве, написанные представителями Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) и русской исторической науки, имели только обличительные и миссионерские цели, поэтому в методологическом плане для нашего исследования они не представляют ценности. Уже тогда существовали многочисленные старообрядческие сочинения, отражавшие другую сторону раскола, но они оставались неизвестными широким кругам русского общества и не могли быть опубликованы ввиду строгих правил цензуры [1, с. 49].

К серьезному изучению старообрядчества русские историки и богословы приходят только к середине XIX в. Ситуация меняется с восхождением на престол Александра II, и в конце 50–60-х гг. XIX в. появляется литература о расколе. Так, в 1862 г. А. П. Щапов печатает в «Отечественных записках» свой труд «Земство и раскол», где пытается объяснить и понять раскол, обращаясь в этом вопросе к социальным предпосылкам. Он впервые подходит к изучению старообрядчества как форме народного протеста против гнета церкви и крепостничества [2]. Также в 1862 г. была опубликована «История Выговской старообрядческой пустыни» авторства И. Ф. Филлипова. Это сочинение, написанное участником событий (Иван Филлипов родился в 1655 г. (по другим сведениям – в 1661 г.)), дает возможность проникнуть в весьма важные вопросы, такие как идеология старообрядчества, обряды первых раскольников в Поморье, нравственные побуждения [3]. Н. И. Субботин, профессор Московской духовной академии в 1875 г. начал издавать «Материалы для истории раскола за первое время его существования». Он пытался обличить старообрядчество, но в своей работе собрал множество документов, писем, биографий и «житий», полемических трактатов и исторических работ, написанных «раскольниками», чем подготовил огромный фактологический материал для дальнейших исследований старообрядчества [1, с. 51].

К вопросу старообрядчества на данном этапе обращаются не только представители синодальной историографии, но также и светские историки. Ярким представителем исторической науки является Н. М. Костомаров, который в своих сочинениях пытался дать оценку феномена старообрядчества без доли предвзятости.

После принятия закона от 17 апреля 1905 г. наблюдается оживление деятельности старообрядцев. В этот период расширяется сеть старообрядческой печати. Старообрядческая литература до 1905 г. издавалась в зарубежных издательствах. После манифеста 17 октября 1905 г. на территории России появляются периодические издания старообрядцев. Печатаются старообрядческие авторы, в их числе В. Г. Сенатов и И. А. Кириллов [4; 5].

После революции 1917 г. исследовательская деятельность приостановилась, связано это, в первую очередь, с политическими процессами, происходившими в стране.

Советские исследователи (историки и филологи) проявляли интерес к ранней истории старообрядчества, в меньшей степени была изучена вся последующая история этого религиозного направления. Так, Н. М. Никольский в своей книге назвал причины раскола РПЦ, проанализировал религиозно-социальные пути развития во второй половине XVII в., рассмотрел особенности старообрядчества [6]. В. Д. Бонч-Бруевич предпринял попытку исследования учений, идущих вразрез с узаконенными установлениями общественно-политической жизни России [7].

К числу немногих относится работа П. Г. Рындзюнского «Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма» [8]. П. Г. Рындзюнский – исследователь социально-экономической истории старообрядчества, историк, который подходил к изучению одной темы, но с разных сторон, использовал в своей работе статистический метод и метод социальной стратификации, разделяя старообрядцев на классы в связи с господствующей тогда классовой теорией.

В 1998 г. в Беларуси вышла в свет коллективная монография под общей редакцией В. И. Новицкого – «Конфессии в Беларуси (конец XVIII–XX в.)» [9]. В этой монографии В. В. Григорьева дает общую характеристику старообрядчества в Беларуси по губерниям во второй половине XIX – начале XX в. Используется в основном метод исторического описания. В монографии затрагивается вопрос отношений между православными священниками и старообрядцами. В 2000 г. было издано учебное пособие [10], посвященное конфессиональной жизни на территории Беларуси.

Большой вклад в изучение старообрядчества на территории Беларуси внес А. А. Горбацкий, автор монографий «Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX стагоддзя» (Брест, 1999) и «Старообрядчество на белорусских землях» (Брест, 2004) [11; 12], в которых автор делает упор на методы исторического описания, предполагающие изучение старообрядчества в процессе его возникновения, становления и развития, а также учитываются в этом процессе конкретно-исторические обстоятельства из проживания на белорусских землях. Автором активно используются сравнительно-исторические методы, сопоставление этапов развития старообрядчества в различные моменты времени, проводится реконструкция тенденций развития, освещаются конкретные моменты из истории старообрядчества на белорусских землях и делается их анализ. При написании монографии автор использовал письменные источники – архивные и старообрядческие рукописи. Автор проводил этнографические экспедиции по местам расселения старообрядцев (Браславский, Шарковщинский районы Витебской области; Ветковский, Добрушский районы Гомельской области; Борисовский, Воложинский районы Минской области), собранный материал послужил источником для раскрытия этнорелигиозного феномена старообрядчества на белорусских землях.

Следует отметить, что в исторических исследованиях старообрядчества используются, соответственно, методы исторического знания: метод исторического описания старообрядческих общин, сравнительный метод изучения поповских и беспоповских толков, старообрядчества и православия, метод исторической реконструкции событий середины XVII в.

Фольклорные и этнографические исследования старообрядчества являются наиболее обширными. Ученые в первую очередь решают конкретные задачи своей отрасли знания – изучение фольклора, языка, состава населения, письменных памятников старообрядчества. Среди наиболее интересных дореволюционных изданий, затрагивающих проблему старообрядчества на территории Беларуси, – работа коллектива авторов под редакцией А. С. Дембовецкого [15]. В этом исследовании говорится об истории, быте, занятиях, обычаях и обрядах старообрядчества в Могилевской губернии в конце XVIII–XIX в. Также следует выделить работы Е. Р. Романова, который в своих публикациях затрагивает вопросы религиозно-этических традиций и фольклора старообрядцев Беларуси [16].

История изучения старообрядчества Литвы и Прибалтики в целом началась во второй половине XIX в., и в ней можно выделить несколько этапов в зависимости от направления исследования.

В конце XIX – начале XX в. актуальным было изучение и обобщение демографических результатов русификаторской политики так называемого Северо-Западного края. Анализу демографической политики царского правительства и особенностям ее реализации посвящена обширная работа А. Станкевича «Очерк возникновения русских поселений на Литве» (1909). Эта работа стала источником для последующих исследований демографии старообрядчества в Литве [17, с. 5].

В 60-х гг. XX в. проводились собирание и анализ говоров староверов, изучались их связи с материковыми говорами. Одновременно происходило изучение фольклора, в том числе и религиозного, в результате чего была опубликована работа «Русский фольклор в Литве» (1975) [17, с. 6].

В России в настоящее время все больше ученых уделяют внимание памятникам старообрядческой письменности с использованием герменевтического и феноменологического анализа текстов. Так, в 1998 г. опубликована работа «Памятники старообрядческой письменности» [18], где были представлены тексты старообрядческих авторов XVII–XX вв., некоторые тексты были опубликованы впервые. В первой части книги публиковались тексты Игнатия Соловецкого, авторами были показаны внутренние причины идеологии Игнатия с феноменологической точки зрения, поскольку Игнатий – достаточно неоднозначная фигура в истории старообрядчества, он являлся идеологом самосожжения.

В монографии Н. С. Гурьяновой «История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века» [19] ставятся и решаются малоизученные проблемы существования и функционирования выговской литературной школы в контексте русской культуры XVIII в. Анализируется процесс выработки выговцами теоретических принципов исторического повествования и их реализация в творческой практике писателей-старообрядцев. Предпринимается герменевтический и культу-

рологический анализ литературы старообрядцев. На материале произведений старообрядческих авторов решается проблема реализации выговцами теоретических представлений об истории и историческом повествовании.

Результаты в отдельно взятых областях науки предоставляют огромную базу и фактологический материал для дальнейшего, более углубленного и всеобъемлющего изучения старообрядчества.

Комплексные исследования старообрядчества охватывают временной промежуток начиная с середины XX в. и доходят до настоящего времени, в них наиболее полно описывается феномен старообрядчества, использована частнонаучная методология и сформирован наиболее полный, постоянно развивающийся и дополняемый методологический инструментарий.

В России начиная с 60-х гг. XX в. проводятся более детальные исследования старообрядчества, в которых делается упор на изучение основных процессов, происходящих в старообрядческой среде. Известны социологические исследования В. Ф. Миловидова, экспедиции по старообрядческим общинам в Прибалтике, Белорусской ССР, Бурятской АССР, Коми АССР, Горьковской, Рязанской, Томской областях. В результате были выявлены тенденции, характерные для современного старообрядчества, такие как социальная и религиозная обособленность, определенный статус религиозных лидеров [20].

В 60-х гг. XX в. комплексное изучение старообрядчества предпринимается В. И. Малышевым, к нему присоединились коллективы Ленинградского, Новосибирского и Московского университета. Полевые исследования дали обширный материал по истории старообрядчества в России.

Научное направление, получившее название «полевая археография», которое на начальном этапе представляло собой фиксацию и собирание кириллической книжности в живой среде ее бытования, достаточно быстро переросло в комплексное изучение русской традиционной культуры как системы. Начиная с 1973 г. развиваются комплексные исследования традиционной культуры в старообрядческом регионе в верховьях реки Камы – Верхокамья. Работы в Верхокамье включают археографические, исторические, филологические, музыковедческие, социологические исследования [21]. Таким образом, в России сложилась школа изучения старообрядчества; создано несколько крупных научных центров, занимающихся этой проблемой; развита междисциплинарная научная деятельность в регионах; регулярно проводятся конференции и выпускаются сборники статей.

В Беларуси становление современных научных исследований в области религии приходится на 90-е гг. прошлого века, когда происходит изменение отношения к религии и церкви в обществе, а также обособление академической сферы Беларуси от единого советского академического пространства.

С конца 90-х гг. XX в. религиоведы Беларуси используют герменевтический, семиотический, феноменологический методы [22, с. 280]. Старообрядчество – одна из первых конфессий, в исследовании которой были опробованы современные методологические подходы религиоведения в Беларуси, развитие получил и комплексный подход. По результатам коллективных полевых исследований в период 1984–1987 гг., проводившихся коллективом ученых Института философии НАН Беларуси в составе Т. П. Короткой, Е. С. Прокошиной, А. А. Чудниковой, была опубликована монография «Старообрядчество в Беларуси» (1992) [23]. В монографии были представлены материалы, отражающие историю старообрядчества, деятельность общин, особенности религиозного сознания, даны характеристики культовой практики. В данной работе четко прослеживается комплексный подход к исследованию, где наряду со сравнительно-историческим методом, при помощи которого дается представление о становлении, развитии и современном состоянии старообрядчества, полевыми исследованиями, предоставляющими материалы для структурно-функционального анализа, используется культурологический способ описания, статистический метод. В ходе исследования проводились опросы – интервью с верующими и служителями культа, на их базе был осуществлен феноменологический анализ современных явлений в старообрядчестве. Комплексное изучение, осуществленное авторами, подразумевает проведение междисциплинарного исследования на стыке истории, этнографии, культурной антропологии, лингвокультурологии, этносоциологии, этнопсихологии, призванное не просто описать старооб-

рядчество как явление и дать оценку его современному состоянию, но и раскрыть определенную картину мира, присущую старообрядчеству.

Отдельным направлением в области исследований религии стал анализ религиозности: состояния, сущности и динамики развития религиозного сознания и обыденной религиозности. Рассматривается отношение к религии различных групп и слоев населения, в том числе молодежи. Актуальным для поликонфессиональной Беларуси является вопрос о том, как воспринимают иную конфессию верующие основных религиозных направлений. Так, в Беларуси изучением религиозности занимается коллектив исследователей во главе с С. Г. Карасевой, принципы их работы можно проследить в публикации «Многомерный кросskonфессиональный подход к исследованию религиозности в Беларуси: актуальность и концептуализация» [24]. Методология разрабатывается самими авторами и носит междисциплинарный подход: основные методы исследования заимствованы из социологии, психологии, антропологии.

Таким образом, исследование старообрядчества в современной Беларуси является междисциплинарным по своей сути, опирается на комплексную методологию научного изучения. В методологическом плане очень важна работа, проделанная исследователями начиная с 90-х гг. прошлого века, создавшая основу изучения старообрядчества и религии в целом. Однако не стоит забывать, что совершенствование методологии исследования религии только началось, и в современном научном поле появляются все новые методы и подходы, порой из смежных дисциплин, которые входят в научный обиход.

Примером может служить опыт исследования старообрядчества в Литве, который изначально носил междисциплинарный характер. В 1996 г. в Вильнюсском университете была создана группа по изучению старообрядцев в Литве. В ее состав входили В. Чюбринкас, В. Чекмонис, Ю. Новиков, Н. Морозова, В. Барановский, Г. Поташенко. Еще в 1996 г. данная группа организовала несколько экспедиций. Полевые исследования проводились по пяти направлениям: диалектология (руководитель В. Чекмонис), история (руководитель Г. Поташенко), музыкальная культура (руководитель Ж. Лебедева), устное народное творчество (руководитель Ю. Новиков), этнография (руководитель В. Чюбринкас). В результате экспедиций обследовано 36 старообрядческих общин, 32 церкви и 43 кладбища [11, с. 8].

Комплексное изучение старообрядчества, осуществленное авторами, подразумевает проведение междисциплинарного исследования на стыке этнографии, культурной антропологии, истории, семиотики, лингвокультурологии, этносоциологии, этнопсихологии. Для этого использовались общенаучные и специальные методы. На первом этапе исследования применялись исторический, социологический (интервью), статистический, экспедиционный (полевой), а также метод включенного наблюдения. Центральным элементом исследовательской парадигмы является междисциплинарный подход, позволяющий при использовании данных целого комплекса наук панорамно отразить сущность старообрядчества. В статье Г. Поташенко «Первые старообрядцы в Литве: 1679–1710 гг.» [25] наряду с историческим способом описания упор делается на полученные в ходе экспедиций полевые данные, делается их феноменологический анализ, а также анализируются архивные сведения. В статье Н. Морозовой и В. Чекмониса «О понятии, особенностях и проблемах происхождения традиционного говора старообрядцев Литвы» [26] наряду с изучением диалектов старообрядцев основная задача исследователей – рассмотреть процессы расселения старообрядцев на территории Литвы, показать типичные отличия их религиозности от православных.

В 2005 г. выходит краткий исторический и библиографический словарь «Староверие Балтии и Польши» [27] под редакцией В. Барановского и Г. Поташенко, который охватывает период со второй половины XVII в. до наших дней. Основное назначение данного словаря – ознакомить с многочисленными и сложными явлениями истории старообрядчества на современной территории Эстонии, Латвии, Литвы и Польши, с духовными наставниками, видными религиозными и общественными деятелями, а также с терминологией и наиболее распространенными понятиями, относящимися к богослужению, церковной музыке, обычаям, фольклору и книжности. Имеются сведения относительно старообрядцев-беспоповцев в России, Беларуси и США. Статьи об особенностях соборной службы и религиозного пения, материалы о богослужебных книгах

и иконописи раскрывают церковные понятия. Специальные статьи посвящены старообрядческой фольклорной традиции в Литве, некоторым видным исследователям фольклора и языка старообрядцев. В словаре четко прослеживается исторический принцип и структурный подход, который сосредоточивает свое внимание не на исторических изменениях религии, а на тех особенностях, которые остаются устойчивыми, неизменными.

Большой интерес для белорусских исследователей представляет монография Г. Поташенко «Староверие в Литве» (Вильнюс, 2006) [28]. Она посвящена исследованию документов и материалов, в которых отражена деятельность федосеевского общества на северо-западных землях ВКЛ с конца XVII в. по 1823 г. В монографии упор сделан на историческое описание и анализ, автор также пользуется герменевтическим и феноменологическим методами в своем исследовании, пытается передать сам феномен старообрядчества на литовских землях.

На данный момент в Литве группа, созданная в 1996 г., превратилась в Ассоциацию исследователей старообрядцев Литвы при Вильнюсском университете. Расширилась география изучения, выявились преимущества междисциплинарного и сравнительного подходов. Стали появляться все новые исследования по истории отдельных старообрядческих общин и религиозных центров Литвы и Латвии, а также в области языка, музыкальной культуры, фольклора, книжности и этнографии староверов.

Изучение старообрядчества в Украине лишь недавно стало предметом научного интереса, однако исследования преимущественно ориентированы на исторические описания и структурно-функциональный анализ религиозной жизни конкретных сообществ. В 1999 г. в свет вышла монография сотрудника Института археологии и источниковедения им. М. Грушевского НАН Украины С. Таранца «Куреневское тримонастырье: история старообрядческого центра в Украине» [29]. В публикации 2004 г. «Старообрядчество города Киева и Киевской губернии» прослеживается история развития старообрядческих общин Киевщины. В этих изданиях автор прибегает к историческим методам исследования и анализа. Изучением истории старообрядчества на юге Украины занимаются сотрудники Одесского университета им. И. И. Мечникова А. Пригарин, Е. Серебрянникова и другие. Благодаря их деятельности с 2004 г. ежегодно выходит в свет периодическое научное издание «Липоване: история и культура русских старообрядцев».

Использование комплексного и междисциплинарного подходов в изучении украинского старообрядчества также становится актуальным, особенно в контексте оживления религиозной жизни в старообрядческих общинах в Винницкой, Днепропетровской, Донецкой, Житомирской областях, обсуждается создание общеукраинского музея традиционной национальной культуры старообрядцев Украины.

В Польше изучение старообрядчества проводится на базе специализированных центров. Один из таких центров расположен в городе Торунь. Так, в 2013 г. на базе университета в Торуне выпускается междисциплинарный сборник «Słowiańskie Wyspy językowe i kulturowe» [30]. Все статьи сборника объединены одной идеей, заключающейся в том, что на территориях различных славянских государств встречаются так называемые «языковые острова», которые отличаются от близлежащих территорий культурой, языком, этнической или конфессиональной принадлежностью. Старообрядцы на территории Беларуси, как и на территориях других государств, – это тоже своеобразный культурный и этноконфессиональный «остров». Особый интерес представляет методология польских исследователей, поскольку они пытаются проникнуть в глубину, понять причины появления «языковых островов», проследить историю их возникновения и функционирования, охарактеризовать и проанализировать их основные черты. Так, А. Черных в исследовании «Русского острова» в коми-пермяцком окружении в Пермском крае [30, с. 173–184] пользуется как исторической реконструкцией, так и статистическими методами при анализе состава населения Пермского края. Автор также совершал полевые комплексные фольклорно-этнографические экспедиции, богатый материал этих экспедиций анализируется при помощи культурологических и этнографических методов. А. Токаревич обращается к теме старообрядчества в статье «Языковая личность старообрядца» [30, с. 239–248]. Исследование посвящено лингвокультурной ситуации отдельного населенного пункта в Польской Республике – села Войново (Пишский повет Варминьско-Мазурского воеводства). Интересно, что при изучении языка,

диалектов, конкретных слов автор обращается как к историческим предпосылкам, так и к статистическим данным. При описании духовной и материальной культуры населенного пункта автор опирается не только на лингвистические, но и на этнографические, диалектологические, социологические методы исследования. В итоге работа представляет собой глубокое комплексное исследование преимущественно на базе лингвистической методологии.

Польский и литовский исследовательский опыт в изучении «островов» представляется весьма ценным для Беларуси. Региональная локализация старообрядческих поселений, локальный масштаб этнокультурного и религиозного влияния – эти особенности побуждают более внимательно относиться к региональному измерению религиозности, а следовательно, к формированию религиоведческой регионалистики.

Как показывает опыт последних исследований старообрядчества, проводимых в России, Украине, Литве, Польше, возрастает роль междисциплинарных комплексных исследований и специализированных научных центров, которые сочетают полевые (экспедиционные) исследования, приемы в изучении религиозного фольклора, социологические и исторические методы, культурологические способы описания религиозной жизни, достижения феноменологии религии и герменевтический анализ текстов. Повсеместное оживление религиозной жизни в старообрядческих общинах в Беларуси и странах-соседях, региональная локализация старообрядцев («русские острова») диктуют необходимость специализированных региональных исследований на базе междисциплинарной методологической парадигмы.

Список использованных источников

1. Зеньковский, С. А. Русское старообрядчество. Т. I и II / С. А. Зеньковский ; сост. Г. М. Прохоров ; общ. ред. В. В. Нехотина. – М. : Ин-т ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. – 687 с.
2. Шапов, А. П. Историко-этнографическая организация русского народонаселения. Этнологическое развитие сибирского населения / А. П. Шапов. – СПб., 1906–1908. – Т. 2. – С. 398–480.
3. Филлипов, И. Ф. История Выговской старообрядческой пустыни / И. Ф. Филлипов. – СПб. : Тип. товарищества «Обществ. Польза», 1862. – 480 с.
4. Сенатов, В. Г. Философия истории старообрядчества. Вып. 1–2 / В. Г. Сенатов. – М. : Союз старообряд. начетчиков, 1908. – 2 т.
5. Кириллов, И. Третий Рим. Очерк исторического развития идеи русского мессианизма / И. Кириллов. – М. : [б. и.], 1914. – 100 с.
6. Никольский, М. Н. История русской церкви / М. Н. Никольский. – Минск : Беларусь, 1990. – 541 с.
7. Материалы к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества = *Materiaux pour servir a l'histoire des sectes russes* / под ред. В. Бонч-Бруевича. – СПб. : [Тип. Б. М. Вольфа], 1910. – Вып. 3 : Штундисты. Постники. Свободные христиане. Духовные скопцы. Старообрядцы. – 311 с.
8. Вопросы истории религии и атеизма : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; отв. ред. В. Д. Бонч-Бруевич. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 420 с.
9. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / В. В. Грыгор'ева [і інш.] ; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 339 с.
10. Верашчагіна, А. У. Гісторыя канфесій на Беларусі: мінулае і сучаснасць : дапам. для настаўнікаў / А. У. Верашчагіна, А. В. Гурко. – Мінск : Тэхналогія, 2000. – 157 с.
11. Гарбацкі, А. А. Стараабраднасць на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX стагоддзя / А. А. Гарбацкі. – Брэст : Брэст. дзярж. ун-т, 1999. – 202 с.
12. Горбацкий, А. А. Старообрядчество на белорусских землях / А. А. Горбацкий. – Брест : БрГУ, 2004. – 237 с.
13. Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа : зб. навук. арт. : у 2 ч. / Гродзен. дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: С. В. Марозава [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2009. – Ч. 1. – 385 с.
14. Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа : зб. навук. арт. : у 2 ч. / Гродзен. дзярж. ун-т імя Я. Купалы ; рэдкал.: Э. С. Ярмаўскі. – Гродна : ГрДУ, 2009. – Ч. 2. – 349 с.
15. Опыт описания Могилевской губернии : в 3 кн. / сост. по программе, [с предисл.] и под ред. А. С. Дембовецкого. – Могилев : АмелияПринт, 2007–2008. – Кн. 1. – 2007. – 782 с.
16. Романов, Е. Белорусский сборник : [в 9 вып.] / Е. Романов. – Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1885–1912. – Вып. 1–2 : Песни, пословицы, загадки. – 1885. – 468 с.
17. Старообрядцы Литвы: материалы и исследования, 1996–1997 / Вильнюс. ун-т ; редкол.: В. Чюбринскас (отв. ред.) [и др.]. – Вильнюс : Vilniaus Univ. Leidykla, 1998. – 207 с.
18. Памятники старообрядческой письменности. Вып. 1. Сочинения Игнатия Соловецкого. Возвешение от сына духовнаго ко отцу духовному. Список с писем страдальческих священнопротопопа Аввакума / Рус. Христиан. гуманит. ин-т ; [подгот.: Н. Ю. Бубнов и др.]. – СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1998. – 382 с.

19. Гурьянова, Н. С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века / Н. С. Гурьянова ; отв. ред. Н. Н. Покровский. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1996. – 231 с.
20. Миловидов, В. Ф. Современное старообрядчество / В. Ф. Миловидов. – М. : Мысль, 1979. – 126 с.
21. Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) : сб. науч. тр. / Гос. ист. музей ; отв. ред. и сост. Е. М. Юхименко. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 455 с.
22. Короткая, Т. П. Становление религиозно-исследовательской традиции в современной Беларуси / Т. П. Короткая // Другі Міжнародны Кангрэс даследчыкаў Беларусі. Працоўныя матэрыялы / Vytautas Magnus Univ. – Kaunas, 2013. – Т. 2. – С. 280–284.
23. Короткая, Т. П. Старообрядчество в Беларуси / Т. П. Короткая, Е. С. Прокошина, А. А. Чудникова ; под ред. А. С. Майхровича. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 117 с.
24. Карасева, С. Г. Многомерный кроссконфессиональный подход к исследованию религиозности в Беларуси: актуальность и концептуализация / С. Г. Карасева, Е. В. Шкурова // Социология. – 2012. – № 3. – С. 123–133.
25. Поташенко, Г. Первые старообрядцы в Литве: 1679–1710 гг. / Г. Поташенко // Старообрядцы Литвы: материалы и исследования. 1996–1997 / Вильнюс. ун-т ; редкол.: В. Чюбринскас (отв. ред.) [и др.]. – Вильнюс, 1998. – С. 14–25.
26. Морозова, Н. О понятии, особенностях и проблемах происхождения традиционного говора старообрядцев Литвы / Н. Морозова, В. Чекмонис // Старообрядцы Литвы: материалы и исследования. 1996–1997 / Вильнюс. ун-т ; редкол.: В. Чюбринскас (отв. ред.) [и др.]. – Вильнюс, 1998. – С. 41–61.
27. Барановский, В. Староверие Балтии и Польши : крат. ист. и биограф. слов. / В. Барановский, Г. Поташенко ; под ред. Л. Лавринец ; худож. Т. Вишняускас. – Vilnius : Aidai, 2005. – 459 с.
28. Поташенко, Г. В. Староверие в Литве: вторая половина XVII – начало XIX вв.: исследования, документы и материалы / Г. В. Поташенко. – Vilnius : Aidai, 2006. – 543 с.
29. Таранец, С. Куреневское тримонастырье: история русского старообрядческого центра в Украине (1675–1935) / С. Таранец. – Киев : Полиграфкнига, 1999. – 159 с.
30. Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe / pod red. E. Nowickiej, M. Głuszkowskiego. – Toruń : Eikon, 2013. – 306 s.

References

1. Zen'kovskii S. A. *Russian Old Believers*. Moscow, Institut DI-DIK, Kvadriga Publ., 2009. 687 p. (in Russian).
2. Shchapov A. P. *Works*. Vol. 2. St. Petersburg, 1906, pp. 451–461 (in Russian).
3. Fillipov I. F. *History of the Vygov Old Believer desert*. St. Petersburg, Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya Pol'za» Publ., 1862. 480 p. (in Russian).
4. Senatov V. G. *Philosophy of the history of the Old Believers*. Iss. 1–2. Moscow, Soyuz staroobryadcheskikh nachetchikov Publ., 1908. 2 vol. (in Russian).
5. Kirillov I. *Third Rome. Essay on the historical development of the idea of Russian messianism*. Moscow, 1914. 100 p. (in Russian).
6. Nikol'skii M. N. *History of the Russian church*. Minsk, Belarus' Publ., 1990. 541 p. (in Russian).
7. Bonch-Bruevich V. D. (ed.). *Materials for the history and study of Russian sectarianism and old believers*. Iss. 3. St. Petersburg, Tipografiya B. M. Vol'fa Publ., 1919. 313 p. (in Russian).
8. Bonch-Bruevich V. D. (ed.). *Materials for the history and study of Russian sectarianism and Old Believers*. Iss. 3. *Stundists. Posters. Free Christians. Spiritual congregations. Old Believers*. St. Petersburg, Tipografiya B. M. Vol'fa Publ., 1910. 313 p. (in Russian).
9. Bonch-Bruevich V. D. (ed.). *Questions of the history of religion and atheism: collection of articles*. Moscow, USSR Academy of Sciences publishing house, 1950. 420 p. (in Russian).
10. Grygor'eva V. V., Zaval'nyuk U. M., Navitski I. I., Filatava A. M. *Confessions in Belarus (end of the 18th – 20th centuries)*. Minsk, Ekaperspektyva Publ., 1998. 339 p. (in Belarusian).
11. Verashchagina A. U., Gurko A. V. *History of confessions in Belarus: then and now*. Minsk, Tekhnologiya Publ., 2000. 157 p. (in Belarusian).
12. Garbatski A. A. *Old Believers in Belarus in the late 17th – early 20th century*. Brest, Brest State University, 1999. 202 p. (in Belarusian).
13. Gorbatskii A. A. *Old Believers in the Belarusian lands*. Brest, Brest State University, 2004. 237 p. (in Russian).
14. *Christianity in the historical fate of the Belarusian people: a collection of scientific articles. Part 1*. Grodno, Grodno State University, 2009. 385 p. (in Belarusian).
15. *Christianity in the historical fate of the Belarusian people: a collection of scientific articles. Part 2*. Grodno, Grodno State University, 2009. 349 p. (in Belarusian).
16. Dembovetskii A. S. (ed.). *The experience of the description of the Mogilev province. Book 1*. Mogilev, AmeliyaPrint Publ., 2007. 782 p. (in Russian).
17. Romanov E. *Belarusian compilation. Iss. 1–2. Songs, proverbs, riddles*. Kiev, Tipografiya S. V. Kul'zhenko, 1885. 468 p. (in Russian).
18. *Old Believers of Lithuania: materials and research, 1996–1997*. Vil'nyus, Vilniaus Universiteto Leidykla, 1998. 207 p. (in Russian).
19. *Monuments of Old Believers writing. Iss. 1. Works of Ignatius of Solovetsky. A proclamation from a spiritual father to a spiritual father. List of letters from the suffering priest Archpriest Habakkuk*. St. Petersburg, Publishing house of the Russian Christian University for the Humanities, 1998. 382 p. (in Russian).

19. Gur'yanova N. S. *History and man in the writings of the Old Believers of the 18th century*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1996. 231 p. (in Russian).
20. Milovidov V. F. *Modern Old Believers*. Moscow, Mysl' Publ., 1979. 126 p. (in Russian).
21. Yukhimenko E. M. (ed.). *Old Believers in Russia (17–20 centuries): collection of scientific papers*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 455 p. (in Russian).
22. Korotkaya T. P. Formation of tradition of religious studies in present-day Belarus. *Drugi Mizhnarodny Kangres dasledchykau Belarusi. Pratsounyya materyyaly = The Second International Congress of Belarusian Studies. Working Papers*. Kaunas, 2013, vol. 2, pp. 280–284 (in Russian).
23. Korotkaya T. P., Prokoshina E. S., Chudnikova A. A. *Old Believers in Belarus*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1992. 117 p. (in Russian).
24. Karaseva S. G., Shkurova E. V. Multidimensional cross-confessional approach to the study of religiosity in Belarus: relevance and conceptualization. *Sotsiologiya [Sociology]*, 2012, vol. 3, pp. 123–133 (in Russian).
25. Potashenko G. The first Old Believers in Lithuania: 1679–1710. *Starobryadtsy Litvy: materialy i issledovaniya. 1996–1997 [Old Believers of Lithuania: materials and studies. 1996–1997]*. Vilnius, 1998, pp. 14–25 (in Russian).
26. Morozova N., Chekmonis V. About the concept, features and problems of the origin of the traditional dialect of the Old Believers of Lithuania. *Starobryadtsy Litvy: materialy i issledovaniya. 1996–1997 [Old Believers of Lithuania: materials and studies. 1996–1997]*. Vilnius, 1998, pp. 41–61 (in Russian).
27. Baranovskii V., Potashenko G. *The Old Believers of the Baltic and Poland: a brief a story and biographic words*. Vilnius, Aidai Publ., 2005. 459 p. (in Russian).
28. Potashenko G. V. *Old Believers in Lithuania, second half of the 17th – early 19th centuries: research, documents and materials*. Vilnius, Aidai Publ., 2006. 543 p. (in Russian).
29. Taranets S. *Kurenevskoe Trimonastery: the history of the Russian Old Believer center in Ukraine: 1675–1935*. Kiev, Poligrafkniga Publ., 1999. 158 p. (in Russian).
30. Nowicka E., Głuszkowski M. (eds.). *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe [Slavic language and cultural Islands]*. Toruń, Eikon, 2013. 306 p. (in Polish).

Информация об авторе

Цмыг Андрей Сергеевич – магистр исторических наук, младший научный сотрудник. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: andrey.zm@tut.by

Information about the author

Andrei S. Tsmyh – MA (Hist.), Junior Researcher. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: andrey.zm@tut.by

ГІСТОРЫЯ
HISTORY

УДК 930(476)«19»
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-35-43>

Поступила в редакцию 09.07.2019
Received 09.07.2019

В. А. Белозорович

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь

**ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.**

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме формирования концепции истории Беларуси во второй половине 1930-х гг. в Белорусской ССР. Освещается методологический поворот в историческом познании, наблюдавшийся в первой половине 1930-х гг., акцентируется внимание на процессах создания учебника по истории Беларуси для учащихся общеобразовательных школ и подготовки учебного пособия для студентов высших учебных заведений республики. Определяется место истории Беларуси в единой концепции истории СССР, вклад отдельных исследователей в развитие историографии отечественной истории. К концу 1930-х гг. были подготовлены черновые наброски новой концепции истории Беларуси, построенной на марксистско-ленинской методологии и органично вписанной в общий ход истории Советского Союза.

Ключевые слова: история Беларуси, историография, историческая наука, Институт истории АН БССР, историческая концепция

Для цитирования: Белозорович, В. А. Формирование концепции истории Беларуси во второй половине 1930-х гг. / В. А. Белозорович // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 1. – С. 35–43. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-35-43>

Victor A. Belozorovich

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

FORMATION OF THE CONCEPT OF HISTORY OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE 1930s

Abstract. The article is devoted to the actual problem of formation of Belarus history concept in the second half of the 1930s in the Belarusian SSR. The article highlights the methodological turn in historical knowledge observed in the first half of the 1930s, focuses on the processes of creating a textbook on the history of Belarus for students of secondary schools and development of a textbook for students of higher educational institutions of the Republic. The place of the history of Belarus in the unified history concept of the USSR, the contribution of individual researchers in the development of historiography of national history is determined. By the end of the 1930s, draft sketches of a new concept of the history of Belarus based on the Marxist-Leninist methodology and organically inscribed in the General course of the history of the Soviet Union were prepared.

Keywords: history of Belarus, historiography, historical science, Institute of History of the Academy of Sciences of the BSSR, historical concept

For citation: Belozorovich V. A. Formation of the concept of history of Belarus in the second half of the 1930s. *Vesti Natsyonal'nei akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 1, pp. 35–43 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-35-43>

Введение. 1930-е гг. представляют собой историографический рубеж, смену методологического плюрализма на методологический монополизм. Национальное видение истории, характерное для периода белорусизации, уступило место классовому подходу. Синтетические работы 1920-х гг. и научные авторитеты были низвергнуты. Историческая наука БССР накопила достаточный фактический материал, позволявший сформировать марксистскую концепцию истории

Беларуси. Подтверждением является «Перечень вопросов по курсу “История Беларуси” для поступающих в аспирантуру БелАН на историческое отделение» (1933 г.). Выпускники высших учебных заведений БССР должны были определять сущность каждой из социально-экономических формаций, характеризовать исторические события и явления на территории Беларуси по трем периодам: феодальному, капиталистическому, социалистическому, доказывать ошибочность и враждебность великодержавных и национал-демократических концепций отечественной истории [1, л. 4–5].

Список литературы, рекомендованный для подготовки к вступительному экзамену в аспирантуру, представлял собой перечень научных монографий. К отдельным книгам прилагался сопроводительный комментарий. Тем самым читатель получал указание на наличие в изучаемом тексте «идеологических ошибок». Например, указывалось, что в монографии «Польша. Россия. СССР» В. П. Друнин «идеализировал феодализм» [2], книга С. Х. Агурского «Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863–1917)» содержит «ошибки великодержавного и националистического порядка» [3], а К. И. Керножицкий в монографии «Да гісторыі аграрнага руху на Беларусі перад імперыялістычнай вайной» [4] допустил расхождение с ленинской оценкой вопроса борьбы двух путей развития капитализма, ошибки великодержавного порядка по национальному вопросу [1, л. 10–11]. Научные труды М. К. Любавского и В. И. Пичеты признавались классово-враждебными, но допускалась возможность их использования из-за «значительного фактического материала» [1, л. 14].

Основная часть. Из обобщающих работ по истории Беларуси в республике использовали только первую часть «Нарыса гісторыі Беларусі», изданного в 1934 г. академиком В. К. Щербаковым [5]. Ранее вышедшие работы В. М. Игнатовского и В. И. Пичеты были запрещены и изъяты из библиотек по идеологическим причинам. Однако и труд В. К. Щербакова утратил свою актуальность, хотя ученый продолжал работать над текстом второй части. В отчете Института истории, подготовленном к XI съезду Советов БССР (январь 1935 г.), сообщалось, что академик В. К. Щербаков готовит вторую часть книги [6, л. 10]. 31 мая 1936 г. Президиум АН БССР утвердил решение конкурсной комиссии, возглавляемой академиком П. Я. Панкевичем, о награждении В. К. Щербакова за «Нарыс гісторыі Беларусі» (ч. 2) премией первой категории в размере 5 тыс. руб. [7, л. 68]. Несмотря на положительные рецензии, предоставленные С. Ю. Матулайтисом, С. Х. Агурским и Д. А. Дудковым, эта работа не была издана по причине кардинального изменения ситуации в советской исторической науке.

15 мая 1934 г. вышло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Документ требовал от ученого сообщества уйти от социологических схем и перейти к живой интересной форме подачи событий и фактов в их хронологической последовательности. При этом следовало соблюдать марксистско-ленинскую методологию исторического познания. В тексте постановления не назывались конкретные имена, но было понятно, что критические фразы адресовались историкам – ученикам академика М. Н. Покровского (умер в 1932 г.).

Известные московские ученые (Н. Н. Ванаг, Б. Д. Греков, А. М. Панкратова, С. А. Пионтковский) быстро подготовили рукопись школьного учебника по истории СССР. Но 8 августа 1934 г. И. В. Сталин подверг критике конспект учебника, обвинив авторов в том, что они стремятся разработать «марксизм для неграмотных». Для пропаганды советского патриотизма как новой идеологической доктрины «нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР... и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории» [8].

Общественно-политическая ситуация требовала новой концепции советской истории, поскольку методологические подходы 1920-х гг. утратили свое значение. Советское общество добилось значительных успехов в развитии народного хозяйства, образовании и культуре. СССР существенно укрепил свои позиции на международной арене, но с утверждением фашистской диктатуры в Германии возникла угроза войны. В новых условиях утратил актуальность принцип интернационализма в воспитательном процессе, зато стала значимой задача патриотического воспитания граждан СССР. Ее реализация требовала, чтобы каждый советский человек осоз-

нал исторический опыт прошлого. Новая историческая концепция подразумевала многообразие исторического процесса, выстраивание исторических событий в четкой хронологической последовательности, знание биографий видных исторических деятелей.

27 января 1936 г. газета «Правда» опубликовала «Замечания по поводу конспекта учебника по “Истории СССР”» и «Замечания о конспекте учебника по “Новой истории”», составленные И. В. Сталиным, А. А. Ждановым, С. М. Кировым на конспекты учебников по истории СССР и новой истории. По их мнению, «группа Ванага не выполнила задания и даже не поняла самого задания. Она составила конспект русской истории, а не истории СССР, т. е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР...»; «в общем конспект новой истории составлен, по-нашему, более толково, чем конспект истории СССР, но сумбура в этом конспекте все же достаточно много» [9, с. 2].

«Замечаниям...» предшествовала передовая статья газеты «Преподавание истории в нашей школе». В ней были названы «трудности в области истории СССР». Досоветская историческая наука России занималась изучением преимущественно истории русского народа, историки не до конца ликвидировали «полуменьшевистские, полуцентристские идеи и троцкистскую контрбанду», а также «вредные традиции школы М. Н. Покровского». В статье было отмечено, что «М. Н. Покровский формировался в борьбе с субъективизмом буржуазных и мелкобуржуазных историков, видящих в царях и их действиях главную движущую силу истории. Этим взглядам он противопоставил развитие экономических отношений как основной фактор истории. Но, сводя диалектический материализм к экономическому, или, точнее говоря, к экономическому само-teку, он мог создать только схему социальных формаций, а не живую историю борьбы классов с громадной ролью государства как рычага борьбы. При этом схема его была упрощена, не видела переходов и передвижений в рамках одной формации... Покровский в одной из своих предсмертных статей признал ненаучность своей схемы, защищаясь только от упрека, что она – антиленинская. Но ненаучная схема не может не быть антиленинской. Борьба с антиленинскими традициями школы Покровского и в методе, и в конкретной картине русской истории, преодоление традиций школы Покровского являются условием создания марксистско-ленинской истории СССР» [10, с. 1].

Вскоре воззрения академика М. Н. Покровского на историю были признаны антимарксистскими, антиленинскими, ликвидаторскими. В 1939 г. вышел сборник научных статей «Против исторической концепции М. Н. Покровского» [11], а в следующем году – «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского» [12]. Многие из авторов являлись учениками академика. Сборники статей имели цель не только показать «ошибки» М. Н. Покровского, но и представить новые подходы и оценки для формирования концепции истории СССР. Об этом свидетельствует структура издания: статьи расположены в хронологическом порядке. Они дают возможность сформировать цельное представление об историческом процессе с древнейших времен до окончания гражданской войны (1920 г.). Российский историк, профессор А. М. Дубровский проанализировал две части сборника. По его мнению, академические ученые уточнили периодизацию русского средневековья, определили в целом период феодальной формации, связали русскую историческую модель с западноевропейской, сформировали перечень исторических лиц, подлежащих героизации, применили критерий прогрессивности для досоветского периода, разработали концепцию классовой борьбы. В результате сложились «историографические штампы» как результат идеологического воздействия политики на историческую науку [13, с. 334–335].

Белорусские историки практически не участвовали в подготовке сборника, но их формальное присутствие обнаруживается тремя авторами – А. М. Панкратовой, В. И. Пичетой, А. А. Савичем. А. М. Панкратова и В. И. Пичета являлись членами-корреспондентами АН СССР и одновременно академиками АН БССР [14, л. 16]. Профессор А. А. Савич дважды, в 1921–1924 и 1944–1947 гг., работал в Белорусском государственном университете. При этом он был уроженцем Гродненской губернии.

Первая часть сборника открывалась статьей А. М. Панкратовой «Развитие исторических взглядов М. Н. Покровского». Ученица академика писала: «Так называемая “школа Покровского” не случайно оказалась базой для вредительства со стороны врагов народа, разоблаченных органами

НКВД, троцкистско-бухаринских наймитов фашизма, вредителей, шпионов и террористов, ловко маскировавшихся при помощи вредных, антиленинских исторических концепций М. Н. Покровского» [11, с. 5]. Очевидно, А. М. Панкратова вынуждена была включиться в общую политическую кампанию, иницируемую партийным руководством СССР.

А. А. Савич в статье «Польская интервенция начала XVII в. в оценке М. Н. Покровского» выразил свое несогласие с оценкой самозванцев (Лжедмитриев) как результата внутрироссийской Смуты, о чем в конце XIX в. было заявлено академиком С. Ф. Платоновым. Наоборот, историк обосновывал ведущую роль польско-литовских панов и иезуитов в событиях Смутного времени, их желании подчинить Россию [11, с. 179–243]. Схожую позицию в статье «Крестьянская война и борьба с иностранной интервенцией в начале XVII века» занял академик В. И. Пичета [12, с. 91–139]. Возможно, этот историографический поворот был обусловлен международной ситуацией, сложившейся во второй половине 1930-х гг. Польское государство заняло враждебную СССР позицию, поэтому возникла потребность показать противостояние Польско-Литовского государства и России в исторической ретроспективе.

Еще одна проблема заинтересовала В. И. Пичету – события франко-русской войны 1812 г. В статье «М. Н. Покровский о войне 1812 года» историк доказывал превосходство российских военачальников над французскими полководцами, победу М. И. Кутузова в Бородинском сражении, ведущую роль народного движения в разгроме Наполеона [11, с. 276–302]. По сути, академик нашел удачное политическое решение научной проблемы. В. И. Пичета понял важность и актуальность патриотического воспитания, а Отечественная война 1812 г. стала историческим примером силы партизанского движения. В преддверии Великой Отечественной войны он утверждал, что М. Н. Покровский «не оценил тех громадных материальных и физических жертв, которые принес русский народ для освобождения своей страны от ига завоевателей. Он не отобразил героизма солдатских масс. Он не понял сущности проявленного крестьянами патриотизма» [11, с. 302].

Поскольку первая часть «Нарыса гісторыі Беларусі» В. К. Щербакова соответствовала историографической традиции «школы Покровского» и противоречила новой партийной линии в исторической науке, 22 августа 1936 г. Президиум АН БССР принял решение о выводе В. К. Щербакова из состава членов Президиума и освобождении от выполнения обязанностей постоянного секретаря академии и директора Института истории «до выяснения вопроса о партийности» [7, л. 105]. 9 января 1937 г. это решение было подтверждено, но ученый оставался на академической работе согласно ранее утвержденной тематике [15, л. 10]. Академик был арестован органами НКВД 21 июня 1937 г. На допросах он «признался» в своей принадлежности к «исторической школе М. Н. Покровского», в «политически неправильной характеристике БСГ в 1903 г.», изложенной в «Малой Советской Энциклопедии», в поддержке доцентов БГУ К. И. Керножицкого и Д. А. Дудкова, которые «извращали марксистско-ленинское учение», во вредительской кадровой политике, которую он якобы проводил в Академии наук БССР [16].

Исключение из партии и последующий арест академика В. К. Щербакова, затем старшего научного сотрудника К. И. Керножицкого приостановили создание учебника по истории Беларуси для средних школ. Ведь сотрудники Института истории АН БССР (В. К. Щербаков, Д. А. Дудков, К. И. Керножицкий) интенсивно работали над текстом учебника по истории Беларуси с древнейших времен до 1907 г. для средней школы [7, л. 94]. Президиум академии 13 мая 1937 г. поручил завершить задание члену-корреспонденту АН БССР С. Х. Агурскому и назначил рецензентами академиков П. Я. Панкевича, С. Я. Вольфсона, директора Института истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП(б)Б С. В. Поссе. Закончить работу над учебником С. Х. Агурский не успел, поскольку в 1938 г. был арестован и осужден к пяти годам ссылки в Казахстан.

Очевидно, что создание учебника по истории Беларуси в середине 1930-х гг. оказалось сложной задачей для минских ученых. И не только по причине репрессий. Отсутствовало концептуальное видение истории Беларуси, поскольку не была разработана концепция истории СССР как истории народов Советского Союза. Сотрудники Института истории АН БССР в большинстве представляли собой молодые кадры и не могли взять на себя столь ответственную задачу.

Только в 1937 г. правительственная комиссия подвела итоги конкурса на учебник по истории СССР для учащихся третьего и четвертого классов средней школы. Из 46 поступивших вариантов

победу одержал учебник, подготовленный коллективом историков Московского государственного педагогического института под руководством профессора А. В. Шестакова [17].

Впоследствии книга переиздавалась 12 раз. Одним из главных ее недостатков исследователи называют абсолютное преобладание истории русского народа и косвенное упоминание истории иных этносов, проживавших на территории СССР. В отношении белорусов авторский коллектив отметил их общее славянское происхождение с русскими и украинцами [17, с. 10]. Далее следует информация о завоевании славянского Полоцкого княжества князем Владимиром и включении его в состав Киевской Руси [17, с. 17]. В ходе монгольского нашествия хан Батый разорил много украинских и белорусских земель. Тем самым подчеркивалось начало татаро-монгольского ига [17, с. 27].

Великое Княжество Литовское и Польское королевство провозглашались «врагами Московского государства». Белорусские, частично украинские и русские земли были завоеваны литовскими князьями [17, с. 29]. В учебнике утверждалось, что положение белорусов ухудшилось «под властью польских и литовских захватчиков», которые осуществили закрепощение крестьянства. Феодалная эксплуатация была дополнена религиозной, поскольку польские помещики («паны») принуждали православное население переходить в католичество и «мечтали подчинить себе все Московское княжество» [17, с. 30]. Из этого логически вытекают военные конфликты. В качестве примера в школьном учебнике приведена война 1500–1503 гг., завершившаяся победой Ивана III [17, с. 33–34].

Участие Речи Посполитой во внутривосточных процессах России периода Смуты трактуется как попытки «польских панов поработить русское государство». Именно поляки распустили слух о спасении царевича Дмитрия, нашли кандидатуры самозванцев (Лжедмитриев), организовали военную интервенцию [17, с. 43–44] и заняли Москву [17, с. 46]. Крепостные крестьяне из Беларуси, спасаясь от феодального гнета, бежали от панов на Днепр и пополняли ряды запорожского казачества. В ходе восстания 1648 г. они массово поддержали Богдана Хмельницкого [17, с. 51]. Далее белорусская проблематика фигурирует при освещении разделов Речи Посполитой в последней трети XVIII века. Екатерина II присоединила «старинные белорусские и украинские земли на правом берегу Днепра», а после подавления восстания 1794 г. под руководством Тадеуша Костюшко «захватила у Польши Литву» [17, с. 73].

В событиях XIX века Беларусь присутствует в тексте школьного учебника трижды: в 1812 г. она была захвачена французскими войсками Наполеона [17, с. 81], а в 1863 г. частично оказалась в ареале восстания. Руководил восстанием Кастусь Калиновский. Крестьяне поджигали помещичьи имения, убивали панов, царских чиновников и офицеров. Тем самым подчеркивался крестьянский характер социального выступления. Российский император Александр II, чтобы привлечь на свою сторону крестьян в противостоянии с польскими помещиками, изменил условия экономической реформы 1861 г. [17, с. 101]. Также Минск упоминается под 1898 г. как город, где был созван I съезд РСДРП [17, с. 116].

При изучении главы «Военная интервенция. Гражданская война» школьники могли узнать о заключении по настоянию В. И. Ленина Брестского мира в 1918 г. [17, с. 165]. Далее анализировались события «войны с белой Польшей», завершившиеся тем, что Беларусь и Украина получили назад свои земли, ранее захваченные поляками. Однако часть белорусов осталась «под ярмом Польши» [17, с. 181]. Авторы школьного учебника отметили участие БССР в создании Союза ССР в 1922 г., ее вхождение в дружную семью народов Советского Союза [17, с. 190].

Ситуация с преподаванием курса истории СССР в старших классах школы и в средних специальных учебных заведениях Белорусской ССР была напряженной. В феврале 1940 г. отдел пропаганды и агитации при ЦК КП(б)Б констатировал, что по результатам проверки техникумов (строительного, дорожно-механического, химико-технологического, пищевой промышленности, электросвязи, народнохозяйственного учета), педагогических училищ, восьми средних школ г. Минска, средних школ Могилевской и Гомельской областей обнаружилась ситуация подмены курса истории СССР курсом истории ВКП(б). Поскольку учебники не были изданы, то учителя использовали доступное и распространенное в то время издание – «История ВКП(б). Краткий курс» [18; 19, л. 24–25, 57–58].

В это время в Академии наук СССР группа историков во главе с В. И. Пичетой работала над текстом учебника «История СССР» для неисторических факультетов высших учебных заведений. Он же руководил подготовкой учебника по истории Беларуси для студентов вузов (в двух частях). Об этом информировал Президиум АН БССР 16 октября 1938 г. старший научный сотрудник Института истории, кандидат исторических наук И. Ф. Лочмель [20, л. 47]. Следующий раз на заседании президиума вопрос обсуждался 2 февраля 1939 г. Докладывал директор Института истории академик Н. М. Никольский [21, л. 26].

Для подготовки вузовского учебника по истории Беларуси был сформирован авторский коллектив в составе академика Н. М. Никольского (руководитель), старших научных сотрудников К. М. Поликарповича, А. П. Пьянкова, И. Ф. Лочмеля. Общая редакция текста поручалась академику В. И. Пичете.

В 1940 г. вышла первая часть книги «Нарысы па гісторыі Беларусі». Вторая часть к этому времени находилась в стадии разработки. В вступительном тексте авторский коллектив отметил, что издание подготовлено на основе марксистско-ленинской методологии, носит научно-популярный характер и состоит из двух частей. Первая часть охватывала период с древнейших времен до разделов Речи Посполитой.

Периодизация истории Беларуси с древнейших времен до середины XVIII века базировалась на сочетании государственного и формационного критериев. Первый период охватывал первобытнообщинный строй (от древних стоянок человека до формирования первых государств у восточных славян). Вторым периодом составила эпоха Киевской державы, третий – период феодальной раздробленности, датируемый XII–XIV веками. Четвертый период авторы называли «Беларусь под властью Литвы в XV–XVI вв.», а пятый – «Беларусь под игом польских панов».

Первобытнообщинный строй на территории Беларуси охарактеризовал К. М. Поликарпович. Опираясь на результаты археологических исследований, проведенных в 1920–1930-е гг., он реконструировал древние стоянки верхнего палеолита, проанализировал хозяйственную жизнь и общественные отношения того времени. Из-за отсутствия научных данных ученый не представил мезолит, а сразу перешел к эпохе неолита (материнский род) и железному веку (патриархально-родовое общество) [22, с. 5–10].

В традиционной для довоенной советской историографии схеме освещен процесс расселения славянских племен на территории Беларуси: эволюция натурального хозяйства и обмена привела к социальной дифференциации населения с выделением старейшин и вождей и последующим формированием классов. Возникновение городов и развитие торговли содействовали формированию государственности у восточных славян [22, с. 14–24].

Образование Древнерусского государства, или «Киевской державы», или «Русской земли», А. П. Пьянков связывал с влиянием варяжских племен и деятельностью князя Олега. Отдельно представлены Полоцкое и Туровское княжества – первые государства на белорусских землях, завоеванные князем Владимиром. В книге присутствует сюжет ранней белорусской историографии о борьбе полоцких князей с Киевом в XI веке [22, с. 30–31]. Распад Киевской Руси на мелкие феодальные владения и начало феодальной раздробленности историк связывал с господством натурального хозяйства. Результатом явилось внешнеполитическое ослабление восточнославянских земель и развертывание борьбы с литовцами и Ливонским орденом («немцами») за доминирование в Нижнем Подвинье. А. П. Пьянков придерживался теории завоевания территории бывших Полоцкого и Туровского княжеств литовскими князьями. При этом ученый указал на высокую степень влияния русской (белорусской. – В. Б.) культуры на самих литовцев, раскрыл негативные последствия Кревской династической унии 1385 г. (в тексте 1386 г.) [22, с. 42–51].

История Великого Княжества Литовского рассмотрена сквозь призму «литовского господства», вызвавшего противостояние между православной и католической знатью. Его результатом стали областные привилегии, выданные великими князьями белорусским регионам. Тем самым прослеживается взаимосвязь с традицией московской исторической школы второй половины XIX – начала XX в., в частности с исследованиями М. К. Любавского. Подробно проанализирована социально-экономическая структура белорусского общества XV–XVI вв.: формирование шляхетского сословия, положение крестьян и городского населения, права и роль евреев,

деятельность городского самоуправления и др. В IV разделе книги представлен сюжет, посвященный борьбе за белорусские земли между Москвой и ВКЛ, развернувшейся на рубеже XV–XVI вв. Менее чем через десятилетие историки БССР откажутся от подобной трактовки т. н. «пограничных войн» в пользу концепции о многовековом стремлении белорусов к воссоединению с русским народом.

Авторы учебника завершали историю ВКЛ образованием Речи Посполитой. Люблинской унии 1569 г. предшествовала аграрная реформа («волочная помера»), развертывание классовой и межконфессиональной борьбы, события Ливонской войны. XVI столетие уже не представляло собой период «золотого века» белорусской истории [2, с. 62–72]. Речь Посполитая характеризовалась установлением господства на белорусских землях «ига польских панов». В тексте противопоставляется привилегированное положение шляхты и полное бесправие крестьянства. Нетрадиционно для последующей белорусской советской историографии выглядит информация о Статуте ВКЛ 1588 г. и деятельности короля Речи Посполитой Стефана Батория.

Второй подраздел V раздела называется «Брестская церковная уния и полонизация Беларуси». Заключение Брестской церковной унии 1596 г. объяснено стремлением иезуитов и в целом «католической реакции» распространить влияние католичества на земли Восточной Европы. Процесс сопровождался острым противостоянием с протестантами и православными. В качестве обязательного элемента исторического повествования выступает деятельность православных церковных братств, направленная против унии. Отметим наличие в тексте информации об угнетении евреев в период Контрреформации на территории Беларуси. Современная отечественная историография этому вопросу не придает важного значения: во втором (2008 г.) и третьем (2004 г.) томах академического издания «Гісторыі Беларусі» об этом не упоминается. Возможно, включение в издание 1940 г. этого явления связано с позицией редактора книги В. И. Пичеты, благодаря которому была осуществлена постановка еврейского вопроса в истории Беларуси.

При освещении событий XVII – первой половины XVIII в. главное внимание авторы книги «Нарысы па гісторыі Беларусі» уделили развертыванию классовой борьбы на белорусских землях. Основой послужили исследования В. К. Щербакова и И. Ф. Лочмеля. В третьем подразделе «Борьба крестьянства и горожан против феодального и национального гнета в конце XVI – начале XVII в.» говорится об усилении феодальной эксплуатации сельского населения после аграрной реформы 1557 г., повлекшей социальные протесты. Приведена информация о волнениях крестьян в Бобруйском старостве, городских восстаниях в Могилеве (1606–1610 гг.), Витебске (1623 г.), Полоцке (1633 г.). С подачи академиков В. М. Игнатовского и В. К. Щербакова в отечественной истории появилась тема казацко-крестьянского движения, которая органично вписывалась в проблему классовой борьбы, актуальную для советской историографии. Поэтому акцентирован факт похода казаков Северина Наливайко в 1595 г., спровоцировавший восстание белорусского крестьянства. Из политических событий первой половины XVII в. проанализировано «польско-литовское нашествие на Москву (1609–1612 гг.)» [22, с. 85–93].

Вторая половина XVII в. в белорусской истории представлена как «Беларусь в период борьбы Украины против польского владычества и войны Москвы с Польшей (1648–1667 гг.)». Из приведенного текста четвертого подраздела можно сделать два вывода: 1) антифеодальное движение на белорусских землях развивалось под влиянием украинских событий – действий казацких загонов Михненко, Голоты, Пободайло, Кричевского; 2) в период войны 1654–1667 гг. царские войска освободили территорию Беларуси от поляков [22, с. 94–100].

Первая часть книги «Нарысы па гісторыі Беларусі» завершается первой половиной XVIII в. Положение белорусских земель представлено как состояние хозяйственного упадка, разложения государственного строя Речи Посполитой, феодального и национально-религиозного угнетения, обострения классовой борьбы. Опираясь на многочисленные исследования российской историографии, авторы книги отдельно рассмотрели события Северной войны (1700–1721 гг.), вмешательство царя Петра I во внутренние дела Польши, ухудшение положения не католического населения. Особое внимание обращено на факты социальных конфликтов: волнения крестьян в Слонимском повете (1700–1701 гг.), восстания в Кричевском старостве и на Каменщине [22, с. 101–111].

Книга была допущена к печати 10 декабря 1940 г. и издана пятидесятичным тиражом перед самым началом Великой Отечественной войны. Монография «Нарысы па гісторыі Беларусі» (ч. 1) не получила широкого научного и практического применения. Большинство экземпляров книги были уничтожены в ходе бомбардировок Минска фашистскими захватчиками.

Заклучение. Таким образом, сотрудники Института истории Академии наук БССР не смогли успешно реализовать задачу подготовки «подлинно марксистской» истории Беларуси. Подготовленный в 1940 г. вариант синтетического издания характеризовался наличием социологических схем 1920-х гг., гиперболизацией классовой борьбы, использованием сюжетов ранней национальной историографии. ЦК КП(б)Б требовал от историков подготовить историю Белорусской ССР. Поставленная задача будет реализована лишь в 1950-е гг.

Список использованных источников

1. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ). – Ф. 3. Оп. 1. Д. 90.
2. Друнин, В. П. Польша. Россия и СССР: исторические очерки / В. П. Друнин. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. – 219 с.
3. Агурский, С. Х. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863–1917) / С. Х. Агурский. – Минск : Белорус. гос. изд-во, 1928. – 346 с.
4. Кернажыцкі, К. І. Да гісторыі аграрнага руху на Беларусі перад імперыялістычнай вайной / К. І. Кернажыцкі. – Менск : [б. в.], 1932. – 102 с.
5. Шчарбакоў, В. К. Нарысы гісторыі Беларусі / В. К. Шчарбакоў. – Мінск : Выд-ва Беларус. акад. навук, 1934. – Ч. 1. – 240 с.
6. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп.1. Д. 29.
7. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 50.
8. Лукашин, А. «Не освещен вовсе аппарат самодержавия...» [Электронный ресурс] / А. Лукашин, А. Сорокин // Родина. – 2016. – 1 сент. – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/09/13/rodina-uchebniki-istorii.html>. – Дата доступа: 03.07.2018.
9. Сталин, И. Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» / И. Сталин, А. Жданов, С. Киров // Правда. – 1936. – 27 янв. – С. 2.
10. Преподавание истории в нашей школе // Правда. – 1936. – 27 янв. – С. 1.
11. Против исторической концепции М. Н. Покровского : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1939. – Ч. 1. – 520 с.
12. Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1940. – Ч. 2. – 508 с.
13. Дубровский, А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.) / А. М. Дубровский. – Брянск : Изд-во Брян. гос. ун-та, 2005. – 798 с.
14. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 77а.
15. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 53.
16. 3 пратакола допыту першага дэкана гістфака БДУ Шчарбакова Васіля Карпавіча [Электронный ресурс] // Белорусский государственный университет. – Режим доступа: <https://time.bsu.by/ru/bsu-hist/bsu-history/1921-1941/ispytaniya-1930-1941/arkhivnye-dokumenty/552-3-pratakola-dopytu-pershaga-dekana-gistfaka-bdu-shhcharbakova-vasilya-karpavicha.html>. – Дата доступа: 28.06.2018.
17. Краткий курс истории СССР : учебник для 3-го и 4-го кл. / под ред. А. В. Шестакова. – М. : Учпедгиз, 1937. – 223 с.
18. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевики) : крат. курс. – М. : Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. – 337 с.
19. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 13920.
20. ЦНА. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 61.
21. ЦНА. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 66.
22. Нарысы па гісторыі Беларусі / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі. – Мінск : Выд. Акад. навук БССР, 1940. – Ч. 1. – 112 с.

References

1. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. Fund 3, inventory 1, case 90 (in Russian).
2. Drunin V. P. *Poland. Russia and the USSR: historical essays*. Moscow, Leningrad, State publishing house, 1928. 219 p. (in Russian).
3. Agurskii S. Kh. *Essays on the history of the revolutionary movement in Belarus (1863–1917)*. Minsk, Belarusian state publishing house, 1928. 346 p. (in Russian).
4. Kernazhytski K. I. *On the history of the agrarian movement in Belarus before the imperialist war*. Mensk, 1932. 102 p. (in Belarusian).
5. Shcharbakou V. K. *Essay of the history of Belarus. Part 1*. Minsk, Publishing House of the Belarusian Academy of Sciences, 1934. 240 p. (in Belarusian).
6. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. Fund 1, inventory 1, case 29 (in Russian).

7. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. Fund 1, inventory 1, case 50 (in Russian).
8. Lukashin A., Sorokin A. «Ne osveshchen vovse apparat samoderzhaviiia...». *Rodina* [Homeland], 2016, September 1. Available at: <https://rg.ru/2016/09/13/rodina-uchebniki-istorii.html> (accessed 03.07.2018) (in Russian).
9. Stalin I., Zhdanov A., Kirov S. Notes on the outline of the textbook on the “History of the USSR”. *Pravda* [True], 1936, January 27, pp. 2 (in Russian).
10. Teaching history in our school. *Pravda* [True], 1936, January 27, pp. 1 (in Russian).
11. *Against the historical concept of M. N. Pokrovsky: collection of articles. Part 1*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences publishing house, 1939. 520 p. (in Russian).
12. *Against the anti-Marxist concept of M. N. Pokrovsky: collection of articles. Part 2*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences publishing house, 1940. 508 p. (in Russian).
13. Dubrovskii A. M. *Historian and power: historical science in the USSR and the concept of the history of feudal Russia in the context of politics and ideology (1930–1950)*. Bryansk, Publishing House of Bryansk State University, 2005. 798 p. (in Russian).
14. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. Fund 1, inventory 1, case 77a (in Russian).
15. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. Fund 1, inventory 1, case 53 (in Russian).
16. From the interrogation protocol of the first Dean of the History Faculty of BSU. *Belarusian State University*. Available at: <https://time.bsu.by/ru/bsu-hist/bsu-history/1921-1941/ispytaniya-1930-1941/arkhivnye-dokumenty/552-3-pratakola-dopytu-pershaga-dekana-gistfaka-bdu-shhcharbakova-vasilya-karpavicha.html> (accessed 28.06.2018) (in Belarusian).
17. Shestakov A. V. (ed.). *A short course in the history of the USSR*. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1937. 223 p. (in Russian).
18. *History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): short course*. Moscow, Publishing House of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, Pravda, 1938. 337 p. (in Russian).
19. *National Archives of the Republic of Belarus*. Fund 4p, inventory 1, case 13920 (in Russian).
20. *National Archives of the Republic of Belarus*. Fund 1, inventory 1, case 61 (in Russian).
21. *National Archives of the Republic of Belarus*. Fund 1, inventory 1, case 66 (in Russian).
22. *Essays on the history of Belarus. Part 1*. Minsk, Publishing House of the Academy of Sciences of the BSSR, 1940. 112 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Белозорович Виктор Александрович – кандидат исторических наук, доцент. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (ул. Ожешко, 22, 230023, Гродно, Республика Беларусь). E-mail: vbelozorovich@mail.ru

Information about the author

Viktor A. Belozorovich – Ph. D. (Hist.), Associate Professor. Yanka Kupala State University of Grodno (22 Ozhe-shko Str., 230023 Grodno, Belarus). E-mail: vbelozorovich@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 930.1(476)«1921/39»

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-44-51>

Поступила в редакцию 04.12.2018

Received 04.12.2018

А. А. Савіч

*Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь***ГІСТОРЫЯ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1921–1939 гг.)
У АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ 50–80-х гг. ХХ ст.**

Аннотацыя. Исследуется процесс развития в 50–80-х гг. ХХ в. отечественной советской историографии социально-культурной истории Западной Беларуси (1921–1939 гг.), выявлены ее тематические и идейно-политические приоритеты. На основании широкого круга разнообразных источников обоснованно сделан вывод о зависимости отечественной историографии социально-культурной истории Западной Беларуси (1921–1939 гг.) от партийно-государственной идеологии и приоритета революционной тематики. Изучение социокультурной тематики было обусловлено авангардной ролью Компартии Западной Беларуси в общественно-политической ситуации в крае, однозначно отрицательным подавалось польское социокультурное влияние на Западную Беларусь как насильственное навязывание чужих культурно-исторических ценностей, наблюдалось игнорирование социально-культурной жизни представителей других национальных меньшинств и неподконтрольных компартии группировок. В советский период системной предметной разработки темы не существовало, за исключением проблематики коммунистической и демократической печати и состояния народного образования, что объяснялось второстепенным положением этих вопросов в системе марксистско-ленинской методологии. Социально-культурная проблематика развивалась согласно марксистско-ленинским социально-классовым канонам, направленным на нивелирование национальных черт и воспитание интернационалистских приоритетов, следствием чего явились обеднение социокультурной истории Западной Беларуси и отказ от значительных достижений белорусского народа в материальной и духовной культуре, области образования, науки, литературы и искусства.

Ключевые слова: историография, Западная Беларусь, политика Польши, культура, язык, образование, публицистика, интеллигенция, социально-культурная история

Для цитирования: Савіч, А. А. Гісторыя Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) у айчыннай гістарыяграфіі 50–80-х гг. ХХ ст. / А. А. Савіч // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 1. – С. 44–51. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-44-51>

Aliaksandr A. Savich

*Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus***HISTORY OF WESTERN BELARUS IN 1921–1939 IN DOMESTIC SOVIET HISTORIOGRAPHY
OF THE 1950s–1980s**

Abstract. The study is aimed at understanding the process of formation and development of the Soviet national historiography in 1950s–1980s of the socio-cultural history of Western Belarus in 1921–1939, identifying its thematic, ideological and political orientation. Based on a wide range of sources, a conclusion was made about the conditionality of domestic journalism and scientific historical thought on the socio-cultural issues of Western Belarus in 1921–1939, the assimilation policy of Poland and the desire of the Belarusian people for social liberation and national consolidation. With the exception of the problems of the communist and democratic press and the state of public education, there was no systematic substantive development of the topic during the Soviet period, which was explained by the secondary importance of cultural themes in the system of Marxist-Leninist methodology. The events of social and cultural life were used to confirm the difficult situation of the Belarusian people and as an illustration of the revolutionary struggle for “social and national liberation”, the approaches to its study were determined by the place and role of the Communist Party in the social and political situation, the Polish was clearly negative and alien to Belarusians. sociocultural influence on Western Belarus, ignoring the socio-cultural life of members of other national minorities and under control Communist Party groups. Socio-cultural issues developed in accordance with the Marxist-Leninist social-class canons, aimed at leveling national features and fostering internationalist priorities, resulting in the impoverishment of the sociocultural history of Western Belarus, the rejection of significant achievements of the Belarusian people in material and spiritual culture, in the field of education and science literature and art.

Keywords: historiography, Western Belarus, policy of Poland, culture, language, education, journalism, intelligentsia, social and cultural history

For citation: Savich A. A. History of Western Belarus in 1921–1939 in domestic soviet historiography of the 1950s–1980s. *Vesti Natsyonal'nei akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 1, pp. 44–51 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-44-51>

Складанае становішча культуры Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. у складзе Польшчы ў айчынай гістарычнай навуцы традыцыйна з пачатку 1920-х гг. выкарыстоўвалася ў якасці ілюстрацыі акупацыйна-асіміляцыйнай палітыкі Польшчы. Пры гэтым падача матэрыялу часта характарызавалася тэндэнцыйнасцю і заідэалагізаванасцю, высокай эмацыянальнасцю і суб'ектыўнасцю, таму існуе неабходнасць прадметнага гістарыяграфічнага вывучэння заходнебеларускай сацыяльна-культурнай гісторыі. У айчынай гістарычнай навуцы напрацаваны пэўны вопыт гістарыяграфічнага аналізу дадзенай праблематыкі ў выглядзе гістарыяграфічных аглядаў дысертацыйных даследаванняў і публікацый А. Гужалоўскага [1], А. Вабішчэвіча [2; 3] і А. Загідуліна [4–6], якія канцэнтруюць асноўную ўвагу на сучасным этапе айчынай гістарыяграфіі, характарызуючы савецкі перыяд галоўным чынам у бібліяграфічным плане. Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца выяўленне ідэйна-палітычных і тэматычных прыярытэтаў айчынай савецкай гістарыяграфіі сацыяльна-культурнай гісторыі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) у другой палове 1950-х – 1980-я гг.

Трансфармацыі грамадска-палітычнага жыцця і арганізацыйна-метадалагічныя зрухі ў асветленні гісторыі Заходняй Беларусі ў першыя гады пасля XX з'езда КПСС першапачаткова істотным чынам не змянілі падыходы і маштабнасць вывучэння гісторыка-культурнай праблематыкі. Яскравым прыкладам з'яўляецца другі том гісторыі БССР. Аўтар аднаго з раздзелаў – Ц. Гарбуноў, таму папярэдня версія, адлюстраваная ў яго манаграфіі [7, с. 109–112], тут фактычна засталася без змен і нават у фактаграфічным плане збыднела [8, с. 334–335]. Занябанасць тэматыкі, як і раней, вызначалася яе другараднасцю ў марксісцка-ленінскім вучэнні, традыцыйнай барацьбой з нацыяналістычнымі ўхіламі, а ў адносінах да Заходняй Беларусі – асцярожнасцю ў дачыненні да ўдзельнікаў грамадска-культурных працэсаў. Усе яны, нават сябры КПЗБ і КСМЗБ, за гады палітычнай дыскрэдытацыі КПЗБ і заходнебеларускай праблематыкі, успрымаліся як нядобранадзейныя. Таму вельмі важнай была далейшая рэабілітацыя КПЗБ, з якой супрацоўнічалі большасць дзеячаў культуры, што давала магчымасць айчынным даследчыкам займацца вывучэннем іх творчасці як часткі культурнай спадчыны Заходняй Беларусі.

Сітуацыя «адлігі» садзейнічала запатрабаванаму часам звароту да біяграфій беларускіх грамадска-культурных дзеячаў. Найперш гэта тычылася асобы Б. Тарашкевіча, які застаўся ў памяці жыхароў Заходняй Беларусі як сімвал барацьбы за беларускую культуру і актыўны творца – вучоны, публіцыст, мовазнавец, літаратуразнавец і перакладчык, лёсам якога цікавіліся ў розных колах беларускага грамадства. Напрыклад, В. У. Ражко ў лісце 4 сакавіка 1959 г. у Інстытут гісторыі партыі пры ЦК КПБ заклікаў надалей разгортваць рух па рэабілітацыі КПЗБ, што «дало б магчымасць узняць дух, настрой усіх былых членаў КПЗБ, у сувязі з роспускам КПЗБ у 1938 г. па матывах варажой правакацыі. Пры тым трэба было б лепш асвяціць у друку аб лёсе кіраўніка “Беларускай Сялянска-Рабочай Грамады” – Браніслава Тарашкевіча і іншых яго таварышаў. Мне давялося бываць на радзіме Б. Тарашкевіча і размаўляць з яго братам. Родныя, знаёмыя былыя грамадоўцы і капэзэбоўцы – цікавяцца яго лёсам, чаму да гэтага часу аб гэтым гісторыя маўчыць» [9, арк. 2–3].

У сувязі з гэтым адзначым публікацыі М. Арэхвы, які пасля доўгіх гадоў упершыню на старонках партыйнага друку станоўча выказаўся пра Б. Тарашкевіча, Максіма Танка, П. Пестрака, В. Таўлая, М. Васілька, якія «выраслі і былі выхаваны» пад уплывам КПЗБ і ўсю сваю палітычную дзейнасць і творчасць звязалі з партыяй. І наадварот, М. Арэхва, паводле сваіх палітычных меркаванняў былога апанента, рэзка негатыўна крытыкуе палітычную, а значыць, і сацыякультурную дзейнасць А. Луцкевіча, Р. Астроўскага, А. Станкевіча, якія сваімі канкрэтнымі справамі па арганізацыі беларускага нацыянальна-культурнага жыцця ажыццявілі шмат праектаў антыпольскага, антыакупацыйнага, нацыянальнага беларускага характару, на пэўных этапах сваёй дзейнасці з рознай ступенню актыўнасці і шчырасці супрацоўнічалі з камуністамі, атрымлівалі ад іх падтрымку, аднак па асноўных сваіх ідэйна-палітычных пазіцыях засталіся апанентамі КПЗБ, а значыць, ворагамі [10, с. 32–34].

Што тычыцца асобы Б. Тарашкевіча, то неабходна адзначыць, што яго грамадская і культурна-асветніцкая праца атрымала сваё значнае выяўленне. Разам з тым існавала своеасаблівае спадчына паміж біёграфамі Б. Тарашкевіча, бо вядомая як галоўны спецыяліст па гэтай тэме польская даследчыца А. Бергман, якая пазіцыянавала беларускі сацыяльна-культурны рух

і беларускіх дзеячаў, у першую чаргу Б. Тарашкевіча і А. Луцкевіча як частку агульнапольскай сацыяльна-культурнай плыні, апублікавала свае працы ў 1968 і 1977 гг. [11; 12], у той час як айчыныя беларускія аўтары гісторык Б. Клейн і літаратуразнавец А. Ліс выдалі свае творы адпаведна ў 1963 і 1966 гг. [13; 14].

У цэлым, нягледзячы на традыцыйную павярхоўнасць і фрагментарнасць сацыякультурнай праблематыкі, яна прысутнічала ў гістарычных даследаваннях у якасці абавязковага атрыбута для стварэння завершанай карціны «нацыянальнага заняволення» і барацьбы «за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне», што садзейнічала некатораму яе ўдасканаленню. У першую чаргу гэта тычылася адыходу ад апрыёрнасці і публіцыстычнасці, да якіх схіляліся даследчыкі папярэдняга перыяду. Асвятленне сацыяльна-культурнай сферы хоць і адбывалася па кальцы «нацыянальнага прыгнёту і рэвалюцыйнай барацьбы», але забяспечвалася трывалай крыніцавай базай, у тым ліку ў выглядзе польскай афіцыйнай статыстыкі, а не так, як гэта было раней, – з дапамогай эмацыянальных разважанняў камуністычных публіцыстаў. У першую чаргу гэта тычыцца У. Палуяна і І. Палуяна, якія з асаблівай увагай ставіліся да адукацыйнай тэматыкі і выкрыцця «рэакцыйнай палітыкі» ў школьнай адукацыі, аб'ектывізуючы вядомыя тэзісы пра непрызнанне беларускай нацыі і мовы, закрыцця 400 беларускіх школ, якія «за кароткі час 1918–1919 гг. узніклі ў Заходняй Беларусі», скасаванне беларускіх гімназій і цяжкасці артыманія сярэдняй адукацыі; нежаданне польскіх улад даваць нават польскую адукацыю; незадавальняючы матэрыяльны стан школ, згадваючы польскія саступкі на карысць беларускага школьніцтва паводле законаў С. Грабскага; звесткі пра адкрыццё ў 1927–1928 гг. пад ціскам беларускага народа 78 беларускіх і змешаных школ з іх наступным закрыццём. Да гэтага аўтары дадалі агульныя звесткі пра цяжкія палітычныя ўмовы для функцыянавання «аб'ектыўных і дэмакратычных» газет [15, с. 36–37, 16, с. 31–35].

Другі аспект бачнага развіцця праблематыкі звязаны з паглыбленнем асвятлення культурна-асветніцкай дзейнасці масавых нацыянальна-вызваленчых арганізацый ТБШ, БСРГ і «Змаганне». На падставе палітыка-ідэалагічнага ўздзеяння савецкіх партыйна-дзяржаўных інстанцый, якія працягвалі мысліць катэгорыямі канфрантацыі, гісторыка-сацыякультурная сфера Заходняй Беларусі неабгрунтавана атрымала дыскрэтнасць, якая разрывала агульны культурна-асветніцкі рух супраць паланізацыі і асіміляцыі на «сваіх» і «чужых» [15, с. 6]. У выніку такой класіфікацыі на падставе існаваўшага з даваенных часоў штучнага падзелу «свае», названыя вышэй падкантрольныя КПЗБ арганізацыі і іх грамадска-культурная дзейнасць, мелі станоўчыя характарыстыкі. У прыватнасці, паводле І. Палуяна і У. Палуяна, перад пагрозай забароны ўладамі БСРГ яе кіраўніцтва прапанавала шырай выкарыстоўваць у сваёй працы ТБШ, «кааператывы і іншыя масавыя арганізацыі працоўных», у выніку чаго ўзніклі дзясяткі хат-чытальняў, бібліятэк, клубаў, сельскагаспадарчых і асветніцкіх гурткоў, кааператываў, Саюз беларускіх настаўнікаў, ашчадныя касы настаўнікаў, а таксама сотні новых гурткоў ТБШ. З новай сілай разгарнуўся рух за адкрыццё беларускіх школ [15, с. 111]. У дадзеным выпадку неабходна адзначыць узважаны і аб'ектыўны характар інфармацыі гісторыкаў, якія ў абагульненай форме праілюстравалі кансалідацыю большасці беларускіх палітычных і культурных дзеячаў і актывізацыю ў выніку гэтага на падставе беларускіх прыярытэтаў нацыянальна-культурнага жыцця, у якім вядучую ролю адыгрывалі дзеячы нацыянальна-дэмакратычнага крыла, а не камуністы з іх лявацка-сектанцкімі замахамі.

Найбольшую ўвагу пытанням сацыяльна-культурнай гісторыі Заходняй Беларусі надаў У. Палуян, забяспечваючы выкладанне адпаведных пытанняў з больш высокай ступенню аб'ектыўнасці ў параўнанні з папярэднікамі. Яго навуковая смеласць у адносінах да нацыянальна-культурнай беларускай гісторыі праявілася ў актуалізацыі і бадай што прадметным даследаванні Таварыства беларускай школы, без якога немагчыма ўявіць як сацыяльна-культурную, так і грамадска-палітычную гісторыю Заходняй Беларусі БСРГ [16, с. 103–137, 214–238; 17, с. 146–150]. Акрамя асвятлення стану асветы і барацьбы за адкрыццё беларускіх школ, аўтар прэзентаваў дастаткова аб'ёмную для таго часу карціну іншых формаў сацыяльна-культурнага жыцця, найперш дзейнасць гурткоў ТБШ, у тым ліку арганізацыю народных дамоў і клубаў, хат-чытальняў, правядзенне спектакляў, вечарын, канцэртаў і інш. Аднак сацыяльна-культурная гісторыя пада-

валася ім з класавых пазіцый, была надзвычай палітызавана, абумоўлена палітычнымі задачамі рэвалюцыйнай дэмакратыі пад кіраўніцтвам КПЗБ і заставалася прэзентацыяй барацьбы за народную культуру «працы і барацьбы», за ізаляцыю культурна-асветніцкага ўплыву «беларускіх буржуазных нацыяналістаў», за інтэрнацыянальныя каштоўнасці, супраць буржуазнага і дробнабуржуазнага згодніцтва, паланізацыі і асіміляцыі.

Адметнасцю разглядаемага перыяду стала распрацоўка тэмы народнай адукацыі ў Заходняй Беларусі ў абагульненым выданні па гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі і дысертацыі на суісканне ступені кандыдата педагагічных навук Г. Сянькевіч, якая дэманстравала ў цэлым відавочнае імкненне да аб'ектыўнасці [18; 19]. Даследаванне ўпершыню прадметна было накіравана на вывучэнне стану адукацыі, а не на яе выкарыстанне ў якасці ілюстрацыі акупацыйнай палітыкі Польшчы і рэвалюцыйнай барацьбы. У тагачасных традыцыях яно было абумоўлена савецкімі сацыяльна-класавымі ідэалагічнымі прыярытэтамі і накіравана на гіпербалізацыю недахопаў польскай сістэмы адукацыі. У цэлым, ацэньваючы адукацыйную палітыку «буржуазнага ўрада Польшчы» як паланізатарскую, антынародную, «падманлівую», нягледзячы на прыведзеную статыстыку і ілюстрацыю некаторых намаганняў у галіне школьнай асветы, даследчыца сцвярджала, што ўрад так «нічога і не прадпрыняў, каб ажыццявіць у Заходняй Беларусі ўсеагульнае пачатковае навучанне», наступствам такой арганізацыі «ўсенавуча» стала суцэльная непісьменнасць сярод насельніцтва [18, с. 341–342; 19, с. 11, 13, 15]. Гэтымі сцвярджэннямі Г. Сянькевіч супярэчыла не толькі існуючым у айчынай гістарыяграфіі больш аб'ектыўным звесткам, нават міжваеннага часу, але і самой сабе, падаючы інфармацыю пра вядомыя захады польскіх улад па ўлагоджванні праблемы беларускага школьніцтва, акцэнтуючы ўвагу на законах аб адукацыі, найперш законах ад 31 ліпеня 1924 г., прызначычы наяўнасць польскіх школьных інспектараў з дэмакратычнымі перакананнямі і іх увагу да «голосу народа» [18, с. 346]. Не могуць быць прыняты і патрабуюць удакладнення некаторыя іншыя сцвярджэнні аўтара, у прыватнасці, пра адсутнасць у Заходняй Беларусі «дастатковай сеткі сярэдніх бясплатных школ». Сярэднімі навучальнымі ўстановамі з'яўляліся гімназіі, навучанне ў якіх было платным. Такім чынам, бясплатных «сярдніх школ» сапраўды не было, але вядома, што дзеці немагчымых бацькоў па рашэнні педагагічных саветаў гімназій вызваліліся ад аплаты за навучанне і атрымлівалі стыпендыі. Таму тэзіс аўтара аб «абмежаванні доступу працоўнай моладзі да сярэдняй адукацыі» некарэктны, тым больш на фоне згаданых закрытых шасці беларускіх гімназій (Будслаў, Нясвіж, Радашковічы, Клецк, Навагрудак і Вільня) і функцыянавання на тэрыторыі Заходняй Беларусі польскіх дзяржаўных гімназій. Па ўкаранёнай раней традыцыі даследчыца неабгрунтавана абвінаваціла беларускіх нацыянальна-культурных дзеячаў у згодніцтве і здрадзе інтарэсам працоўнага народа, падкрэсліваючы, што ў ажыццяўленні паланізатарскай школьнай палітыкі «актыўнымі пасобнікамі акупантаў» былі беларускія нацыяналісты, якія выступалі за «нацыянальную культуру, школу і выхаванне», «нейтральнасць школы», яны ішлі па шляху «мірнай культурніцкай працы» ў рамках буржуазнай дзяржавы, патрабавалі ўмацавання ў школах рэлігійнага выхавання, дапамагалі правячым колам пераўтвараць беларускія школы ў польскія. Разам з тым у Г. Сянькевіч тэма народнай асветы атрымала паглыбленне за кошт увядзення ў навукі ўжытак вялікай колькасці архіўных матэрыялаў, якія адлюстроўвалі барацьбу беларускага насельніцтва за адкрыццё пачатковых, у тым ліку прыватных і тайных школ, іх матэрыяльна-тэхнічную базу, метадычныя прыярытэты і кадравое забеспячэнне. Наватарскімі былі звесткі аўтара аб прафесійнай адукацыі дарослых, для падрыхтоўкі кваліфікаваных рабочых ствараліся сельскагаспадарчыя, рамесна-прамысловыя, гандлёвыя і жаночыя школы дамаводства [19, с. 12, 20].

Найбольш значным быў імпульс «адлігі» для тэматыкі выдавецкай дзейнасці, друку і прэсы Заходняй Беларусі, у дачыненні да якіх на падставе марксісцка-ленінскай схемы айчыннымі даследчыкамі быў ажыццёўлены рашучы зрух у выглядзе змястоўных напрацовак У. Палуяна [16, с. 83–88] і падрыхтоўкі прадметных публікацый і абароны кандыдацкіх дысертацый П. Зялінскім, М. Ракевічам, С. Говіным, Т. Талапінай, Я. Н. Марашам [20–24]. Іх тыповымі рысамі з'яўляліся сацыяльна-класавая рыторыка, ухваленне і ўзвелічэнне палітычнай і рэвалюцыйнай выдавецка-публіцыстычнай дзейнасці кампартыі, БСРГ, «Змагання», актуалізацыя сацыяльна-класавых прыярытэтаў, неабгрунтаваная гіпербалізацыя ўплыву пракамуністычных выданняў і «ленінскай

спадчыны», ігнараванне, замоўчванне ці негатыўнае стаўленне да выдавецка-публіцыстычнай дзейнасці непадкантрольных КПЗБ партый і арганізацый, выкрыццё «антынароднай сутнасці беларускага буржуазнага нацыяналізму». Разам з тым даследаванні ставяць пад пытанне вядомы савецкі тэзіс пра «ганенні на беларускую прэсу». Так, С. Говіным даследавана 245 заходнебеларускіх выданняў: газеты – каля 190, штотыднёвікі і часопісы – 55, з іх радыкальная прэса прадстаўлена ў колькасці 110: газеты – 104, часопісы – 6. Толькі друк БСРГ і блізкія да яго выданні па палітычнай скіраванасці былі прадстаўлены 22 перыядычнымі органамі і амаль 30 аднаднёўкамі [22, с. 3].

Нягледзячы на знаходжанне Польшчы ў адзіным з СССР складзе «сацыялістычнага лагера», адназначна адмоўным падаваўся польскі сацыякультурны ўплыў на насельніцтва Заходняй Беларусі як гвалтоўнае навязванне чужых культурна-гістарычных звычак і прыярытэтаў у выніку функцыянавання дзяржаўных устаноў, палітычных партый, насаджэння розных палітычных і культурна-асветніцкіх арганізацый «рэакцыйна-шавіністычнага характару» [25, с. 34–35; 26, с. 13; 27, с. 75–77; 28, с. 13].

Характэрнай рысай канцэптуальных поглядаў айчынных савецкіх аўтараў было ігнараванне сацыяльна-культурнага жыцця прадстаўнікоў іншых нацыянальных меншасцей, якія пражывалі ў Заходняй Беларусі, за рэдкім выключэннем згадвання яўрэйскіх, украінскіх і літоўскіх нацыянальна-культурных арганізацый і выданняў у кантэксце дзейнасці нацыянальных палітычных партый і групавак [25, с. 42–48; 27, с. 69–75; 28, с. 13–14].

У дачыненні да культурна-асветніцкай, як і грамадска-палітычнай, дзейнасці беларускіх нацыянальна-дэмакратычных арганізацый дэманстраваўся відавочны звужана-фрагментарна пададзены негатыў [15, с. 238–241, 267–274; 26, с. 14; 27, с. 63–68; 28, с. 15; 29, с. 18]. З такога выкладання атрымлівалася, што вялікая культурна-асветніцкая, навукова-даследчыцкая, краязнаўчая, музейная, бібліятэчная дзейнасць ТБШ, БІГіКа, Беларускага навуковага таварыства, Беларускага музея імя І. Луцкевіча, Таварыства беларускай асветы і іншых арганізацый і суполак, актыўная арганізацыйная і асабістая дзейнасць А. Луцкевіча, А. Станкевіча, Р. Астроўскага і многіх іншых мэтанакіравана мінімізаваліся, падвяргаючыся дыскрэдытацыі і дыфамачыі. Гэта тычыцца культурна-асветніцкай, мастацкай, літаратурнай дзейнасці арганізатараў і непасрэдных творцаў некамуністычнай арыентацыі, змест і машаб працы якіх мэтанакіравана замоўчваліся, аб іх значнасці можна было атрымліваць ускосныя звесткі з аповядаў пра шкоднасць іх справы як актыўных прыхільнікаў «буржуазна-кулацкіх» каштоўнасцей, апанентаў народных традыцый і культуры. У падачы літаратурна-мастацкага жыцця асабліва яскравым прыкладам такіх падыходаў з’яўляецца літаратурная крытыка У. Калесніка [30–32]. Большай уважанасцю і аб’ектыўнасцю на гэтым фоне выдзяляюцца даследаванні А. Ліса [33–35], які, аднак, таксама вымушаны быў шукаць і адлюстроўваць сацыялістычныя, прагрэсіўныя рысы ў літаратурным і выяўленчым мастацтве.

Аналіз публікацый сведчыць пра недастатковае імкненне айчыннай гістарыяграфіі да навуковай дакладнасці і адназначнасці. Найбольш красамоўна гэта праяўлялася пры падачы колькасці беларускіх школ. Так, фігуруюць істотна розныя па паходжанні і змесце гістарыяграфічныя факты: каля 400 беларускіх школ, створаных у 1918–1919 гг. [15, с. 36]; да захопу Польшчай існавала каля 400 беларускіх школ, 2 настаўніцкія семінарыі, 5 гімназій, створаных у час Савецкай Рэспублікі ЛітБел [25, с. 31–32]; закрыты каля 350 беларускіх школ, створаных у 1918–1919 гг. «беларускай грамадскасцю» [17, с. 17]; больш 500 беларускіх пачатковых школ, адкрытых у 1917–1920 гг., да таго ж 186 беларускіх школ у Сярэдняй Літве [18, с. 342–343]. Тое самае назіраем і з падачай колькасці школ, якія засталіся пасля масавага закрыцця польскімі ўладамі: у 1926 г. у краі існавала толькі 4 беларускія школы [15, с. 36]; да 1924 г. засталася толькі 37 беларускіх школ [25, с. 31–32]; у 1923 г. існавала 37 беларускіх і 8 змешаных (польска-беларускіх) школ [17, с. 17]; у 1925/26 навучальным годзе засталася толькі 2 беларускія і 8 польска-беларускіх школ [18, с. 343]. Выяўленыя недакладнасці тлумачацца рознымі падыходамі да вызначэння тэрыторыі лакалізацыі школ, храналагічнага перыяду і выкарыстаных крыніц, у якасці якіх выступалі як афіцыйная польская статыстыка, так і выданні КПЗБ.

У цэлым неабходна адзначыць, што тэма сацыяльна-культурнай гісторыі ў асвятленні айчыннай гістарыяграфіі, нягледзячы на яе пашырэнне па некаторых кірунках у другой палове 1950-х –

1980-я гг., так і не стала прадметам манаграфічнага даследавання, у якім былі аб'ектыўна прэзентаваны і атрымалі б уважаную ацэнку грамадска-палітычных ўмовы, змест, ідэалогія, кадравая, матэрыяльна-тэхнічная і фінансавая база як асобных культурна-асветніцкіх устаноў, так і этнакультурная дзейнасць і сацыяльна-культурная сфера ўвогуле. Пры гэтым на манаграфічны ўзровень выйшла даследаванне гісторыі адукацыі, камуністычнага і дэмакратычнага друку.

Такім чынам, айчынная гістарыяграфія сацыяльна-культурнай гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. была абумоўлена партыйна-дзяржаўнай ідэалогіяй і прыярытэтам рэвалюцыйнай тэматыкі, якая апявала імкненне беларускага народа да вызвалення і нацыянальнай кансалідацыі. «Надбудоўчаны» стан праблемы ў сістэме марксісцка-ленінскай метадалогіі не спрыяў сістэмнай прадметнай распрацоўцы тэмы сацыяльна-культурнай гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг., за выключэннем праблематыкі камуністычнага і дэмакратычнага друку і стану народнай адукацыі. Па-першае, тэматыка выкарыстоўвалася для пацвярджэння цяжкага становішча беларускага народа, абмежаванага жорсткім ціскам польскіх улад, і ў якасці ілюстрацыі рэвалюцыйнай барацьбы «за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне». Па-другое, сацыяльна-культурная гісторыя была дэтэрмінавана месцам і роляй кампартыі ў грамадска-палітычнай сітуацыі. Толькі звязаныя з камуністамі культурніцкія сілы атрымлівалі станоўчае адлюстраванне, у той час як культурна-асветніцкія справы апанентаў КПЗБ ігнараваліся, замоўчваліся ці зрэдку падаваліся ў негатыўным плане як спробы сарваць наладжаную працоўным народам пад кіраўніцтвам камуністаў сацыяльна-культурную справу як частку рэвалюцыйнай барацьбы. Па-трэцяе, адназначна адмоўным падаваўся польскі сацыякультурны ўплыў на Заходнюю Беларусь як гвалтоўнае навязванне чужых культурна-гістарычных каштоўнасцей, за выключэннем нязначных, падкантрольных польскай кампартыі, сацыяльна-культурных пляцовак. Па-чацвёртае, характэрнай рысай канцэптуальных поглядаў айчынных савецкіх аўтараў з'яўлялася ігнараванне сацыяльна-культурнага жыцця прадстаўнікоў іншых нацыянальных меншасцей, якія пражывалі ў Заходняй Беларусі, за рэдкім выключэннем згадвання яўрэйскіх, украінскіх і літоўскіх нацыянальна-культурных арганізацый і выданняў у кантэксце дзейнасці нацыянальных палітычных партый і групавак.

Сацыяльна-культурная праблематыка развівалася паводле марксісцка-ленінскіх сацыяльна-класавых канонаў, накіраваных на нівеліраванне нацыянальных рыс і выхаванне інтэрнацыяналісцкіх прыярытэтаў. Ігнараванне сацыякультурнай дзейнасці, якая не ўпісвалася ў фармат пралетарскай культуры, і стала вынікам духоўнай творчай дзейнасці прадстаўнікоў «чужых» сацыяльных і нацыянальных дзеячаў і суполак. У выніку адбылося збядненне сацыякультурнай гісторыі Заходняй Беларусі, адмаўленне ад значных дасягненняў беларускага народа ў матэрыяльнай і духоўнай культуры, у галіне адукацыі, навукі, літаратуры і мастацтва.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Гужалоўскі, А. Музеі Беларусі (1918–1941 гг.) / А. Гужалоўскі. – Мінск : Нац. арх. Рэсп. Беларусь, 2002. – 164 с.
2. Вабішчэвіч, А. М. Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. – Брэст : БрДУ, 2008. – 319 с.
3. Вабішчэвіч, А. Гісторыя і культура заходняй Беларусі і Усходняй Літвы (паўночна-ўсходніх зямель II Рэчы Паспалітай) у сучаснай беларускай і польскай гістарыяграфіі / А. Вабішчэвіч // *Studia Białorusinistyczne*. – 2013. – № 7. – С. 73–80. <http://dx.doi.org/10.17951/sb.2013.7.73>
4. Загідулін, А. М. Заходнебеларуская культура ў працах беларускіх гісторыкаў / А. М. Загідулін // *Polacy i białorusini. Nasza wspólna historia. Dwudziestolecie międzywojenne : materiały z międzynarod. konf. nauk.*, Grodno, 11–13 czerw. 2010 г. – Гродно, 2011. – С. 123–130.
5. Загідулін, А. М. Гарадская культура Заходняй Беларусі (1921–1939) у айчыннай гістарыяграфіі / А. М. Загідулін // *Гістарыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працесаў урбанізацыі ў Беларусі : зб. навук. арт. / Гродзен. дзярж. ун-т імя Я. Купалы. – Гродна, 2009. – С. 373–378.*
6. Загідулін, А. М. Архітэктура Заходняй Беларусі (1918–1921 гг.): гістарыяграфія праблемы / А. М. Загідулін // *Белорусская политология: многообразие в единстве. Политическое знание в современном социальном и образовательном пространстве : тез. докл. V Междунар. науч.-практ. конф.*, Гродно, 17–18 мая 2012 г. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: В. Н. Ватыль [и др.]. – Гродно, 2012. – Ч. 1. – С. 185–188.
7. Горбунов, Т. Воссоединение белорусского народа в едином советском социалистическом государстве / Т. Горбунов. – М. : Госполитиздат, 1948. – 232 с.
8. Гісторыя Беларускай ССР : у 2 т. / Акад. навук Беларус. ССР, Ін-т гісторыі. – Мінск : Выд-ва Акад. навук БССР, 1955–1958. – Т. 2 / пад рэд. І. С. Краўчанкі, Н. В. Каменскай. – 1958. – 661 с.

9. НАРБ. – Ф. 1440. Воп. 1. Спр. 149.
10. Орехво, Н. К вопросу об истории Коммунистической партии Западной Белоруссии / Н. Орехво // Коммунист Белоруссии. – 1957. – № 8. – С. 25–36.
11. Bergman, A. Bronisław Taraszkiewicz a lewica belwederska / A. Bergman // Kwartalnik Historyczny. – 1968. – № 1. – S. 41–58.
12. Bergman, A. Rzecz o Bronisławie Taraszkiewicz / A. Bergman. – Warszawa : Książka i wiedza, 1977. – 243 s.
13. Клейн, Б. Старонкі палымянага жыцця / Б. Клейн // Польша. – 1963. – № 10. – С. 141–153.
14. Ліс, А. Браніслаў Тарашкевіч / А. С. Ліс. – Мінск : Навука і тэхніка, 1966. – 167 с.
15. Полуян, В. А. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920–1939 гг. / В. А. Полуян, И. В. Полуян. – Минск : Госиздат, 1962. – 222 с.
16. Полуян, В. А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.) / В. А. Полуян. – Минск : Наука и техника, 1978. – 359 с.
17. Палуян, У. А. Беларуская сялянска-рабочая грамада / У. А. Палуян. – Мінск : Навука і тэхніка, 1967. – 222 с.
18. Сянькевіч, Г. Р. Народная асвета ў Заходняй Беларусі / Г. Р. Сянькевіч // Нарысы гісторыі народнай асветы і педагогічнай думкі ў Беларусі / Навук.-даслед. ін-т педагогікі М-ва асветы БССР. – Мінск, 1968. – С. 341–395.
19. Сенькевич, Г. Г. Состояние народного образования в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 730 / Г. Г. Сенькевич ; Науч.-исслед. ин-т теории и истории педагогики АПН СССР. – М., 1969. – 28 с.
20. Зелинский, П. И. Роль печати Коммунистической партии Западной Белоруссии в мобилизации трудящихся масс на борьбу за социальное и национальное освобождение в годы мирового экономического кризиса капитализма (1929–1933 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 570 / П. И. Зелинский ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1969. – 19 с.
21. Ракевич, Н. А. Роль нелегальной коммунистической печати Западной Белоруссии в мобилизации трудящихся масс на борьбу за социальное и национальное освобождение (1921–1929 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 570 / Н. А. Ракевич ; Ин-т истории партии при ЦК КПБ. – Минск, 1969. – 23 с.
22. Говин, С. В. Демократическая печать Западной Белоруссии в борьбе за социальное и национальное освобождение трудящихся (1921–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.580 / С. В. Говин ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1971. – 21 с.
23. Талапина, С. В. В. З. Хоружая – революционер-публицист : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.10 / С. В. Талапина ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1975. – 27 с.
24. Мараш, И. Я. Издание и распространение трудов В. И. Ленина в Польше и Западной Белоруссии в межвоенный период (1918–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. Я. Мараш. – Минск, 1975. – 23 с.
25. Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.) / А. Н. Мацко [и др.] ; под ред. А. Н. Мацко, В. Е. Самутина. – Минск : Беларусь, 1966. – 403 с.
26. Воткович, Г. Б. КПЗБ в борьбе за интернациональное единство трудящихся (1929–1933 гг.) / Г. Б. Воткович. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1975. – 128 с.
27. Кобяк, С. В. Под знаменем пролетарской солидарности: Компартия Западной Белоруссии в борьбе за сплочение трудящихся (1923–1929 гг.) / С. В. Кобяк ; науч. ред. А. Н. Мацко. – Минск : Беларусь, 1979. – 142 с.
28. Зелинский, П. И. Политическая работа КПЗБ в массах, 1923–1938 / П. И. Зелинский. – Минск : Университетское, 1986. – 136 с.
29. Клейн, Б. С. За дело правое: борьба КПЗБ с буржуазным террором (1920–1938 гг.) / Б. С. Клейн. – Минск : Беларусь, 1986. – 175 с.
30. Колесник, В. А. Творчество Максима Танка: (до сентября 1939 года) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. А. Колесник. – Минск, 1958. – 15 с.
31. Калеснік, У. А. Паэзія змагання: Максім Танк і заходнебеларуская літаратура / У. А. Калеснік. – Мінск : Маст. літ., 1959. – 236 с.
32. Калеснік, У. А. Час і песні: літаратурныя нарысы і партрэты / У. А. Калеснік. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, 1962. – 240 с.
33. Лис, А. С. Народно-поэтическое творчество Западной Белоруссии (1919–1939 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Лис ; АН БССР, Ин-т лит. им. Я. Купалы. – Минск, 1965. – 18 с.
34. Ліс, А. Пётра Сергіевіч / А. Ліс. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 88 с.
35. Ліс, А. Вечны вандроўнік: нарыс пра мастака Язэпа Драздовіча / А. Ліс. – Мінск : Юнацтва, 1984. – 251 с.

References

1. Guzhalouski A. A. *Museum of Belarus (1918–1941 gg.)*. Minsk, National Archives of the Republic of Belarus, 2002. 164 p. (in Belarusian).
2. Vabishchevich A. M. *National and cultural life of Western Belarus (1921–1939 gg.)*. Brest, Brest State University, 2008. 319 p. (in Belarusian).
3. Vabishchevich A. History and Culture of Western Belarus and eastern Lithuania (AI Rzeczpospolita northeastern states) in the modern Belarusian and Polish historiography. *Studia Białorusinistyczne = Belarusian Studies*, 2013, no. 7, pp. 73–80 (in Belarusian). <http://dx.doi.org/10.17951/sb.2013.7.73>
4. Zagidulin A. M. Culture Western Belarus in the works of Belarusian historians. *Polacy i białorusini. Nasza wspólna historia. Dwudziestolecie międzywojenne: materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, Grodno, 11–13 czerwca 2010 r.* [Poles and Belarusians. Our shared history. The interwar period: materials from the international scientific conference, Grodno, 11–13 June 2010]. Grodno, 2011, pp. 123–130 (in Belarusian).
5. Zagidulin A. M. Urban Culture Western Belarus (1921–1939) in the national historiography. *Gistoryyagrafiya i krynitsy pa gistoryi garadoŭ i pratsesaŭ urbanizatsyi ŭ Belarusi: zbornik navukovykh artykulau* [Historiography and sources on the history of cities and urbanization processes in Belarus: collection of scientific article]. Grodno, 2009, pp. 373–378 (in Belarusian).

6. Zagidulin A. M. Architecture of Western Belarus (1918–1921 gg.): historiography of the problem. *Belorusskaya politologiya: mnogoobrazie v edinstve. Politicheskoe znanie v sovremennom sotsial'nom i obrazovatel'nom prostranstve: tezisy dokladov V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Grodno, 17–18 maya 2012 g.* [Belarusian political science: diversity in unity. Political knowledge in the modern social and educational space: theses of reports of the V International scientific practical conference, Grodno, May 17–18, 2012]. Grodno, 2012, pt. 1, pp. 185–188 (in Belarusian).
7. Gorbunov T. *Reunion Belarusian people in a single Soviet Socialist State.* Moscow, Gospolitizdat Publ., 1948. 232 p. (in Russian).
8. Krauchanka I. S., Kamenskaya N. V. (eds.). *History of the Belarusian SSR. Vol. 2.* Minsk, Publisher Academy of Sciences of the Byelorussian SSR, 1958. 661 p. (in Belarusian).
9. *National Archive of the Republic of Belarus.* Fund 1440, inventory 1, case 149 (in Russian).
10. Orekhvo N. *On the history of the communist party of Western Belarus. Kommunist Belorussii* [Communist of Belarus], 1957, no. 8, pp. 25–36 (in Russian).
11. Bergman A. *Bronislaw Taraszkievich a lewica belwederska* [Bronislaw Taraszkievich and the Belvedere left]. *Kwartalnik Historyczny* [Historical Quarterly], 1968, no. 1, pp. 41–58 (in Polish).
12. Bergman A. *Rzecz o Bronislawie Taraszkievichu* [It's about Bronislaw Taraszkievich]. Warszawa, Książka i wiedza, 1977. 243 p. (in Polish).
13. Klein B. Pages fiery life. *Polymya* [Flames], 1963, no. 10, pp. 141–153 (in Belarusian).
14. Lis A. *Bronislaw Tarashkevich.* Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1966. 167 p. (in Belarusian).
15. Poluyan V. A., Poluyan I. V. *Revolutionary and national liberation movement in Western Belarus in 1920–1939 gg.* Minsk, Gosizdat Publ., 1962. 222 p. (in Russian).
16. Poluyan V. A. *The revolutionary-democratic movement in Western Belarus (1927–1939 gg.).* Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1978. 359 p. (in Russian).
17. Paluyan U. A. *Belarusian peasant-working community.* Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1967. 222 p. (in Belarusian).
18. Syan'kevich G. R. People asveta in Western Belarus. *Narysy gistoryi narodnai asvety i pedagogichnai dumki u Belarusi* [Essays on the history of public education and educational thought in Belarus]. Minsk, 1968, pp. 341–395 (in Belarusian).
19. Sen'kevich G. G. *Status people's court in the Western Belarus (1920–1939 gg.).* Abstract of Ph.D. diss. Moscow, 1969. 28 p. (in Russian).
20. Zelinskii P. I. *Print the role of the Communist Party of Western Belarus in the mobilization of the working masses in the struggle for social and national liberation during the world economic crisis of capitalism (1929–1933 gg.).* Abstract of Ph.D. diss. Minsk, 1969. 19 p. (in Russian).
21. Rakevich N. A. *The role of the illegal Communist press of Western Belarus in the mobilization of the working masses in the struggle for social and national liberation (1921–1929 gg.).* Abstract of Ph.D. diss. Minsk, 1969. 23 p. (in Russian).
22. Govin S. V. *Democratic press of Western Belarus in the struggle for social and national liberation of workers (1921–1939 gg.).* Abstract of Ph.D. diss. Minsk, 1972. 21 p. (in Russian).
23. Talapina S. V. *Vera Khoruzhaya – revolutionary publicist.* Abstract of Ph.D. diss. Minsk, 1975. 27 p. (in Russian).
24. Marash I. Ya. *Publication and dissemination of works of VI Lenin in Poland and Western Belarus in the interwar period (1918–1939 gg.).* Abstract of Ph.D. diss. Minsk, 1975. 23 p. (in Russian).
25. Matsko A. N., Orekhvo N. S., Pritytskaya T. I., Khovratovich I. P., Tsaryuk A. V. *A revolutionary way of the Communist Party of Western Belarus (1921–1939).* Minsk, Belarus' Publ., 1966. 403 p. (in Russian).
26. Votkovich G. B. *KPZB in the struggle for the international unity of workers.* Minsk, Publishing house of the Belarusian State University, 1975. 128 p. (in Russian).
27. Kobyak S. V. *Under the banner of proletarian solidarity: the Communist Party of Western Belarus in the struggle to unite the workers (1923–1929).* Minsk, Belarus' Publ., 1979. 142 p. (in Russian).
28. Zelinskii P. I. *Political work of the Communist Party of Western Belarus in the masses, 1923–1938.* Minsk, Universitetskoe Publ., 1986. 136 p. (in Russian).
29. Klein B. S. *For the cause of justice: the struggle of the KPZB with bourgeois terror.* Minsk, Belarus' Publ., 1986. 175 p. (in Russian).
30. Kolesnik V. A. *Works of Maxim Tank: (until September 1939).* Abstract of Ph.D. diss. Minsk, 1958. 15 p. (in Russian).
31. Kalesnik U. A. *Poetry struggle: Maxim Tank and Western Literature.* Minsk, Mastatskaya literatura Publ., 1959. 236 p. (in Belarusian).
32. Kalesnik U. A. *Time and songs. Literary essays and portraits.* Minsk, State Publishing House of the BSSR, 1962. 240 p. (in Belarusian).
33. Lis A. S. *People's Poetry Western Belarus (1919–1939).* Abstract of Ph.D. diss. Minsk, 1965. 18 p. (in Russian).
34. Lis A. *Peter Sergievich.* Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1970. 88 p. (in Belarusian).
35. Lis A. *Eternal Wanderer: essay about the artist Joseph Drozdovich.* Minsk, Yunatstva Publ., 1984. 251 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Савич Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент. Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина (бульвар Космонавтов, 21, 224016, Брест, Республика Беларусь). E-mail: savich@brsu.brest.by

Information about the author

Aliaksandr A. Savich – Ph. D. (Hist.), Associate Professor. Brest State University named after A. S. Pushkin (21 Kosmonavtov Boulevard, 224016 Brest, Belarus). E-mail: savich@brsu.brest.by

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК [355.402(430)(091)+94(476)]«1941/1944»:930.2

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-52-60>

Поступила в редакцию 12.11.2019

Received 12.11.2019

В. Н. Надтачаев

Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, Минск, Беларусь

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АБВЕРНЕБЕНШТЕЛЛЕ «МИНСК» НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ: ИСТОРИОГРАФИЯ

Аннотация. За послевоенные годы отечественными историками подготовлено значительное количество работ, посвященных подпольной борьбе на временно оккупированной территории Беларуси. Наряду с освещением героической деятельности в них отмечаются значительные потери среди патриотов, обусловленные в том числе эффективной работой гитлеровских спецслужб. Однако по ряду причин многие вопросы, касающиеся их организации, структуры, кадрового состава, форм и методов работы, до настоящего времени не получили должного научного освещения и требуют дополнительного изучения.

Целью статьи является проведение историографического анализа публикаций об абвернебенштелле (АНСТ) «Минск», отвечавшего за организацию борьбы с советской разведкой, партизанами и подпольем на территории генерального округа «Вайсрутения».

В 1941–1943 гг. АНСТ «Минск» удалось добиться определенных успехов. На его счету, в частности, выявление подпольной группы в лагерном лазарете и участие в подавлении восстания военнопленных в Шталаге-352, участие в двойном разгроме Минского антифашистского подполья, проведение радиопрограммы с советской стороны и другие операции.

Проведенный историографический анализ публикаций о нем выявил разночтения в вопросах о времени его создания, статусе и местах расположения подчиненных подразделений.

На основе выявленных фактических и логических ошибок, дискуссионных и недостаточно разработанных вопросов сделан вывод о том, что история абвернебенштелле «Минск» не стала предметом отдельного научного исследования.

Ключевые слова: абвер, армия, госбезопасность, абверкоманда, комендатура, контрразведка, округ, подразделение, разведка

Для цитирования: Надтачаев, В. Н. Деятельность абвернебенштелле «Минск» на оккупированной территории Беларуси: историография / В. Н. Надтачаев // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 1. – С. 52–60. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-52-60>

Valery N. Nadtachayeu

Belarusian State Museum of the Great Patriotic War History, Minsk, Belarus

ABVERNEBENSTELLE «MINSK» IN THE NAZI-OCCUPIED TERRITORY OF BELARUS: A REVIEW OF HISTORIOGRAPHY

Abstract. Most scientific works on the subject of the occupied territories are devoted to the heroic struggle of partisans and underground fighters, and punitive practices of the Nazis to destroy the civilian population. The problem of Hitler's security services, whose activity led to large losses on the part of the underground movement, remained out of sight of researchers.

One of the white spots remains the problem of Abwehrnebenstelle (ANST) "Minsk" – the head unit of military counterintelligence (Abwehr) in the General District of White Ruthenia. During the occupation, employees of the Minsk branch of Abwehr participated in operations against the Minsk city party Committee; they also identified underground groups in Stalag-352 and others.

In the postwar years, for ideological reasons, the work of Hitler's security services was not discussed in the open press. References to them served as a background for showing the heroic struggle of the underground and partisans. The situation has changed since the early 1990s.

The article presents a historiographical analysis of publications on this problem for the period from the year 1952 to the present. As a result, a number of errors were identified, discussion and other issues were highlighted, which allow to conclude that the activities of ANST "Minsk" did not become the subject of a separate scientific study. Hence, the issues to further investigation are outlined.

Keywords: abwehr, army, state security, abwehr command, commandant's office, counterspionage, district, subdivision (unit), intelligence

For citation: Nadtachayeu V. N. Abvernebenstelle "Minsk" in the nazi-occupied territory of Belarus: a review of historiography. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 1, pp. 52–60 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-52-60>

Введение. За годы, прошедшие после окончания Великой Отечественной войны, отечественными историками подготовлено значительное количество работ, посвященных подпольной борьбе на временно оккупированной территории Беларуси. В них, наряду с освещением героической деятельности подпольщиков, отмечаются значительные потери, которые понесло подполье, сражаясь с врагом. Такое положение было обусловлено эффективной работой гитлеровских спецслужб, действовавших на оккупированной территории Беларуси [1, с. 89].

Однако по ряду причин многие вопросы, касающиеся их организации, структуры, кадрового состава, форм и методов работы, до настоящего времени не получили должного научного освещения и требуют дополнительного изучения. В первую очередь это относится к военной разведке и контрразведке вермахта – абверу и тайной полевой полиции.

Актуальность исследования данного вопроса заключается в том, что опыт нацистских спецслужб после войны был тщательным образом изучен бывшими союзниками СССР по антигитлеровской коалиции и взят на вооружение.

По данным КГБ БССР, бывшие начальники abverstelle «Kenigsberg» (абверштелле (АСТ) «Кенигсберг») подполковник Нотцни (Ноцни, Нот), начальник abvernebenstelle «Minsk» (абвернебенштелле (АНСТ) «Минск») Крибитц (Крибиц) и его подчиненный Ленц работали в «Организации Гелена», а затем в федеральной разведывательной службе (БНД) ФРГ [2, л. 143–144; 3, л. 209].

В данной статье мы ставим цель осуществить историографический анализ имеющихся публикаций об АНСТ «Минск» (минского филиала АСТ «Остланд»), который по линии военной разведки и контрразведки (абвера) вермахта отвечал за организацию борьбы с советской разведкой, партизанами и подпольем на территории General Bezirk Weißruthenien (генерального округа (ГО) «Вайсрутения»).

В 1941–1943 гг. АНСТ «Минск» удалось добиться определенных успехов: на его счету, в частности, выявление подпольной группы в лагерном лазарете и участие в подавлении восстания военнопленных в Шталаге-352, участие в двойном разгроме Минского городского подпольного комитета, проведение радиогры с советской стороной и другие операции.

Следует отметить, что о минском филиале АСТ «Остланд» упоминалось в публикациях В. Н. Надтачаева, Н. И. Смирнова, Э. Г. Иоффе, А. К. Соловьева и других авторов [4–9].

Основная часть. В ходе Великой Отечественной войны советская разведка и контрразведка по крупицам накапливали знания о противостоящих им спецслужбах противника, формах и методах их работы, штатном и агентурном составе. Результатом работы явилась публикация в 1952 г. секретного издания «Сборник справочных материалов об органах германской разведки, действовавших против СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (далее – «Сборник») [10]. В нем содержались данные о структуре и деятельности центральных аппаратов абвера и главного управления имперской безопасности (РСХА), подчиненных им органах, школах и формированиях, действовавших на германо-советском фронте, местах их дислокации, а также сведения о штатном составе.

Анализ «Сборника» показывает, что по состоянию на 1952 г. советские органы госбезопасности не владели полной информацией по всем перечисленным в издании органам и формированиям спецслужб противника. Например, интересующий нас АНСТ «Минск» описан всего тремя предложениями: «Абвернебенштелле “Минск” действовал в Минске с весны 1942 г. до июня 1944 г. под прикрытием службы связи “Фербиндунгсштелле ОКВ”. До середины 1942 г. начальником АНСТ “Minsk” был подполковник Крибиц, позднее, до середины 1943 г., – майор Креснер, после – подполковник Ойлер, ранее руководивший АНСТ “Ковно”. В своем подчинении АНСТ “Минск” имел ауссенштелле при главных военных комендатурах в Глубоком, Молодечно и Вильнюсе» [10, с. 351]. Как видим, за исключением начальников, другие должностные лица и сотрудники не указаны.

Для сравнения: АСТ «Остланд» отведено более 6 страниц, причем на четырех перечислен официальный состав [10, с. 339–345], АНСТ «Ревал» (Таллин) – более 5 страниц (почти три – официальный состав) [10, с. 345–350]. Информация об АНСТ «Ковно» (Каунас) заняла менее страницы [10, с. 350–351].

Почему об АНСТ «Минск» так мало информации? По нашему мнению, причина в том, что минский филиал был своевременно эвакуирован в г. Познань (Польша) [3, л. 208]. И, судя по всему, из Познани документация и картотека были переправлены на территорию Западной Германии, которая в 1945 г. оказалась в зонах оккупации союзников.

В Познань также эвакуировались оперативный состав и агентура АСТ «Остланд». Однако благодаря решительным действиям оперативной группы Управления контрразведки «Смерш» 2-го Прибалтийского фронта в ходе боев за Ригу часть документации и картотеку АСТ «Остланд» удалось захватить [11, с. 38]. Исходя из формальной логики, достоянием советских чекистов должны были стать и документация с картотекой АНСТ «Ревал». Видимо, по этим причинам они более полно представлены в «Сборнике».

Что интересно, составители «Сборника», как нам представляется, не могли не знать, что Вильнюс в годы оккупации входил в состав ГО «Литва». И, следовательно, расположенное в этом городе подразделение абвера (aussenstelle, ауссенштелле, АУСТ) должно было по логике подчиняться АНСТ «Ковно», а не АНСТ «Минск». Однако в числе подчиненных АНСТ «Ковно» формирований ауссенштелле в Вильнюсе не упоминается. При этом в списке должностных лиц и сотрудников каунасского филиала указан начальник «Ауссенштелле Вильнюс» капитан Клайншмидт [10, с. 350–351].

О наличии в Вильно (Вильнюсе) «наружной разведочки» свидетельствовал немецкий военнопленный – сотрудник абвера капитан Лингк. По его словам, в Вильно начальником подразделения был капитан Вингрэн [12, л. 207-об.].

Из отчетов АСТ «Остланд» за второй и третий кварталы 1942 г. установлено, что весной 1942 г. в Вильнюсе было создано представительство во главе с одним из офицеров абвера (абверофицер, АО-3), которое в сентябре преобразовали в ауссенштелле и подчинили филиалу в Каунасе. В свою очередь каунасский филиал был реорганизован в абвернебенштелле. А минский филиал по-прежнему упоминается как ауссенштелле [13, л. 31, 38, 58].

Для представления об иерархии подразделений абвера в зоне гражданского управления дадим определения (толкования) интересующих нас субъектов контрразведывательной деятельности.

Абвернебенштелле – местные отделения контрразведки, которые дислоцировались обычно в крупных городах, имевших важное стратегическое и промышленное значение. Задачи абвернебенштелле соответствовали задачам абверштелле, в подчинении которых они находились. Структура их была одинаковой.

Ауссенштелле – филиалы местных органов «Абвера» – создавались в предвоенный период в небольших городах, расположенных недалеко от границы и удобных для заброски агентуры. Основная их задача – разведка пограничной полосы сопредельных стран и борьба с агентурой противника.

Абверофицеры – представители АСТ и АНСТ в крупных гарнизонах, укрепленных районах и отдельных промышленных центрах. Они занимались контрразведывательной работой среди населения, в воинских частях, тыловых учреждениях и промышленных предприятиях данного района [11, с. 24–25].

Лингк также показал, что минскому филиалу подчинялись представительства АО-3 в Барановичах, Глубоком и Молодечно. По его словам, они были созданы по приказу руководителя АСТ «Остланд» в январе 1943 г. как «ответ на рост партизанского движения». А уже в феврале 1943 г. начальник АНСТ «Минск» поручил капитану Лингку, который в указанное время руководил представительством АО-3 в Барановичах, сформировать в Ивацевичах вспомогательный разведпункт (мельдекопф). О каких-либо других подразделениях, подчиненных АНСТ «Минск», Лингк не упоминал [12, л. 221–221-об.]. Отметим, что капитан Лингк – важный свидетель: в 1942–1943 гг. он служил в аппаратах АСТ «Остланд» и АНСТ «Минск», а также хорошо знал структуру и личный состав этих формирований. По нашему мнению, что-либо скрывать по данному вопросу для него не имело смысла.

Представляется спорным и тезис о том, что ауссенштелле были при главных военных комендатурах. В экспозиции Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной

войны (зал № 6) находится шильда «KOMMANDANT des Sicherungsgebietes Weißruthenien¹ (Oberfeldkommandantur 392)». Эта табличка была снята с фасада здания в Минске, где в годы оккупации размещалась главная военная комендатура № 392 генерального округа «Вайсрутения». Других главных комендатур в ГО «Вайсрутения» не было. По данным О. В. Романько, в Глубоком и Молодечно дислоцировались местные комендатуры (Ortskommandantur; ОК) – № 339 и 812 соответственно, а в Барановичах – полевая комендатура (Feldkommandantur, FK) № 400 [14, с. 72].

Таким образом, правомерно говорить о том, что составителями «Сборника» были допущены ошибки, которые можно сформулировать следующим образом:

- 1) АНСТ «Минск» не имел статуса «абвернебенштелле» весной 1942 г.;
- 2) ауссенштелле «Вильнюс» не находился в подчинении АНСТ «Минск»;
- 3) подразделения абвера в Глубоком и Молодечно дислоцировались при военных (полевых и местных), а не при главных военных комендатурах.

Вышеизложенное позволяет предположить, что на территории рейхскомиссариата «Остланд» и генерального округа «Вайсрутения» по состоянию на февраль 1943 г. имела место следующая иерархия: АСТ «Остланд» – АНСТ «Минск» – АО-3 (Барановичи, Глубокое, Молодечно); АО-3 «Барановичи» – мельдекопф (Ивацевичи).

С учетом информации, полученной в ходе допросов капитана Лингга и из отчетов АСТ «Остланд» за 1942 г., можно утверждать, что до 1943 г. минский филиал имел статус ауссенштелле и что в его подчинении до указанного времени не было никаких подразделений.

В советский период (1945–1991) в Беларуси комплексное исследование деятельности спецслужб Германии, включая АНСТ «Минск», действовавших на оккупированной территории республики, не проводилось. Однако определенная информация по интересующей нас проблеме сохранилась в изданиях, увидевших свет в советский период. В первое послевоенное десятилетие самой значительной работой стало двухтомное издание под авторством Л. Ф. Цанавы «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков» [16].

В первом томе издания в числе органов и учреждений оккупационной власти указан «чудовищно большой аппарат гестапо, СД и полевой полиции» [16, с. 53]. Упоминается и немецкая разведка, правда, безотносительно ее ведомственной принадлежности: «Немецкая разведка руками провокаторов раскрыла в Минске одну из тысяч патриотических организаций и представила ее «центром партизанского движения в Белоруссии. ...В результате гестаповцами было арестовано 404 человека мирных жителей и расстреляно 212 человек» [16, с. 79].

Роль и место гестапо, абвера, военных комендатур, тайной полевой полиции и полевой жандармерии в борьбе с партизанами и подпольем, организации репрессий против мирного населения в общих чертах показал в своей книге «Неуловимые действуют» Герой Советского Союза генерал-майор М. С. Прудников. В годы войны – командир спецгруппы НКВД – НКГБ СССР «Неуловимые», а затем командир одноименной партизанской бригады [17, с. 15–23].

Среди значимых книг по данной проблематике, изданных в советский период, необходимо выделить монографию В. К. Киселёва «Партизанская разведка. Сентябрь 1943 – июль 1944». Автор впервые в числе перечисленных специальных служб и карательных формирований нацистской Германии на оккупированной территории республики называет «специальную оперативную группу “Минск”, подчиненную абверкоманде (АК) “Остланд”» [18, с. 34–36]. Логично предположить, что речь идет об АНСТ «Минск».

Отметим, что разведывательные, диверсионные и контрразведывательные группы и команды абвера действовали в зонах военного управления. Несмотря на разделение труда, нашедшее отражение в цифровых индексах (1 – разведка, 1xx – нумерация разведывательных абверкоманд и абвергрупп, 2 – диверсии, 2xx – по аналогии, 3 – контрразведка, 3xx – контрразведывательные команды и группы), на практике многие разведгруппы занимались контрразведкой. Так, АГ-107 вела разведывательную работу против войск Брянского и Западного фронтов и контрразведку на территории Орловской, Брянской областей и Беларуси [10, с. 91; 11, с. 77].

¹ Комендант охраняемых областей Белоруссии. – В. Н.

Для обозначения формирований, дислоцирующихся на территориях, подконтрольных гражданской оккупационной администрации, использовались следующие названия – абверштелле, абвернебенштелле, ауссенштелле и представительства абверофицеров (АО-3).

Существенные изменения общественно-политического характера начала 1990-х гг. послужили стимулом к изучению ранее запретных тем военной истории, среди которых также выделяется проблема АНСТ «Минск».

В 1994 г. вышла книга А. К. Соловьёва «Они действовали под разными псевдонимами», в которой автор в контексте военно-политической обстановки на оккупированной территории Беларуси дал краткий обзор спецслужб Германии: «Для личного состава спецгрупп и отрядов органов госбезопасности Беларуси, действовавших в тылу фашистских армий «Центр», наибольшую опасность представляли спецслужбы Германии и, в первую очередь, абвер (военная разведка и контрразведка), подразделения полиции безопасности и СД, жандармерия. Все они, используя карательные команды, активно участвовали в поиске групп и отрядов советской разведки, вели активную борьбу с партизанами...

Контрразведывательную работу, направленную на выявление групп советской разведки, а также для борьбы с партизанами в Беларуси и карательной деятельности против мирного населения, осуществлял специально созданный орган абвера – «Абвернебенштелле–Минск», подчинявшийся непосредственно «Абверштелле Остланд», образованный в июле 1941 г. Кроме того, «Абверштелле Остланд» направлял деятельность подвижных оперативных групп абвера, которые постоянно действовали в районах Минска и Барановичей. «Абвернебенштелле–Минск» в свою очередь руководил работой своих подразделений – ауссенштелле, которые дислоцировались при военных комендатурах в Молодечно, Глубоком, Лиде, Барановичах и Смолевичах» [9, с. 35].

Таким образом, А. К. Соловьёв не упоминает ауссенштелле в Вильнюсе и мельдекопф в Ивацевичах. Но он дополняет информацию Лингга, называя подразделения в Лиде и Смолевичах. Автор считает, что АНСТ «Минск» был образован в июле 1941 г., но никак не аргументирует свою точку зрения. Время образования подчиненных минскому филиалу подразделений автор не указывает. Общим недостатком работы А. К. Соловьёва является отсутствие списка использованных источников.

В своей новой книге «Хроники тайной войны», вышедшей в 2011 г., А. К. Соловьёв без каких-либо изменений повторил информацию о подчиненных АНСТ «Минск» ауссенштелле и местах их дислокации [19, с. 59].

Вопрос о времени образования минского филиала сохраняет свою актуальность. В «Сборнике» указано, что АСТ «Остланд» был образован в июле 1941 г. [10, с. 339]. Если принять точку зрения А. К. Соловьёва, то в это же время был сформирован и минский филиал. Так ли это? На наш взгляд, можно лишь утверждать, что филиал в Минске был создан не позднее сентября 1941 г. Он упомянут в отчете АСТ «Остланд» за июль – сентябрь 1941 г. Как следует из документа, в указанный период им была проведена успешная акция, в результате которой было установлено руководство одного из партизанских отрядов, арестованы адъютант командира и 11 человек. По итогам операции около 80 коммунистов и евреев были расстреляны [15, л. 279-об.].

В пользу данного тезиса свидетельствуют материалы допроса капитана Лингга, который не только сообщил о наличии в 1941 г. в Минске «наружной разведочки», подчиненной разведоргану «Остланд», но и уточнил, что с осени 1941 по апрель 1942 г. этим подразделением руководил майор Крибиц, который его и организовал [12, л. 208-об.].

В 1995 г. была издана монография К. И. Доморада «Разведка и контрразведка в партизанском движении Белоруссии. 1941–1944 гг.». Автор, ссылаясь на вышеназванную книгу В. К. Киселева, упоминает «отдельную абвергруппу «Минск», подчиненную абверкоманде «Остланд» [20, с. 191].

В книге Е. И. Барановского «Минские антифашистские подполье» (1995) в числе органов власти и управления, военных и полицейских частей, дислоцированных в Минске, упомянут некий отдел абвера под руководством полиции безопасности СД [21, с. 10]. В связи с этим заметим, что реорганизация абвера и его почти полное «поглощение» IV (гестапо) и VI (внешняя разведка) управлениями РСХА начались в июле 1944 г., когда Минск был освобожден [11, с. 21]. До этого

момента органы и подразделения абвера не подчинялись РСХА. Поэтому неясно, что имел в виду Е. И. Барановский.

В 2003 г. вышли две книги С. Г. Чуева «Спецслужбы Третьего Рейха». Сравнительный анализ показал, что в своей основе они содержат материалы из вышеупомянутого «Сборника». В части, касающейся АНСТ «Минск», сходство очевидно: «Абвернебенштелле «Минск» действовал в белорусской столице с весны 1942 до июня 1944 года под вывеской службы связи «Фербидунгштелле ОКВ». До середины 1942 г. начальником АНСТ «Минск» был подполковник Кребитц, позднее, до середины 1943 г., – майор Кесснер, затем подполковник Ойлер, ранее возглавлявший АНСТ «Ковно». Орган имел в своем подчинении ауссенштелле при главных военных комендатурах в Глубоком, Молодечно и Вильнюсе» [11, с. 44].

А. К. Соловьев и С. Г. Чуев называют АНСТ «Минск» органом, что, на наш взгляд, не верно. АНСТ «Минск» являлся филиалом органа – АСТ «Остланд». Отличие заключалось в правах. АСТ «Остланд» имел право производить аресты и вести следствие [10, с. 339; 14, с. 38].

АНСТ «Минск» таких полномочий не имел, аресты и следствие проводились силами полиции безопасности и СД. За нарушение этого правила, т. е. за превышение властных полномочий, виновные несли ответственность. Например, в отчете АСТ «Остланд» за третий квартал 1942 г. отмечается, что «разведработа Ауссенштелле Минск пострадала потому, что в июле этого года один из главных агентов ауссенштелле и два его сотрудника были арестованы по распоряжению немецкой прокуратуры г. Минска. Им было поставлено в вину, что они якобы избили на допросе белорусов в количестве 3 человек, подозреваемых в покровительстве партизанам... Все попытки освободить их были безуспешны» [13, л. 58-об.].

На одном из допросов Лингк сообщил, что в Минске была арестована дочь одного профессора, который сотрудничал с немецкими властями и пользовался их доверием. По его словам, когда «в СД узнали, что капитан Таллер в Минске учинил допрос дочери профессора, то он был уволен из разведоргана» [12, л. 219–219-об.]. Общим недостатком публикации С. Г. Чуева является отсутствие списка использованных источников.

Краткая информация об АНСТ «Минск» содержится в книге Э. Г. Иоффе «Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг.» (2007). Автор пишет, что абвернебенштелле «Минск» действовал в центре генерального комиссариата «Белоруссия» с весны 1942 до июня 1944 г., имел в своем подчинении ауссенштелле при главных военных комендатурах в Глубоком, Молодечно и Вильнюсе. Информация почерпнута из вышеупомянутой книги С. Г. Чуева. В другом случае Э. Г. Иоффе, ссылаясь на В. К. Киселёва, называет АНСТ «Минск» отдельной абвергруппой «Минск», подчиненной абверкоманде «Остланд» [8, с. 193–194].

В 2011 г. В. К. Киселев опубликовал монографию «Особый фронт партизан Белоруссии: июнь 1941 – июль 1944». В ракурсе рассматриваемой нами проблемы особый интерес представляет сообщение о некоей «Службе Абвера», которая наряду со специальной оперативной группой «Минск» и «Абверкомандой-303» действовала в Минске [22, с. 27]. Какое подразделение скрывается под вывеской «Служба Абвера» автор, к сожалению, не пояснил.

Анализ библиографического списка показывает, что в указанной книге В. К. Киселев не использовал публикации, основанные на архивных материалах органов госбезопасности, а также другие работы по истории гитлеровских спецслужб, находящиеся в открытом доступе. И если в 1980 г. этому было объяснение, то спустя 30 лет подобный подход вызывает вопросы.

В 2011 г. «Сборник справочных материалов об органах германской разведки, действовавших против СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» стал достоянием гласности. На его основе в Симферополе был издан сборник документов «Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны», состоящий из трех частей. Первые две части книги – это обработанные рассекреченные материалы вышеупомянутого «Сборника»: «Германская военная разведывательная и контрразведывательная служба “Абвер”» и «Главное управление имперской безопасности Германии – РСХА и подчиненные ему органы». В издании собран, проанализирован и опубликован документальный архивный материал в отношении представителей органов немецкой разведки, действовавших на советско-германском фронте

с 1941 по 1945 г., хранящийся в архиве Главного управления Службы безопасности Украины в Автономной Республике Крым [23]. Информация об АНСТ «Минск» соответствует тексту оригинала («Сборника»).

Свое видение проблемы предлагает О. В. Романько в монографии «Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945» (2013) [14]. Согласно авторской интерпретации, на территории генерального округа «Беларусь» с марта 1942 по июнь 1944 г. действовала специальная резидентура, которая по документам немецкой разведки значилась как абвернебенштелле «Минск». Главной задачей резидентуры являлась организация борьбы с разведкой Красной Армии, парашютистами, радистами и подпольщиками в городах и других населенных пунктах. Для этого она имела три специальных представительства (ауссенштелле) при местных комендатурах в Глубоком, Молодечно и Вильнюсе [14, с. 82]. Информация о местах дислокации ауссенштелле и периоде деятельности АНСТ заимствована у С. Г. Чуева.

На сайте «Архивы Беларуси» упоминается военная разведка нацистской Германии: «На оккупированной территории Беларуси военная разведка и контрразведка германского вермахта (абвер) известна в виде абвергрупп. Они дислоцировались в наиболее крупных городах. Как правило, все абвергруппы имели определенные номера, строго зашифровывались и выступали под видом торговых и промышленных фирм, маскируясь нумерацией войсковых частей. Главной функцией абвергрупп являлась организация борьбы с разведчиками Красной Армии, парашютистами, радистами, подпольщиками в городах и других населенных пунктах» [24]. Какое-либо упоминание о территориальных подразделениях абвера отсутствует, несмотря на то, что в 1941–1943 гг. в зоне их ответственности находилась почти половина оккупированной территории Беларуси.

Н. И. Смирнов в книге «Беларусь. “Второй фронт”: Спецформирования органов НКВД (НКГБ) и “СМЕРШ” в тылу врага. Имена, факты, судьбы (1941–1944 гг.)», изданной в 2017 г., отмечает, что абвернебенштелле «Минск» имел периферийные службы «Абвер-офицеры» (АО) в Барановичах, Молодечно, Глубоком, Лиде, Слониме, Слуцке и Могилеве [6, с. 239].

Судя по библиографии, автор знаком с работами А. К. Соловьева и С. Г. Чуева, однако он никак не объясняет, на каком основании увеличил количество подчиненных АНСТ «Минск» подразделений, указав новые места дислокации АО-3 в Слониме, Слуцке и Могилеве, а также причину, по которой он исключил из этого списка Вильнюс и Смолевичи [9, с. 469].

Наличие в Могилеве подразделения, подчиненного АНСТ «Минск», представляется маловероятным. Этот город находился в зоне военного управления, а не в ГО «Вайсрутения».

Завершим обзор литературы научно-популярным изданием «На службе Отечеству», подготовленным в том числе на основе архивных и других материалов КГБ Беларуси. В числе «центров и подразделений абвера на территории БССР» упомянуты абвернебенштелле «Минск» (с весны 1942 г. база в столице республики под видом службы связи «Фербидунгсштелле ОКБ») и подчиненные ему «посты при комендатурах в Молодечно, Вильнюсе, Глубоком, где проводилась расстановка резидентов» [33, с. 202]. Можно предположить, исходя из библиографии, что места дислокации постов заимствованы у С. Г. Чуева. При этом публикации А. К. Соловьева оставлены без внимания [25, с. 423]. Очевидно, что вместо ОКБ следует писать ОКВ (объединенное командование вермахта).

Заключение. Анализ вышеприведенных источников показывает, что в литературе, включая документальные источники, содержатся отрывочные, в ряде случаев противоречивые сведения об абвернебенштелле «Минск».

Проведенный историографический анализ показывает, что история абвернебенштелле «Минск» не стала предметом отдельного научного исследования. Упоминание о нацистских спецслужбах, составной частью которых являлось вышеназванное подразделение, носило общий характер: в числе других органов оккупационной власти; в эпизодах, связанных с разоблачением агентов немецкой разведки и контрразведки; в связи с разгромом подпольных организаций и групп, захватом советских разведчиков и партизан.

Характерной чертой большинства работ является некритическое отношение к использованным источникам. Как результат, допущенные составителями «Сборника справочных материалов об органах германской разведки, действовавших против СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» неточности и ошибки тиражируются по настоящее время различными авторами.

В книгах А. К. Соловьева, Н. И. Смирнова и С. Г. Чуева отсутствуют списки использованных источников.

Имеет место свободное толкование терминов, что в отдельных случаях приводит к искажению смысла и ошибкам.

Таким образом, вопросы исследования структуры и деятельности АНСТ «Минск», а также составления глоссария сохраняют свою актуальность. На повестке дня для исследователей остаются следующие вопросы.

1. Когда был образован ауссенштелле «Минск» и когда его статус был повышен до абвербенштелле?
2. Когда были образованы подчиненные минскому филиалу подразделения, каковы их статус и места дислокации?
3. Каковы структура аппарата АНСТ «Минск», задачи, формы и методы работы?
4. Каков официальный состав АНСТ «Минск», каковы резидентуры и агентура?
5. Каковы операции, проведенные АНСТ «Минск», против советской разведки, партизан и подполья?

Список использованных источников

1. Литвин, А. М. «Кто может, передайте родным...»: Тайны тюремных камер оккупированного Гомеля (1941–1943) / А. М. Литвин. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 223 с.
2. Центральный архив КГБ Республики Беларусь (ЦА КГБ РБ). – Д. 9941. Т. 3.
3. ЦА КГБ РБ. – Д. 9941. Т. 15.
4. Надтачаев, В. Н. Метаморфозы Минского антифашистского подполья / В. Н. Надтачаев // Беларус. думка. – 2013. – № 9. – С. 91–96.
5. Надтачаев, В. Н. Агентура попадает в сети. Оккупация: драма разведгрупп в Минске / В. Н. Надтачаев // Спецназ. – 2011. – № 8. – С. 38–41.
6. Смирнов, Н. И. Беларусь. «Второй фронт». Спецформирования органов НКВД (НКГБ) и «СМЕРШ» в тылу врага. Имена, факты, судьбы (1941–1944 гг.)... / Н. И. Смирнов. – Минск : Белпринт, 2017. – 568 с.
7. Смирнов, Н. И. Секретный узел: тайная война в Беларуси (1939–1944) / Н. И. Смирнов. – Минск : Літ. і Мастацтва, 2010. – 245 с.
8. Иоффе, Э. Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика: 1939–1945 / Э. Г. Иоффе. – Минск : Харвест, 2007. – 383 с.
9. Соловьев, А. К. Они действовали под разными псевдонимами / А. К. Соловьев. – Минск : Наука и техника, 1994. – 200 с.
10. Сборник справочных материалов об органах германской разведки, действовавших против СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. – М. : МГБ СССР, 1952. – 644 с.
11. Чуев, С. Г. Спецслужбы Третьего рейха : в 2 кн. / С. Г. Чуев. – СПб. : Нева, 2003. – Кн. 1. – 381 с.
12. ЦА КГБ РБ. – Д. 9941. Т. 4.
13. ЦА КГБ РБ. – Д. 9941. Т. 11.
14. Романько, О. В. Белорусские коллаборационисты: сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии, 1941–1945 / О. В. Романько. – М. : Центрполиграф, 2013. – 478 с. – (На линии фронта. Правда о войне).
15. ЦА КГБ РБ. – Д. 9941. Т. 10.
16. Цанав, Л. Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков : в 2 ч. / Л. Цанав. – Минск : Гос. изд-во БССР, Ред. полит. лит., 1951. – Ч. 1 : Зарождение и развитие партизанского движения. – 414 с.
17. Прудников, М. С. Неуловимые действуют / М. С. Прудников. – М. : Воениздат, 1965. – 176 с.
18. Киселев, В. К. Партизанская разведка, сентябрь 1943 – июль 1944 / В. К. Киселев. – Минск : Изд-во БГУ, 1980. – 128 с.
19. Соловьев, А. К. Хроники тайной войны : ист. материалы / А. К. Соловьев. – Минск : Ин-т нац. безопасности, 2011. – 244 с.
20. Доморад, К. И. Разведка и контрразведка в партизанском движении Белоруссии 1941–1944 гг. / К. И. Доморад ; под ред. И. М. Игнатенко. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 256 с.
21. Мінскае антыфашысцкае падполле / аўт.-уклад. Я. І. Бараноўскі [і інш.] ; Кам. па арх. і справаходству Рэсп. Беларусь, Нац. арх. Рэсп. Беларусь. – Мінск : Беларусь, 1995. – 256 с.
22. Киселев, В. К. Особый фронт партизан Белоруссии: июнь 1941 – июль 1944 / В. К. Киселев. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 292 с.

23. Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны [Электронный ресурс] // Исторические материалы. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/28428>. – Дата доступа: 01.11.2018.

24. Органы управления, учреждения и формирования, осуществлявшие оккупационный режим на территории Беларуси [Электронный ресурс] // Архивы Беларуси. – Режим доступа: <https://archives.gov.by/index.php?id=616907>. – Дата доступа: 15.02.2019.

25. На службе Отечеству: Комитет государственной безопасности Республики Беларусь / авт. концепции и текста А. М. Суворов ; под общ. ред. В. П. Вакульчика. – Брест : Полиграфика, 2017. – 424 с.

References

1. Litvin A. M. *If you can, than tell my relatives ...”: Secrets of the prison cells of occupied Gomel (1941–1943)*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2019. 223 p. (in Russian).
2. *The Central Archive of the KGB of the Republic of Belarus*. Case 9941, vol. 3 (in Russian).
3. *The Central Archive of the KGB of the Republic of Belarus*. Case 9941, vol. 15 (in Russian).
4. Nadtachaev V. N. Metamorphoses of the Minsk underground. *Belaruskaya dumka* [Belarusian thought], 2013, no. 9, pp. 91–96 (in Russian).
5. Nadtachaev V. N. Agents gets in trap. Occupation: reconnaissance drama in Minsk. *Spetsnaz* [Special Forces], 2011, no. 8, pp. 38–41 (in Russian).
6. Smirnov N. I. “*Second front*”. *Special forces of the NKVD (NKGB) and SMERSH in the rear of the enemy. Names, facts and fates (1941–1944)*. Minsk, Belprint Publ., 2017. 568 p. (in Russian).
7. Smirnov N. I. *Secret Node: The Secret War in Belarus (1939–1944)*. Minsk, Litaratura i Mastatstva Publ., 2010. 245 p. (in Russian).
8. Ioffe E. G. *Abwehr, security police and SD, secret field police, department “Foreign armies – East” in the western regions of the USSR. Strategy and tactics. 1939 – 1945*. Minsk, Kharvest Publ., 2007. 383 p. (in Russian).
9. Solov’ev A. K. *They acted under different pseudonyms*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1994. 200 p. (in Russian).
10. *A collection of reference materials on German intelligence agencies operating against the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945*. Moscow, USSR Ministry of State Security, 1952. 644 p. (in Russian).
11. Chuev S. G. *Special Services of the Third Reich. Book 1*. St. Petersburg, Neva Publ., 2003. 381 p. (in Russian).
12. *The Central Archive of the KGB of the Republic of Belarus*. Case 9941, vol. 4 (in Russian).
13. *The Central Archive of the KGB of the Republic of Belarus*. Case 9941, vol. 11 (in Russian).
14. Roman’ko O. V. *Belarusian collaborators. Cooperation with the occupiers in Belarus, 1941–1945*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2013. 478 p. (in Russian).
15. *The Central Archive of the KGB of the Republic of Belarus*. Case 9941, vol. 10 (in Russian).
16. Tsanova L. *The popular partisan war in Belarus against the Nazi invaders. Part 1. The origin and development of the partisan movement*. Minsk, State Publishing House of the BSSR, Redaction of political literature, 1951. 414 p. (in Russian).
17. Prudnikov M. S. *The elusives in action*. Moscow, Voenizdat Publ., 1965. 176 p. (in Russian).
18. Kiselev V. K. *Partisan intelligence. September 1943 – July 1944*. Minsk, Publishing House of the Belarusian State University, 1980. 128 p. (in Russian).
19. Solov’ev A. K. *Chronicles of the Secret War: historical materials*. Minsk, National Security Institute, 2011. 244 p. (in Russian).
20. Domorad K. I. *Intelligence and counterintelligence in the partisan movement of Belarus 1941–1944*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1995. 256 p. (in Russian).
21. Baranouski Ya. I., Knats’ko G. Dz., Antanovich T. M., Vyaliki A. F., Ermalovich V. I., Charnaglazava R. A. *Minsk anti-fascist underground*. Minsk, Belarus’ Publ., 1995. 256 p. (in Belarusian).
22. Kiselev V. K. *Special front of the partisans of Belarus: June 1941 – July 1944*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2011. 292 p. (in Russian).
23. The structure and activities of German intelligence during the Second World War. *Historical materials*. Available at: <http://istmat.info/node/28428> (accessed 01.11.2018) (in Russian).
24. Governing bodies, institutions and formations that carried out the occupation regime in Belarus. *Archives of Belarus*. Available at: <https://archives.gov.by/index.php?id=616907> (accessed 15.02.2019) (in Russian).
25. Suvorov A. M. *In the service of the Fatherland: The State Security Committee of the Republic of Belarus*. Brest, Poligrafika Publ., 2017. 424 p. (in Russian).

Информация об авторе

Надгачаев Валерий Николаевич – ученый секретарь. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (пр. Победителей, 8, Минск, 220072, Республика Беларусь). E-mail: vn3968@mail.ru

Information about the author

Valery N. Nadtachayeu – Scientific Secretary. Belarusian State Museum of the Great Patriotic War History (8 Pobediteley Ave., Minsk 220072, Belarus). E-mail: vn3968@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МОВАЗНАЎСТВА
LINGUISTICS

УДК 811.161.3'373.46
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-61-70>

Паступіў у рэдакцыю 10.09.2019
Received 10.09.2019

Г. І. Кулеш

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

**РОЛЯ ПРАВАЗНАЎЦАЎ У ВЫПРАЦОЎЦЫ БЕЛАРУСКАЙ
ЮРЫДЫЧНАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ (1920–1930-я гг.)**

Анотацыя. На матэрыяле публікацый 1920–1930-х гг. вядомых прававедоў выяўлена іх пріорытэтная па сьравненьню с філолягамі роля ў закладваньні асноў беларускай юрыдычнай тэрміналогіі. Паказана актыўнае ўдзяельнасьце прававедоў у беларусізацыі юрыдычнай навуцы і адукацыі, прычым не толькі ўроўненцаў Беларусі, но і прыгашаных на работу ў БССР па прычыне недастатка сабствяных кадраў. Выяснены асабнасьці практычнай рэалізацыі асноўных прынцыпаў стварэньня слоўніка юрыдычнай тэрміналогіі, вырабаваных Наўчна-тэрміналагічнай камісыяй пры Народным камісарыяце прасвешчэньня БССР, праслэжаны зьмяненнья адношэньня к гэтым прынцыпам на пратяжэньні ўказаннага часу ў залежнасьці ад зьмяненняў лінгвістычнай ідэалогіі ў БССР.

Ключавыя словы: беларуская юрыдычная тэрміналогія, прынцыпы стварэньня тэрміналогіі, тэрмінатворчэская дэятэльнасьць, беларусізацыя юрыдычнай навуцы і адукацыі

Для цытаваньня: Кулеш, Г. І. Роля правазнаўцаў у выпрацоўцы беларускай юрыдычнай тэрміналогіі (1920–1930-я гг.) / Г. І. Кулеш // Весті Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 1. – С. 61–70. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-61-70>

Hanna I. Kulesh

Belarusian State University, Minsk, Belarus

**LAWYERS ROLE IN THE DEVELOPMENT
OF THE BELARUSIAN LEGAL TERMINOLOGY (1920s – 1930s)**

Abstract. On the well-known jurists' publications from the 1920s – 1930s their priority role in creating and streamlining Belarusian legal terminology in comparison with philologists' role was identified. It shows the active participation in the Belarusization of legal science and education, except for the natives of Belarus, and legal specialists invited to work in the BSSR because of the lack of their own personnel. The features of practical implementation of basic principles of creating the dictionary of legal terminology developed by the Scientific and Terminology Commission under the People's Commissariat of Education of the BSSR are clarified, changes in attitude to these principles during specified time are tracked depending on changes in linguistic ideology in the BSSR.

Keywords: Belarusian legal terminology, principles of creation of terminology, term-building activity, Belarusization of legal science and education

For citation: Kulesh H. I. Lawyers role in the development of the Belarusian legal terminology (1920s–1930s). *Vestsi Natsyianal'най akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 1, pp. 61–70 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-61-70>

Уводзіны. У наш час спецыялістаў у галіне права, якія карыстаюцца ў сваёй прафэсійнай дзейнасьці беларускай мовай, невялікая частка ад іх агульнай колькасьці. Іншыя, прызнаючы, што ва ўмовах білінгвізму не павінна быць прыярэтна адной з моў, і падкрэсьліваючы ў сваіх публікацыях неабходнасьць замацаваньня на заканадаўчым узроўні патрабаваньняў аб абавязковым афіцыйным апублікаваньні прававых актаў на абедзвюх дзяржаўных мовах, усё ж такі аддаюць перавагу рускай. Такую пазіцыю яны тлумачаць адсутнасьцю лінгвістычных умоў, найперш лексыкаграфічнай базы, якая магла б забяспечыць паўнаватарнае выкарыстанне беларускай мовы ў юрыдычнай сфэры. Некаторыя нават прапануюць цэлы комплекс падрыхтоўчых мерапрыем-

стваў, накіраваных на ўзмацненне лінгвістычных гарантый беларускай мовы ў юрыдычнай дзейнасці [1, с. 75]. Аднак прапановы самі не рэалізуюцца, а найлепшы спосаб іх ажыццяўлення – уласны прыклад. Гэтае свярджэнне яскрава ілюструе дзейнасць правазнаўцаў у 1920–1930-я гады.

Асноўная частка. Варта асабліва падкрэсліць, што стваралі, удасканалівалі, папулярызавалі беларускую прававую мову не толькі мясцовыя ўраджэнцы (М. М. Гуткоўскі, Р. Я. Парэчын, Ф. І. Гаўзэ), але і спецыялісты з іншых рэспублік, пераважна з РСФСР, запрошаныя на працу ў Беларусь з прычыны недахопу ў той час уласных навуковых і педагогічных кадраў (М. В. Грэдынгер, У. І. Пічэта, В. М. Шыраеў, М. А. Канаплін і інш.), і нават тыя, хто наведваў Беларусь усяго некалькі разоў, але меў з ёй роднасныя і навуковыя сувязі (Л. А. Акіншэвіч). Пра іх уклад у стварэнне і развіццё беларускай юрыдычнай адукацыі і навукі, беларускага заканадаўства існуе даволі шмат публікацый (І. А. Юхо, Т. І. Доўнар, С. А. Балашэнка, І. А. Саракавік і інш.), аднак дагэтуль застаецца не асветленай іх роля ў фарміраванні і развіцці беларускай мовы права.

Адметная роля ў закладванні асноў юрыдычнай тэрміналогіі сучаснай беларускай мовы належыць ураджэнцу Случчыны, выпускніку юрыдычнага факультэта Варшаўскага ўніверсітэта М. М. Гуткоўскаму. На дзяржаўным узроўні стварэнне тэрміналогіі пачалося ў 1921 г. Агульная для ўсіх галін канцэпцыя была выпрацавана Навукова-тэрміналагічнай камісіяй, сфарміраванай пры Народным камісарыяце асветы БССР, у якую ўваходзілі «блізка 20 асоб з ліку старых беларускіх культурнікаў» [2, с. 83]. Пераважалі ў гэтай камісіі, паводле слоў М. Гуткоўскага, «прадстаўнікі мастацкае літаратуры», са спецыялістаў у галіне права быў толькі адзін М. Гуткоўскі, які трапіў туды праз паўгода ад пачатку яе работы, у верасні 1921 г. Пазнейшае ўключэнне яго ў склад камісіі можна растлумачыць, верагодна, той акалічнасцю, што першапачаткова прадугледжвалася распрацоўка тэрміналогіі па дысцыплінах у аб'ёме сярэдняй школы, у лік якіх правазнаўства не ўваходзіць.

Стварэнне тэрміналогіі – надзвычай працаёмісты працэс, які патрабуе шырокай эрудыцыі, значнага запasu ведаў у спецыяльнай галіне, дастатковага ўзроўню культуры маўлення. Нездарма для паспяховага выканання гэтай складанай шматаспектнай работы неабходны абавязковы ўдзел як спецыялістаў пэўнай галіны ведаў, так і дасведчаных лінгвістаў. Аднак распрацоўваць праект слоўніка юрыдычнай тэрміналогіі М. Гуткоўскаму з прычыны занятасці прызначанага спецыяліста-філолага (прадугледжвалася супрацоўніцтва з М. М. Піятуховічам) выпала аднаму [2, с. 83]. І хоць агульныя для ўсіх секцый метады стварэння тэрміналагічных слоўнікаў былі выпрацаваны, М. Гуткоўскаму давялося іх дастасоўваць да спецыфікі юрыдычнай навукі і практыкі і тым самым, па сутнасці, самастойна вызначаць прынцыпы ўкладання слоўніка беларускай тэрміналогіі права.

Тэрміналагічныя выпускі па ўсіх галінах планаваліся як перакладныя, руска-беларускія. Найперш паўставала даволі няпростая задача – устанавіць склад рээстравай часткі. Цяжкасць задачы абумоўлена тым, што паколькі прававыя адносіны закранаюць усе сферы жыцця, то ў юрыдычны лексікон, акрамя спецыяльна прававых, уцягваюцца і тэрміны з тых сфер, якія права абслугоўвае. Адносна тэрмінаў падвойнай прыналежнасці ў юрыдычным маўленні М. Гуткоўскі адзначаў наступнае: «Разбіраючы на судзе якое-небудзь складанае злачынства, нельга абысціся без разуменьняў психалёгіі, мэдыцыны. Але ўсе тыя спецыяльныя словы, што ўваходзяць у праўную мову, ня могуць быць яшчэ праўнымі тэрмінамі» [2, с. 84].

Акрамя таго, у мове права мае пашырэнне значная колькасць агульнаўжывальных слоў, якія набываюць у юрыдычным тэксце спецыяльнае значэнне. Нярэдка такія словы лінгвістамі не ўспрымаюцца як юрыдычныя тэрміны, што пацвярджае і гісторыя стварэння слоўніка тэрміналогіі права, апісаная М. Гуткоўскім у публікацыі «Беларуская праўная тэрміналогія»: пры разглядзе слоўніка Этнолага-лінгвістычным аддзелам Інстытута беларускай культуры з рээстра падрыхтаванага праекта былі выключаны такія словы, як *аварыя*, *авторитет*, *анализ юридический*, *аналогия*, *ассоциация*, *афоризм юридический*, *аффект* і інш., «таму што іх не лічылі праўнымі тэрмінамі» [2, с. 86].

Другой задачай было вызначэнне крыніц тэрміналагічнага матэрыялу, з іх самай галоўнай лічылася жывая беларуская мова, «якую можна знайсці зафіксаванаю ў сучаснай беларускай мастацкай літаратуры, у слоўніках, запісах фольклёрных матар'ялаў і інш.» [2, с. 84]. Аднак, паводле слоў М. Гуткоўскага, «бракавала прыкладаў жывой афіцыйнай мовы». Адсутнасць у той

час дастатковай колькасці тэкстаў юрыдычнага зместу прывяла да таго, што «тэрміналогія не выходзіла з арганічнага развіцця беларускае мовы, а наадварот, у пэўнай ступені, звязвала жывую мову некаторымі вельмі штучнымі, мове беларускай неўласцівымі, народу не зразумелымі словамі» [2, с. 82]. Неабходнасць павелічэння ліку крыніц беларускай юрыдычнай лексікі падштурхнула ўкладальніка тэрміналогіі права да напісання ім падручніка пад назвай «Агульныя асновы Савецкага права з адзначэннем асаблівасцей права БССР», які быў створаны на ўзор пашыранай у дарэвалюцыйныя часы навучальнай літаратуры па заканазнаўстве і падрыхтаваны да друку ў пачатку 1923 г. І хоць рукапіс атрымаў адабрэнне ўсіх неабходных інстанцый, ён не быў надрукаваны, як мяркуе аўтар, з-за фінансавых цяжкасцей Беларускага дзяржаўнага выдавецтва, якое планавала яго апублікаваць.

М. Гуткоўскі падрыхтаваў і выдаў яшчэ некалькі вельмі важных грунтоўных прац на беларускай мове. З іх ліку найперш варта згадаць «Сістэматычны паказчык (спроба сістэматыкі) заканадаўства Беларускай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі за 1919–1928 гады з алфавітна-прадметным паказчыкам і спісам чынных на 1 студзеня 1929 года законаў» і «Праект сістэмы адміністрацыйнага кодэкса БССР». Гэтыя працы, асабліва «Сістэматычны паказчык», у якім пералічваюцца «больш за 4000 прававых актаў і крыніцы іх афіцыйнага апублікавання» [3], былі высока ацэнены сучаснікамі М. Гуткоўскага: у прадмове да кнігі М. В. Грэдынгер выказаў упэўненасць, што складзены М. Гуткоўскім паказчык «зробіцца настольнаю кнігаю не толькі ў нашых урадавых установах і грамадскіх арганізацыях, але ...выгодным і надзейным падручнікам пры звароце да заканадаўчых крыніц для будучых навуковых досьледаў у галіне права БССР» [4, с. 5]. У наш час гэтую працу, якая паклала пачатак сістэматызацыі заканадаўства рэспублікі, называюць «правобразам дзеючага Адзінага прававога класіфікатара Рэспублікі Беларусь» [3].

Неабходна дадаць, што названыя працы, як і іншая арыгінальная і перакладная беларускамоўная навучальная, навуковая, лексікаграфічная літаратура, створаная правазнаўцамі ў 1920–1930 гг. («Руска-ідыш-беларускі слоўнік юрыдычнай тэрміналогіі» (1926, звыш 500 тэрмінаў); Парэчын Р. Я. «Наша канстытуцыя» (1928); Стучка П. І. «Уводзіны ў тэорыю грамадзянскага права» (1933, пераклад Р. Я. Парэчына); Шыраеў В. М. «Крымінальны кодэкс БССР» (1928); Гаўзэ Ф. І. «Заканадаўства пра сям'ю і шлюб у яго гістарычным развіцці» (1930) і інш.), маюць не толькі юрыдычную, але і філалагічную вартасць як крыніцы фарміравання тэрміналагічнай лексікі і фразеалогіі.

Нягледзячы на тое, што ў выпрацаваных Тэрміналагічнай камісіяй прынцыпах укладання тэрміналогіі найважнейшай яе крыніцай была заяўлена жывая мова народа, тэрмінатворцы 1920-х гг. выразна ўсведамлялі немагчымасць паслядоўнага ажыццяўлення гэтага прынцыпу. Больш за тое, некаторыя ўвогуле адмаўлялі мэтазгоднасць яго прымянення. Напрыклад, Антон Лёсік у рэцэнзіі на слоўнік тэрміналогіі па элементарнай матэматыцы пісаў: «Карэнная памылка аўтараў “навуковае тэрміналогіі” заключаецца ў тым, што яны стараліся палажыць “у аснову матэматычнае тэрміналогіі словы, існуючыя ў жывой народнай мове”, але дзеля таго, што жывая народная мова ня можа выразіць у патрэбнай меры дакладна навуковую думку, яна і ня можа служыць асноваю навуковае тэрміналогіі» [5, с. 142]. На яго меркаванне, асновай нацыянальнай навуковай тэрміналогіі павінны быць тэрміны, якія ўжо ўсталяваліся ў навуцы. Пераважна гэта тэрміны іншамоўнага паходжання, што сталі міжнароднымі.

У адрозненне ад матэматычнай, беларуская тэрміналогія права склалася яшчэ ў старажытнасці і з прычыны кансерватыўнасці мовы права захавалася – у аснове сваёй – да сучаснасці. Укладальнікам юрыдычнай тэрміналогіі 1920-х гг. не было патрэбы браць з рускамоўных крыніц права асноўныя тэрміны (вядома, акрамя тых, што называлі новыя паняцці праваадносін), бо існавалі сваямоўныя крыніцы, а сваямоўная юрыдычная тэрміналогія ўжо мела практыку выкарыстання, функцыянуючы ў старабеларускім канцылярска-юрыдычным пісьменстве.

Але ж у 1920-я гг. культурная, у тым ліку моўная, старажытная спадчына не прымалася за аснову далейшага развіцця. Гэтая спадчына вельмі своеасабліва трактавалася, што вынікае, напрыклад, са слоў вядомага савецкага дзяржаўнага і партыйнага дзеяча Вільгельма Кнорына: «Мы, камуністы, зразумела, не супраць спадчыны, але мы пакінутую вякамі нам спадчыну прымаем толькі пасля таго, як яна вытрымала нашу класавую марксісцкую крытыку. ...Мы супраць таго, каб сярэднявечных манахаў (да іх ліку залічваўся любы, хто паходзіў “не ад лініі працоў-

ных мас”, у тым ліку і Ф. Скарына. – заўвага аўтара) – на якой бы мове яны ні пісалі – уключыць у лона папярэднікаў нашай культуры» [6, с. 245–246].

З гэтай прычыны адносіны да шматлікіх тэкстаў старажытнага беларускага права як крыніцы тэрміналагічнага матэрыялу на заранку савецкай улады былі неадназначныя. Заслуга ж правазнаўцаў 1920-х гг. (і найперш М. Гуткоўскага) у тым, што яны разумелі важнасць і неабходнасць захавання лексічнай пераемнасці і імкнуліся ў тэрмінаграфічнай дзейнасці рэалізаваць гэтае разуменне. «Бязмерна каштоўным матар’ялам» называў М. Гуткоўскі «праўныя гістарычныя акты Літоўска-Беларускае Дзяржавы», такія як Статут ВКЛ, Метрыка ВКЛ; сцвярджаў, што значная колькасць змешчанай там юрыдычнай лексікі не страціла свайго значэння і працягвае захоўвацца ва ўжытку. Заставалася актуальнай і шматлікая спрадвечна беларуская агульнаўжывальная лексіка, якая ў старабеларускай мове тэрміналагізавалася, набыўшы юрыдычнае значэнне: *вытис, вчынок, вызволенье, вырок, вязень, ганьба, давность, дар, держава, довод, згвалтаванье, змова, истец, кривда, лист, оборона, ображэнье, оселость, перэсуд, складанье, справа, рада, радити, учынок, цягненье* і інш. [2, с. 85].

Укладанне праекта слоўніка М. Гуткоўскі скончыў у 1923 г. Перш чым яго выдаваць, размножаныя рататарным спосабам 300 экзэмпляраў былі разасланыя ва ўсе цэнтральныя дзяржаўныя ўстановы і ў раённыя выканаўчыя камітэты з просьбай даслаць аб ім водзвывы.

Адзін з праектных экзэмпляраў, відаць, патрапіў да спецыяліста ў галіне грамадзянскага і сямейнага права, гісторыі права БССР Ф. І. Гаўзэ, у далейшым – доктара юрыдычных навук. У 1920-я гг. ён працаваў у Наркамюсце БССР, з 1923 г. – на кафедры грамадзянскага працэсу і права БДУ [7, с. 89]. Ф. І. Гаўзэ з’явіўся аўтарам першай апублікаванай рэцэнзіі на слоўнік тэрміналогіі права, укладзены М. Гуткоўскім. Тое, што да Ф. І. Гаўзэ трапіў менавіта праект слоўніка, вынікае з самой рэцэнзіі, у якой аўтар выказвае пажаданне аб хутчэйшым яго выхадзе ў свет, нягледзячы на пэўныя недахопы распрацаванай тэрміналогіі, «дзеля таго, што яна і ў гэтым відзе прынясе вялікую карысць усім працаўніком юстыцыі» [8, с. 25]. Разуваючы, што падрыхтаваны слоўнік – пачатковы этап тэрмінатворчай працы і што беларуская юрыдычная тэрміналогія будзе пашырацца і ўдасканалвацца, «не спыняючыся на многалікіх вартасцях распрацаванай тэрміналогіі» [8, с. 25], Ф. І. Гаўзэ выказвае ў рэцэнзіі чатыры заўвагі. Сутнасць першай у тым, што ў слоўніку адно рэестравае слова мае некалькі беларускіх эквівалентаў. Напрыклад, *договор* перакладаецца адразу трыма: *дагавор, угода, дамова*, пры гэтым тут жа *ўгода* – беларускі адпаведнік да *сделка*, а *ўмова* – да *условие*. «Між тым, у грамадзянскім праве гэта – зусім розныя разуменьні і кожнае з іх павінна мець свой тэрмін», – падкрэслівае рэцэнзент і дадае: «Можна сабе ўявіць, якая блытаніна створыцца ў розумах студэнтаў, альбо ў рашэнні суду, калі карыстаючыся тэрміналогіяй, слова «договор» будуць азначаць то адным, то другім, то трэцім тэрмінам» [8, с. 24].

Другая заўвага датычылася недакладнага выбару беларускіх эквівалентаў да рускіх тэрмінаў, у выніку чаго некаторыя перакладныя тэрміны, прыведзеныя ў праекце слоўніка, не адпавядалі юрыдычнаму паняццю. Напрыклад, як адзначае Ф. І. Гаўзэ, *обычное право* няправільна перакладаць як *няпісанае права*, бо не ўсякая форма няпісанага права ёсць *обычное право*.

Да непажаданых вынікаў, падобных да зазначаных вышэй, прыводзіць і замена іншамойных міжнародных тэрмінаў беларускімі словамі, якія не перадаюць або скажаюць сэнс пэўных юрыдычных паняццяў (напрыклад, *арбитр* – *пасрэднік*) – асноўны сэнс трэцяй заўвагі.

Мяккасць і асцярожнасць чацвёртай заўвагі рэцэнзента («У тэрміналогіі ёсць некаторая няпоўнасьць» [8, с. 25]) становіцца відавочнай, калі параўнаць аб’ём рэцэнзаванага руска-беларускага слоўніка «Тэрміналогія права», які змяшчаў 3135 лексічных адзінак, і «Російско-українського словника правничое мови», выдадзенага ў 1926 г. Украінскай акадэміяй навук, на 67 000 слоў.

Заўвага аб непаўнаце слоўніка на першым месцы стаіць у рэцэнзіі, аўтарам якой з’яўляўся Л. А. Акіншэвіч, украінскі і беларускі гісторык права. У 1920–1930-я гг. ён жыў і працаваў ва Украіне, але не забываў пра радзіму свайго бацькі, «сістэматычна працаваў над вывучэннем беларускай мовы і ўдасканаленнем свайго ведання яе» [9, с. 250]. «Паводле мае думкі, – пісаў Л. А. Акіншэвіч, – аснаўная хіба тэрміналогіі (пад тэрміналогіяй тут маецца на ўвазе рэестр слоўніка. – Г. К.) – гэта яе беднасць тэрмінамі» [10, с. 194]. Акрамя таго, адзначае рэцэнзент, не

хапае ў слоўніку і юрыдычнай фразеалогіі, устойлівых выказаў, найбольш тыповых сказаў, ужываных у мове права. Гэтая загана названа ў рэцэнзіі найбольш значнай з той прычыны, што «беднасьць тэрміналогіі кепска адаб'ецца на яе ўжываньні практычнымі работнікамі».

Не пагаджаецца аўтар рэцэнзіі і з увядзеннем у слоўнік русізмаў, дапасаваных (не заўсёды трапна, на яго думку) да беларускай мовы. Напрыклад, адносна тэрміна *від на пражыванне* Л. А. Акіншэвіч піша: «Няясна, нашто тут пакінулі выпадковы тэрмін царскае Расіі “від”. Замест гэтага можна было сказаць “дакумант на пражываньне”» [10, с. 189]. На меркаванне рэцэнзента, можна было б шырэй скарыстаць старыя беларускія юрыдычныя тэрміны, «бо яны сугучныя беларускай мове і іх шмат хутчэй засвоіць народ, чым сьпехам прыладжаныя да беларускае мовы словы з іншых моў ці выдуманя тэрміны» [10, с. 195]. У далейшай працы над беларускай юрыдычнай тэрміналогіяй Л. А. Акіншэвіч раіць скарыстаць выдадзеныя па-беларуску навуковыя працы, дапаможнікі, законы.

Прыдатнасьць тэрмінаў да выкарыстання выпрабавалася і пры выкладанні нормаў права на юрыдычным аддзяленні факультэта грамадскіх навук Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. З восені 1923 г. у групе з 35 студэнтаў М. Гуткоўскі праводзіў практычныя заняткі, на якіх абмяркоўваліся падрыхтаваныя на беларускай мове рэфераты, разглядалася дакладнасьць тэрмінаў і іх адпаведнасьць юрыдычнаму паняццю. Паводле слоў М. Гуткоўскага, «гэтыя заняткі былі першаю спробаю выкладання права на беларускай мове» [2, с. 86].

У наступныя гады ва ўмовах палітыкі беларусізацыі, накіраванай на нацыянальна-культурнае адраджэнне, навучанне па-беларуску паступова пашыралася. Паводле звестак І. А. Саракавіка, у БДУ на факультэце права і гаспадаркі ў 1925/1926 навучальным годзе толькі 3 выкладчыкі ведалі беларускую мову, выкладанне па-беларуску вялося 8 гадзін на тыдзень (8 %), а ў 1927/1928 навучальным годзе 16 выкладчыкаў валодалі беларускай мовай, а колькасць беларускамоўных заняткаў павялічылася да 26 гадзін на тыдзень (32,8 %) [11, с. 349]. Больш імклівая беларусізацыя юрыдычнай адукацыі напачатку стрымлівалася тым, што запрошаныя на працу ў рэспубліку рускамоўныя спецыялісты ў галіне юрыспрудэнцыі павінны былі яшчэ авалодаць беларускай мовай.

Лідарам у справе беларусізацыі сярод запрошаных спецыялістаў-правазнаўцаў, напэўна, можна лічыць аднаго з першых акадэмікаў Акадэміі навук Беларусі М. В. Грэдынгера, які да прыезду ў Мінск працаваў у навучальных установах Яраслаўля, Тарту, Рыгі, прымаў удзел у стварэнні Сімферопальскага народнага ўніверсітэта, з'яўляўся прафесарам і дэканам факультэта грамадскіх навук Крымскага ўніверсітэта [12, с. 76]. Пачаўшы працаваць у БДУ ў 1923 г., ужо з 1926 г. ён друкаваў свае навуковыя працы ў асноўным па-беларуску. Яго ацэнка неабходнасці выкарыстання беларускай мовы ў юрыдычнай сферы заключаецца ў наступным выказванні з нагоды першага выдання на беларускай мове Грамадзянскага кодэкса БССР: «Патрэбу ў беларускім тэксце практыка даўно адчувала. Здаецца, нідзе так часта і рознастайна не грашылі супроць беларускае мовы, як менавіта ў гэтай галіне» [13, с. 79].

Паводле храналагічнага паказчыка навуковых прац М. В. Грэдынгера, што знаходзіцца ў рэпазіторыі ЦНБ НАН Беларусі, першай яго беларускамоўнай публікацыяй з'яўляецца артыкул «Значэнне пастаноў найвышэйшага суда і права наследвання так званых фактычных супругаў», змешчаны ў «Працах Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта» ў 1928 г. [14].

Сам жа М. В. Грэдынгер у выданні «Да дзесяцігоддзя Грамадзянскага кодэкса ў БССР» піша, што яго артыкул «Думкі аб неабходнасці выдання грамадзянска-працэсуальнага кодэкса для Беларусі» ў «Працах Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта» ў № 1 за 1926 год быў першай публікацыяй юрыдычнага зместу ў гэтым выданні на беларускай мове [15, с. 57]. Дарэчы, тут жа, у першым выпуску «Прац», другі яго артыкул – «Брак і закон» – апублікаваны па-руску. У гэтым жа 1926 годзе ў часопісе «Полымя» ў № 8 быў надрукаваны артыкул «Найважнейшыя моманты ў будучым законе аб сям'і», а ў 1927 г. у № 7 часопіса «Полымя» – «Вялікае дасягненне ў галіне кадыфікацыі беларускага права». Супрацоўніцтва правазнаўца з часопісам пацвярджае ўклейка-фотаздымак у № 8 «Полымя» за 1926 г. паміж с. 70 і с. 71 з загалоўкам «Бліжэйшыя супрацоўнікі часопіса “Полымя”», падпіс пад якім сведчыць, што ў адным радзе з Я. Лёсікам, Якубам Коласам, прафесарам У. Ігнатоўскім, Цішкам Гартным, прафесарам С. Вальфсонам і іншымі сфатаграфаваны і прафесар М. Грэдынгер.

Публікацыі з часопіса «Полымя» ўвогуле не згадваюцца ў названым вышэй храналагічным паказчыку навуковых прац М. В. Грэдынгера [14]. Разам з тым яны маюць надзвычай істотнае значэнне для вывучэння гісторыі стварэння лінгвістычных сродкаў мовы права, не кажучы пра іх важнасць для гісторыі права.

Параўнанне суадносных тэрмінаў і ўстойлівых выразаў у публікацыях аднаго і таго ж аўтара, надрукаваных у розныя гады, дае каштоўны матэрыял для назіранняў і вывадаў аб тэндэнцыях тэрмінатворчага працэсу. Прасочым ужыванне некаторых тэрміналагічных адзінак, напрыклад з галіны спадчыннага права, у першых і пазнейшых публікацыях М. В. Грэдынгера. Тэрміны *спадчына* і *спадчынны* правазнавец выкарыстоўвае паслядоўна ва ўсіх сваіх публікацыях. А вось ужыванне іншых назваў з гэтага словаўтваральнага гнязда не вызначаецца паслядоўнасцю. У артыкуле «Вялікае дасягненне ў галіне кваліфікацыі беларускага права», апублікаваным у часопісе «Полымя» (1927 г., № 7) знаходзім такія тэрміны:

спадкаемца: над спадкаемцамі, якія прынялі спадчыну знікшага, вісіць нейкі Дамоклаў меч; пазбавіць праў законнае спадчыны ўсіх спадкаемцаў;

спадчынаемца: адновім так званае права «прырашчэння» на карысць іншых спадчынаемцаў; частка маёмасці застаецца ўсім спадчынаемцам;

спадкаемства: у парадку спадкаемства па закону; пазбавіць праў законнага спадкаемства (с. 121, 124).

Як відаць з ілюстрацыйнага матэрыялу, значэнне тэрмінаў *спадкаемца* і *спадчынаемца* цалкам аднолькавае, але матыватарам для першага было слова *спадкі* (тое, што і *спадчына*, толькі ў наш час першаму слову Тлумачальным слоўнікам беларускай мовы нададзены размоўны характар, нягледзячы на выкарыстанне тэрміна *спадок* у старабеларускім канцылярска-юрыдычным пісьменстве, у прыватнасці ў Статуце ВКЛ), а для другога – *спадчына*.

У артыкуле «Наша права на спадчыну, якім пажадана яго мець», апублікаваным у «Запісках аддзела гуманітарных навук» (1929), той, хто атрымлівае спадчыну, абазначаны тэрмінам *насьледнік*, працэс, звязаны з атрыманнем спадчыны, – *насьледванне*, дзеянне – *насьледваць*:

насьледнік: аб размеркаванні маёмасці паміж усімі насьледнікамі (с. 49); доля кожнага з насьледнікаў адпаведна памяншаецца (с. 50); пры няяўцы адсутнага насьледніка (с. 51);

насьледванне: прызнаньне двух парадкаў насьледвання... з выключэннем насьледвання па дагаворы (с. 38); асобы, закліканыя да насьледвання (с. 52);

насьледваць: асобы ня толькі насьледуюць у роўных долях, але... (с. 47).

Асабліва кідаецца ў вочы і выклікае непаразуменне прыналежнасць тэрмінаў аднаго тэматычнага поля да розных словаўтваральных гнёздаў, калі такія тэрміны сыходзяцца побач: *Ці не вісне над галовамі насьледнікаў, якія прынялі спадчыну з повада прызнання «спадчынадаўца» памёршым у звязку з яго доўгай адсутнасцю, якісь Дамоклаў меч?* [15, с. 31]. Логіцы словаўтваральнай парадэгмы, на наш погляд, адпавядае ланцужок *спадчына – спадчынны – спадчынаемца* (або *спадчынаатрымальнік, спадчыннік*) – *спадчынадаўца – спадчынадаўства – успадкаванне* (або *атрыманне спадчыны*) замест ужыванага *спадчына – спадчынны – насьледнік – спадчынадаўца – насьледванне*.

Пра неўласцівасць беларускай мове слова *насьледнік* пісаў у артыкуле «Нататкі для сяброў» (1929) У. Дубоўка. У 1920-я гг. гэты пісьменнік меў непасрэднае дачыненне да перакладу законаў на беларускую мову, працуючы рэдактарам беларускай часткі «Вестніка ЦИК, СНК і СТО СССР», які быў першым бюлетэнем, прызначаным для іх афіцыйнага апублікавання [16, с. 28]. Відаць, менавіта ў працэсе рэдактарскай працы ён сутыкнуўся з тым, што слова *насьледнік* некаторыя пачалі ўжываць замест *спадкаемца*. Гэта і падштурхнула яго ў названым вышэй артыкуле нагадаць, што слова *насьледнік* вядомае беларускай мове здаўна, але зусім з іншым значэннем. Спасылваючыся на с. 227 «Словаря древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского» М. І. Гарбачэўскага, У. Дубоўка прыводзіць гэтае значэнне: «гончая собака, которая идет по слѣдамъ звѣря».

Не вызначаюцца паслядоўнасцю ўжывання М. В. Грэдынгерам і тэрміны, што абазначаюць дакумент, паводле якога абвешчаецца спадчына, а таксама назву асобы, якая пісьмова аб'яўляе сваю волю адносна сваёй маёмасці. У названай вышэй яго публікацыі 1927 г. дакумент называецца *адказаннем*, асоба – *адказальнікам*:

адказаньне: *адказаньнем прызнаецца зробленае асобаю ў пісьмовай форме распараджэньне; круг асоб, якія заклікаюцца да спадкаемства на абедзвюх падставах, г. зн. у парадку закону і ў парадку адказаньня* (с. 124);

адказальнік: *ніводнага слова не гаворыцца аб праве адказальніка пазбавіць праў законнае спадчыны ўсіх спадкаемцаў; у выпадку пазбаўленьня адказальнікам праў аднае або некалькіх асоб* (с. 124).

У пазнейшых працах, у прыватнасці ў артыкуле «Наша права на спадчыну, якім пажадана яго мець» (1929), ужываюцца тэрміны *тэстамант* і *тэстатар*, а таксама аднакаранёвае ўтварэнне *тэстатарскі*:

тэстамант: *прыняцьце спадчыны паводле тэстаманту* (с. 45); *наследваньне дапушчаецца паводле закону і паводле тэстаманту* (с. 49);

тэстатар: *тэстатар можа пазбавіць праў законнага наследвання* (с. 39); *спадчына, якая засталася па-за распараджэньнем тэстатара* (с. 50); *распараджэньні, якія выцякаюць з выкананьня выражанае ў тэстаманце волі тэстатара* (с. 51);

тэстатарскі: *спадчына, што застаецца па-за тэстатарскім распараджэньнем* (с. 40); *асобны від тэстатарскага распараджэньня* (с. 44); *тэстатарская вольнасьць не зьяўляецца выключна кулацкаю справаю* (с. 44).

Адзначана несупадзенне і некаторых устойлівых тэрміналагічных выразаў, звязаных са спадчынным правам, у гэтых публікацыях: *Пры няўцы спадкаемцаў на працягу 6 месяцаў спадчынная маёмасьць лічыцца адмерлаю маёмасьцю* (с. 124); *Неразьмяркованыя такім чынам долі, як адмерлыя, пераходзяць у прыбытак дзяржавы* (с. 124); *Пры няўцы адсутнага наследніка ў паказаны ў арт. 26 тэрмін... спадчына альбо адпаведная частка яе прызнаюцца вымарачанымі і ідуць у распараджэньне належных органаў дзяржавы* (с. 51); *усіх асоб, якія, паводле закону, прызываюцца да спадкаемства* (с. 124) – *асобы, закліканыя да наследваньня* (с. 52).

Відавочна, што тэрміналогія, ужываная ў публікацыі «Польмя», адрозніваецца ад адпаведнай у іншых выданнях. Названая акалічнасьць не прыцягнула б увагі (з’ява полінайменнасці была даволі пашыранай у мове права 1920-х гг. [16, с. 111]), калі б гэта не былі працы М. В. Грэдынгера, які неаднаразова засцерагаў аб шкоднасці і нават небяспечнасці для правапрымянення ад «пераскокваньня ў законе з аднаго выразу да другога, калі гутарка ідзе аб адным і тым жа разуменьні» [15, с. 35]. Прыведзены з прац М. В. Грэдынгера ілюстрацыйны матэрыял сведчыць пра змену яго ўяўленьняў аб прыцыпах стварэння беларускай юрыдычнай тэрміналогіі.

Першыя беларускамоўныя публікацыі М. В. Грэдынгера з’явіліся, як было адзначана, у 1926 г. Заканадаўчыя тэксты на беларускай мове ў Беларусі пачалі публікавацца з 1925 г. 1925–1926 гады былі часам выбару магчымых для ўжывання беларускіх адпаведнікаў з прапанаваных перакладнымі слоўнікамі 1920-х гг., у тым ліку і слоўнікам М. Гуткоўскага. А тагачасныя слоўнікі да аднаго рускага слова нярэдка прапаноўвалі шэраг беларускіх эквівалентаў на выбар. Напрыклад, слоўнік тэрміналогіі права да тэрміна *завешчаніе* – *духоўніца, адказаньне, тэстамант; завешчатель* – *адказальнік, тэстатар* (с. 27). У артыкуле «Вялікае дасягненне ў галіне кадыфікацыі беларускага права», апублікаваным у «Польмі» ў 1927 г., М. В. Грэдынгер аперыруе такімі тэрмінамі, як *спадкаемца, спадкаемства, адказанне, адказальнік*. Дапушчальна, што на выбар з ліку іншых, менавіта гэтых тэрмінаў магла паўплываць і рэдакцыйная калегія часопіса, у склад якой у той час уваходзілі Якуб Колас, Янка Купала, Цішка Гартны і інш.

Калі ж пачалося апублікаванне па-беларуску заканадаўчых дакументаў у Зборы законаў і загадаў БССР, а таксама выйшлі асобнымі афіцыйнымі выданнямі Канстытуцыя і некаторыя кодэксы, аўтары, спасылаючыся на гэтыя дакументы, вымушаны былі ўжываць выкарыстаную там тэрміналогію, хоць не ва ўсіх выпадках пагаджаліся з выбарам таго або іншага беларускага эквівалента. Выказаную выснову пацвярджае такі факт. У артыкуле «Да пытання аб аўтэнтычнасці тэксту закона пры раўнапраўнасці дзвюх ці некалькіх моў» М. В. Грэдынгер піша, што, апроч іншых недахопаў, у беларускамоўным варыянце Працэсуальнага грамадзянскага кодэкса (1930) замест тэрміна *застава* і аднакаранёвага *застаўлены* ўжываюцца *залог* і *заложаны* [13, с. 82]. Але праз тры гады ў артыкуле 1933 г. «Да дзесяцігоддзя Грамадзянскага кодэкса ў БССР» аўтар рэзка адмоўна выказваецца пра тэрмін *застава*: «Тэрмін рускага тэкста “залог” у паказаным

артыкуле і таксама ў радзе іншых стала перакладзен старажытным словам “застава”. Між тым “залог” даўно зрабіўся жывым беларускім словам у той час, як сэнс “заставы” рэдка хто цяпер дакладна разумее. У мэтах советызацыі трэба аддаць рашучую перавагу тэрміну “залог”» [15, с. 36].

На канчатковы выбар тэрмінаў аўтарамі, якія карысталіся беларускай мовай, безумоўна, паўплывала і змена к сярэдзіне 1930-х гг. лінгвістычнай ідэалогіі ў Беларусі. Гэта пацвярджае красамоўнае выказванне М. В. Грэдынгера ў артыкуле «Да дзесяцігоддзя Грамадзянскага кодэкса ў БССР» (1933). Сярод прычын, якія затрымалі выхад на беларускай мове Грамадзянскага кодэкса, аўтар называе «адсутнасць навуковых сіл» і, спасылаючыся на працу І. Ф. Шпілеўскага і Л. А. Бабровіча, дадае: «Ёсць яшчэ другі, больш сур’ёзны і агіднейшы бок. Ён знайшоў яскравую характарыстыку ў творы “Беларуская Акадэмія Навук на парозе другой пяцігодкі”, аўтары якога пішуць: “Пад шыльдаю змагання за чыстату і самабытнасць беларускай мовы, пад выглядам змагання супроць расійскай культуры, праводзілася нацдэмамі выразнае змаганне супроць советызацыі беларускай мовы, супроць уключэння ў слоўнік словатвораў, утвораных Кастрычніцкай рэвалюцыяй. Гэтых слоў не магла перанасіць ідэя буржуазнага “нацыянальнага адраджэння Беларусі”, якая патрабавала развіцця правапіса ў такім кірунку, які-б не дазволіў шырокім працоўным масам карыстацца роднаю беларускаю моваю”» [15, с. 24].

Увогуле заўвагі адносна беларускіх тэрмінаў і ўстойлівых юрыдычных формул М. В. Грэдынгер, як вядучы ў Беларусі цывіліст, пачынае мэтанакіравана ўключаць у свае публікацыі пасля выхаду ў 1930 г. з друку афіцыйнага выдання Грамадзянскага працэсуальнага, а ў 1932 г. Грамадзянскага кодэксаў БССР на беларускай мове, перакладзеных Народным камісарыятам юстыцыі. Ён лічыў, што такія заўвагі не з’яўляюцца толькі тэарэтычнымі разважанымі, а маюць надзвычай важнае практычнае значэнне, «бо якраз у гэтым напрамку навывчка становіцца другой натурою, і адзначаныя дрэнныя бакі могуць непрыкметна перайсці ў пераклад будучага адзінага кодэкса гаспадарчых законаў» [15, с. 34].

Прычыну недакладнасці або спрэчнасці некаторых беларускіх эквівалентаў правазнавец бачыць у тым, што «навукова-даследчыя працы па складанні беларускае праўнае тэрміналогіі пакуль ня скончаны, вынікі іх ва ўсякім разе не апублікаваны» [13, с. 78] і дадае, што яго выпраўленні «не прэтэндуюць на вычэрпваючае значэнне. Варта адзначыць толькі напрамак, у якім павінна весціся далейшае палепшанне выдання» [13, с. 80].

Меркаванні адносна беларускай юрыдычнай тэрміналогіі і ўстойлівых зваротаў змешчаны ў наступных публікацыях М. В. Грэдынгера: «Да пытання аб аўтэнтчнасці тэксту закона пры раўнапраўнасці дзвюх ці некалькіх моў» (1930), «Задачы кадыфікацыі ў галіне грамадзянскага працэсу і ГПК БССР» (1931), «Да дзесяцігоддзя Грамадзянскага кодэкса ў БССР» (1933), у «Дапаможніку па грамадзянскаму працэсу БССР» (1935).

Калі прааналізаваць і сістэматызаваць усе заўвагі, выказаныя адносна перакладу Грамадзянскага працэсуальнага кодэкса, то яны ў асноўным зводзіліся да наступнага:

«нядбайнасць» перакладу, якая «не мае асабліва шкодных вынікаў». Напрыклад, адзначаецца, што ў артыкуле 123 кодэкса слова *опасацца* чамусьці перакладзена словам *лічыць*; у артыкуле 144 *вследствие* перакладзена словам *дзеля*;

«нявытрыманасць» тэрміналогіі, якая выявілася ў стракатай разнастайнасці выразаў «для азначэння адных і тых самых разуменняў». Непаслядоўнасць ва ўжыванні тэрмінаў М. В. Грэдынгер прызнае за самую шкодную з’яву для практычнага карыстання кодэксам. Напрыклад, слова *доказательство* амаль што не ўсюды ў кодэксе перакладзена словам *давад*, а ў артыкуле 147 – не *давад*, а *вывады*; тэрмін *допрос* у беларускай рэдакцыі звычайна перакладаецца як *допыт*, але ў артыкулах 207 і 211 «надта няўдалы тэрмін» *апытаньне*; рускае слова *взыскание* мае адпаведны зместу гэтага разумення беларускі эквівалент *спяганьне*, які выкарыстоўваўся ў папярэдніх заканадаўчых актах, аднак нягледзячы на гэта ў артыкуле 275 фігуруе *ўзысканьне*. Вялікую неаднастайнасць адзначае М. В. Грэдынгер у перакладзе тэрміна *определение* (*азначэнне* і *паста нова*); цэлы калейдаскоп беларускіх адпаведнікаў выяўлены ім для слова *возбуждается* ў выразе *дело возбуждается* (*падаецца*, *падымаецца*, *узбуджаецца*, *пачынаецца*);

ужыванне замест усталяваных у папярэднім заканадаўстве тэрмінаў іншых, уведзеных Наркамюстам: замест *судовы збор* – *судовая мыта*, замест *даведка* – *спраўка*, замест *непаўналетнія* – *недалетнія*;

«неадпаведнасць выразу арыгінала і перакладу». Напрыклад, у артыкуле 118 арыгінальнага тэксту ГПК апошняе слова з выразу *суд, прызнавая дело достаточно выясненным, прекращает судопроизводство* перакладзена беларускім адпаведнікам *разбор*. Нельга прызнаць, што сэнс тэрмінаў *судопроизводство* і *разбор* супадае, адзначае М. В. Грэдынгер. У артыкуле 57 выраз *день нерабочий* перакладзены як *день адпачынку*, а гэта значна парушае сэнс нормы.

Падобныя заўвагі, якія займалі многія старонкі ў навуковых і навучальных працах М. В. Грэдынгера, сведчаць аб жывой цікавасці правазнаўца да беларускай юрыдычнай тэрміналогіі і яго актыўным удзеле ў яе ўдасканаленні.

К канцу 1930-х гг. палітыка беларусізацыі была згорнута, што істотна затармазіла выпрацоўку і развіццё тэрміналогіі і іншых лінгвістычных сродкаў мовы права.

Заклучэнне. Вывучэнне прац 1920–1930-х гг. спецыялістаў у галіне права, у якіх узнімаліся і вырашаліся праблемы выпрацоўкі юрыдычнай тэрміналогіі, дазволілі прыйсці да наступных вывадаў.

Па-першае, у стварэнні беларускай юрыдычнай тэрміналогіі ў 1920–1930-я гг. вядучая роля належала менавіта спецыялістам у галіне права, а не філолагам. Пры гэтым лінгвістычныя асновы мовы права закладвалі не толькі беларусы паводле паходжання. Частка запрошаных вядомых дарэвалюцыйных навукоўцаў-юрыстаў прыняла даволі актыўны ўдзел у беларусізацыі беларускай юрыдычнай навукі і адукацыі, што выявілася ў авалоданні імі беларускай мовай і яе выкарыстанні пры стварэнні навуковых прац, навучальных дапаможнікаў, у навучальным працэсе, у публічным абмеркаванні праблем фарміравання тэрміналогіі. Такое стаўленне да выкарыстання беларускай мовы ў прафесійнай сферы заслугоўвае асаблівай увагі і вартае пераймання сучаснымі беларускімі спецыялістамі ў галіне права.

Па-другое, як высветлілася ў працэсе ўкладання беларускай юрыдычнай тэрміналогіі, не ўсе прынцыпы, прапанаваныя Навукова-тэрміналагічнай камісіяй пры Наркамасветы БССР, былі прыдатнымі для рэалізацыі. Юрысты ў сваіх публікацыях указалі на іх недасканалыя бакі і выказалі прапановы па карэкціроўцы канцэпцыі стварэння навуковай тэрміналогіі. У прыватнасці, гэта датычыла немагчымасці шырокага выкарыстання сродкаў жывой беларускай мовы для тэрмінатворчых мэт, неабходнасці выкарыстання актуальнай старабеларускай юрыдычнай тэрміналогіі, а таксама недапушчальнасці адмаўлення ад тэрмінаў іншамоўнага паходжання, якія набылі міжнародны характар. Разам з тым, параўнанне поглядаў на прынцыпы стварэння тэрміналогіі, выказаных у працах 1926–1928-х гг. і ў пазнейшыя гады, паказвае іх зменлівы характар і залежнасць ад устаноў лінгвістычнай ідэалогіі ў краіне.

Па-трэцяе, вынікі вывучэння тэрмінатворчай дзейнасці правазнаўцаў 1920–1930-х гг. выходзяць за межы вызначэння іх укладу ў выпрацоўку і развіццё лінгвістычных сродкаў мовы права і адкрываюць магчымасць пераасэнсавання поглядаў на аснову фарміравання беларускай літаратурнай мовы новага перыяду. У мовазнаўстве пашырана традыцыйнае меркаванне, што гэтай асновай паслужыла жывая народная мова. Аднак такі пастулат карэліруе толькі з першым этапам новага перыяду гісторыі літаратурнай мовы – XIX стагоддзем, калі асноўнай сферай яе выкарыстання была мастацкая літаратура. Як паказала вывучэнне тэрмінатворчай дзейнасці 1920–1930-х гг., сродкі іншых стыляў літаратурнай мовы, у прыватнасці мовы права, у значнай меры грунтаваліся на традыцыйнай аснове.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Сенько, А. Лингвистическое обеспечение норм законодательства о языке судопроизводства / А. Сенько // Юстыцыя Беларусі. – 2012. – № 3. – С. 72–75.
2. Гуткоўскі, М. Беларуская праўная тэрміналогія / М. Гуткоўскі // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. – 1927. – № 14–15. – С. 81–91.
3. Шаршун, В. А. Развитие классификации национального законодательства: исторический аспект [Электронный ресурс] / В. А. Шаршун // Проблемные вопросы теории и истории белорусской государственности : материалы круглого стола. – Минск, 2014. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/110411>. – Дата доступа: 30.11.2018.
4. Гуткоўскі, М. М. Сістэматычны паказчык (спроба сістэматыкі) заканадаўства Беларускай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі за 1919–1928 гады з альфабэтна-прадметным паказчыкам і спісам чынных на 1 студзеня 1929 году законаў / М. М. Гуткоўскі. – Менск : Выд. Кіраўніцтва спраў СНК і Экан. нарады БССР, 1929. – 263 с.
5. Лёсік, А. У справе беларускай навуковай тэрміналогіі / А. Лёсік // Польша. – 1926. – № 1. – С. 142–147.

6. Кнорин, В. Г. Избранные статьи и речи / В. Г. Кнорин. – Минск : Беларусь, 1990. – 303 с.
7. Гаўзэ Файфель Ісакавіч // Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск, 1997. – Т. 5 : Гальцы – Дагон. – С. 89.
8. Гаўзэ, Ф. Да пытання аб беларускай юрыдычнай тэрміналогіі / Ф. Гаўзэ // Вес. народ. камісарыяту юстыцыі БССР. – 1927. – № 1. – С. 23–25.
9. Партноў, А. Леў Акіншэвіч – гісторык украінскі і беларускі / А. Партноў // Беларус. гіст. агляд. – 1999. – Т. 6, сш. 1–2. – С. 248–255.
10. Окіншэвіч, Л. Да пытання пра беларускую юрыдычную тэрміналогію / Л. Окіншэвіч // Полымя. – 1928. – № 4. – С. 187–195.
11. Саракавік, І. А. Некаторыя асаблівасці развіцця юрыдычнай навукі і адукацыі Беларусі ў міжваенны перыяд / І. А. Саракавік // Вісн. Нац. ун-ту “Львів. політэхніка”. Юрид. науки. – 2016. – № 837. – С. 345–356.
12. Саракавік, І. А. М. В. Грэдынгер – вядомы беларускі вучоны-цывіліст, выкладчык / І. А. Саракавік // Юстыцыя Беларусі. – 2015. – № 4. – С. 76–79.
13. Грэдынгер, М. Да пытання аб аўтэнтычнасці тэксту закона пры раўнапраўнасці дзвюх ці некалькіх моў / М. Грэдынгер // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. – 1930. – № 25. – С. 77–90.
14. Ахремчик, Р. В. Гредингер Михаил Осипович [Электронный ресурс] / Р. В. Ахремчик, Е. А. Бондаренко, Т. М. Гончар // История НАН Беларуси в лицах. – 2015. – Режим доступа: <http://library.basnet.by/handle/csl/267>. – Дата доступа: 28.11.2018.
15. Грэдынгер, М. Да дзесяцігоддзя Грамадзянскага кодэкса ў БССР / М. Грэдынгер. – Менск : Выд-ва Беларус. акад. навук, 1933. – 76 с.
16. Кулеш, Г. І. Мова беларускага заканадаўства XX стагоддзя: генезіс і эвалюцыя / Г. І. Кулеш. – Мінск : БДУ, 2015. – 303 с.

References

1. Sen'ko A. Linguistic support of the norms of legislation on the language of legal proceedings. *Yustytsyya Belarusi* [Justice of Belarus], 2012, no. 3, pp. 72–75 (in Russian).
2. Gutkouski M. Belarussian legal terminology. *Pratsy Belaruskaga dzyarzhavnaga universiteta* [Work of the Belarussian State University], 1927, no. 14–15, pp. 81–91 (in Belarussian).
3. Sharshun V. A. Development of the classification of national legislation: the historical aspect. *Problemye voprosy teorii i istorii belorusskoi gosudarstvennosti : materialy kruglogo stola* [Problem questions of the theory and history of the Belarussian statehood: materials of a round table]. Minsk, 2014. Available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/110411> (accessed 30.11.2018) (in Russian).
4. Gutkouski M. M. *Systematic index (attempt of systematics) of the legislation of the Belarussian Socialist Soviet Republic for 1919–1928 with an alphabetic subject index and a list of laws in effect on January 1, 1929*. Minsk, Publishing House of the Office of the Council of People's Commissars and the Economic Council of the BSSR, 1929. 263 p. (in Belarussian).
5. Lesik A. Regarding Belarussian scientific terminology. *Polymya* [Flame], 1926, no. 1, pp. 142–147 (in Belarussian).
6. Knorin V. G. *Selected articles and speeches*. Minsk, Belarus' Publ., 1990. 303 p. (in Russian).
7. Gauze Fayfel' Isakavich. *Belaruskaya entsyklopedyya. T. 5* [Belarussian encyclopedia. Vol. 5]. Minsk, 1997, pp. 89 (in Belarussian).
8. Gauze F. To the question of Belarussian legal terminology. *Vesti narodnaga komisaryyatu yustytsyi BSSR* [News of the People's Commissariat of Justice of the BSSR], 1927, no. 1, pp. 23–25 (in Belarussian).
9. Partnou A. Leo Akinshevich – Ukrainian and Belarussian historian. *Belaruskі gıstarychny aglyad = Belarussian Historical Review*, 1999, no. 1–2, pp. 248–255 (in Belarussian).
10. Okinshevich L. To the question of Belarussian legal terminology. *Polymya* [Flame], 1928, no. 4, pp. 187–195 (in Belarussian).
11. Sarakavik I. A. Some features of the development of legal science and education in Belarus in the interwar period. *Visnik Natsional'nogo universitetu "Lviv'ska politekhnikha". Yuridichni nauki = Bulletin of the Lviv Polytechnic National University. Series of Legal Sciences*, 2016, no. 837, pp. 345–356 (in Belarussian).
12. Sarakavik I. A. Gredinger – famous Belarussian scientist, civilist, teacher. *Yustytsyya Belarusi* [Justice of Belarus], 2015, no. 4, pp. 76–79 (in Belarussian).
13. Gredynger M. To the question of the authenticity of the text of the law at equality of two or more languages. *Pratsy Belaruskaga dzyarzhavnaga universitetu* [Works of the Belarussian State University], 1930, no. 25, pp. 77–90 (in Belarussian).
14. Akhremchik R. V., Bondarenko E. A., Gonchar T. M. Gredinger Mihail Osipovich. *Istoriya NAN Belarusi v litsakh* [History of the National Academy of Sciences of Belarus in persons]. Available at: <http://library.basnet.by/handle/csl/267> (accessed 28.11.2018) (in Russian).
15. Gredynger M. *The decade of the civil code of the Byelorussian SSR*. Minsk, Publishing House of the Belarussian Academy of Sciences, 1933. 76 p. (in Belarussian).
16. Kulesh H. I. *Language Belarussian legislation of the twentieth century: genesis and evolution*. Minsk, Belarussian State University, 2015. 303 p. (in Belarussian).

Информация об авторе

Кулеш Анна Ивановна – доктор филологических наук, профессор. Белорусский государственный университет (ул. К. Маркса, 31, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: kulesh_bsu@tut.by

Information about the author

Hanna I. Kulesh – D. Sc. (Philol.), Professor. Belarussian State University (31 K. Marksa Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: kulesh_bsu@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 82.0
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-71-77>

Поступила в редакцию 12.11.2019
Received 12.11.2019

Ли Лунь

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Аннотация. В условиях глобализации является важным осуществление эффективной межкультурной коммуникации, что требует четкого осознания взаимосвязи языка и культуры. Поэтому в настоящей статье рассматриваются подходы к определению связи языка и культуры на основе анализа научных работ и публикаций. Устанавливается, что в современном научном дискурсе существует три точки зрения на характер взаимосвязи культуры и языка; приводится характеристика данных подходов. Анализируются формы влияния культуры на язык, а также рассматривается гипотеза о влиянии языка на культуру. Определяется, что наиболее целесообразным является рассмотрение языка как элемента культуры.

Ключевые слова: культурные различия, культура, язык, лингвокультурология, концепт, восприятие, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Ли Лунь. Язык и культура: аспекты взаимосвязи и взаимовлияния / Ли Лунь // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 1. – С. 71–77. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-71-77>

Li Lun

Belarusian State University, Minsk, Belarus

RELATIONSHIP BETWEEN LANGUAGE AND CULTURE

Abstract. In the context of globalization, it is important to implement effective intercultural communication, which requires a clear understanding of the relationship between language and culture. Therefore, this article discusses approaches to determining the relationship between language and culture based on the analysis of scientific papers and publications. It is established that there are three points of view on the nature of the relationship of culture and language in modern scientific discourse; characteristics of these views are given. The forms of influence of culture on the language are analyzed, and the hypothesis of influence of the language on culture is also considered. It is determined that the most appropriate is the consideration of language as an element of culture.

Keywords: cultural differences, culture, language, cultural linguistics, concept, perception, intercultural communication

For citation: Li Lun. Relationship between language and culture. *Vesti Natsyonal'nai akademii nauk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 1, pp. 71–77 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-71-77>

Введение. Язык и культура представляют собой два базовых элемента человеческой цивилизации. Однако соотношение данных элементов в настоящее время до сих пор не установлено, несмотря на то, что взаимосвязь языка и культуры изучается в рамках различных научных дисциплин: социолингвистики, этнолингвистики, лингвострановедения, педагогики, лингвокультурологии, филологии и др. Культурные явления, отраженные в языке, изучали Э. Кассирер, А. Моль, Г. Гадамер, Б. М. Гаспаров, Ю. М. Лотман, Ю. С. Степанов, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский и др. Культурологические и философские основы понимания отношений языка, культуры и мышления рассматривались в работах В. Гумбольдта, Ш. Балли, И. А. Бодуэна де Куртене, Л. Вайсгербера, Ж. Вандриеза, Э. Сепира, Б. Уорфа и других исследователей. Вопрос взаимосвязи языка, культуры и этноса изучался А. И. Афанасьевым, А. Брюкнером, Ф. И. Буслаевым, В. В. Воробьевым, В. В. Ивановым, Л. Г. Корсунской, К. Леви-Строссом и др. Исследованием взаимодействия языка и культуры в рамках лингвокультурологии занимались Н. Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, П. М. Бицилли, А. Вежбицкая, В. В. Воробьев, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, В. М. Шаклин. В то же время П. И. Дышлевый, Е. С. Кубрякова, О. А. Леонтович, В. А. Маслова, Р. Хукер, Л. В. Яценко рассматривали картину мира, которая возникает в силу специфики языка в сознании его носителей [1, с. 7–8]. Тем не менее четкий ответ на вопрос о характере взаимосвязи языка и культуры отсутствует. Понимание данного аспекта имеет важное практическое значение, по-

сколькo различия культур, выраженные средствами языков-носителей, могут стать причиной коммуникативных неудач в рамках межкультурного взаимодействия, что в свою очередь может привести к развитию конфликтов, торможению развития общества или технологий и др. Поэтому участники межкультурной коммуникации (в эпоху глобализации – каждый человек) должны осознавать и понимать характер взаимосвязи культуры и языка, что позволит избежать коммуникативных ошибок и неудач. Именно выявление данной взаимосвязи является целью настоящей статьи. Для достижения поставленной цели нами определены следующие задачи: подбор и изучение научной литературы по теме исследования; анализ подходов к проблеме взаимодействия культуры и языка; выявление основных механизмов взаимодействия культуры и языка.

Материалы и методы исследования. Материалом для исследования явились авторефераты диссертаций, научные статьи и публикации по теме исследования, представленные в списке библиографических ссылок. Основным методом исследования – анализ научной литературы, также применялись методы сопоставления, синтеза, обобщения, систематизации, описательный метод.

Результаты и их обсуждение. На основе анализа научной литературы нами было выявлено три основных подхода к пониманию взаимодействия культуры и языка:

- 1) язык отражает культуру;
- 2) язык детерминирует культуру;
- 3) язык – составной компонент культуры.

Различия в первых двух подходах основаны на разных точках зрения на роль языка в культуре, что будет рассмотрено нами далее, а отличия данных подходов от третьего базируются на разном понимании понятия «культура». Так, в рамках первых двух подходов культура понимается как совокупность достижений человечества в производственном, общественном и духовном отношении, в то время как третий подход рассматривает культуру в большей степени как высокий уровень развития в общественном и духовном плане. Рассмотрим различия данных подходов более подробно.

Язык отражает культуру. Данный подход является наиболее представленным в научном дискурсе и отражается в работах Г. А. Брутяна, Е. И. Кукушкина и Э. С. Маркаряна [2], Ван Хайтао [3], О. Д. Павловой [1] и др. Названные авторы полагают, что язык представляет собой отражение культуры, поскольку он олицетворяет действительность, а культура – неотъемлемый компонент данной действительности. Язык тесно взаимосвязан с культурой и представляет собой «орудие» создания, развития, хранения культуры, соответственно, является ее важной частью, поскольку именно с помощью языка создаются реальные, объективно существующие произведения материальной и духовной культуры.

Отражение культуры осуществляется посредством сложноорганизованных систем языка. В большей степени культура транслируется через лексическую систему, поскольку полное постижение национального культурного своеобразия какого-либо народа доступно лишь посредством языковых средств [3, с. 7]. В рамках лексических средств выражаются своеобразие народа, национальная культура, ее национальный характер, что отражается на формировании языковой картины мира как итога познавательного взаимодействия человека с окружающей действительностью в условиях отдельной культурной среды. Так, по убеждению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, практически каждое слово русского языка включает в свою семантику лексический фон, который отличает данное слово от ближайших иноязычных соответствий [4, с. 77]. В связи с этим Лю Жуйфэн отмечает, что неполное или неверное понимание лексических единиц языка, игнорирование национального лексического фона, включенного в объём их семантики, приводит не только к обедненному усвоению самих данных единиц, но также и к непониманию текстового материала, в котором они функционируют [5, с. 11].

Соответственно, при таком подходе становится понятным, что язык как человеческий феномен следует изучать исключительно в рамках культурного контекста. Именно такой подход позволит понять многие его аспекты.

В рамках нашего исследования мы столкнулись с несколькими формами отражения культуры в языке.

1. Культура отражается в символических значениях лексических средств языка, т. е. язык на уровне отдельных образов, заключенных в коннотациях слов, дает оценку культурным явлениям.

Для описания взаимодействия культуры и языка в данной форме в лингвокультурологии даже был введен термин – «концепт» – «единица взаимодействия языка, культуры и мышления носителя данного языка» [6, с. 9]. В качестве примера концепта можно привести восприятие одного и того же образа в различных культурах. Так, для китайцев сорока является хорошим знаком, что отражается в паремиологическом фонде языка: «Сороки поют, и пришли родственники». В русской культуре сорока имеет более негативный образ и выступает воплощением плутовства и болтовни, любви к сплетням и их распространения: «Что там болтают сороки!», «Всякая сорока от своего языка погибает», «Сорока скажет вороне, ворона – борову, а боров – всему городу». Аналогична ситуация с восприятием дракона. В Китае дракон – символ бога, национальный тотем, который дал жизнь китайскому народу. В западном обществе дракон воспринимается как монстр, который может изрыгать огонь, и часто становится символом зла. Поэтому при переводе выражение «четыре азиатских маленьких дракона» (имеются в виду страны Тихоокеанского региона) на Западе решили преобразовать в «четырёх азиатских тигров».

Следует отметить, что подобные различия возможны не только в достаточно далеких культурах, как Китай и Россия. Также разное восприятие схожих образов возможно в более близких культурах. Так, например, в Америке и России совершенно по-разному воспринимается концепт «счастья». В русской культуре «счастье» понимают как нечто максимально желанное, стихийное, посланное свыше. Американцы значительно более приземленные в понимании счастья: оно заключается для них в простых, чаще всего материальных вещах. При этом счастье рассматривается не как самоцель, а как одна из приятных составляющих жизни [7, с. 270].

2. Культура транслируется через репрезентативность явления в языковой действительности, т. е. более важные явления являются более лексически представленными в языке. Например, поскольку эскимосы живут в чрезвычайно холодном арктическом регионе и их жизнь сопровождается снегом круглый год, в эскимосском языке используется более 100 словарных слов, описывающих снег. В русском языке используется только слово «снег», которое может дополняться разными эпитетами или сопровождаться описанием.

Другой пример касается наименований верблюдов. В русском языке верблюды различаются как «одногорбый верблюд» и «двугорбый верблюд». Но в Африке, где преобладают пустыни, верблюды являются наиболее важным средством передвижения и тесно связаны с жизнью местных жителей. По этой причине люди в регионе африканских пустынь используют более 400 слов для различения верблюдов. Эти слова могут указывать на различные характеристики верблюдов, такие как возраст, пол, порода, размер и даже указать, могут ли верблюды перевозить более тяжелые товары.

Интересно также рассмотреть пример концептуализированной области «родина», на формирование которой оказали влияние: а) типологические особенности культуры, а именно отнесенность русской культуры к культурам коллективистского типа, для которых характерна крепкая связь с землей; б) специфика отношения ко времени, выражающаяся в привязанности к прошлому и в высокой ценности памяти о нем; в) жесткость и эмоциональная окрашенность оппозиции «свой–чужой», которые в целом обусловили особое отношение к своей земле; г) исторический контекст, наполненный тяжелейшими войнами: постоянная борьба за родную землю, необходимость ее защиты обусловили характер отношения русских к своей земле. Так, лексема «родина» входит в список «1000 самых употребительных русских слов»; она имеет около 15 синонимов и близких по смыслу слов, а также 5 антонимов; словообразовательное гнездо, включающее лексему «родина», содержит 272 единицы; лексемы «отечество» и «отчизна» входят в гнездо, состоящее из 42 единиц; паремиологическое поле концептуализированной области включает более 200 пословиц и афоризмов. Национально-культурная специфика данного фрагмента концептосферы становится наиболее отчетливой при сопоставлении с другими лингвокультурами, например, американской. Концептуализированная область «родина», включающая в американской культуре концепты «homeland», «motherland», «fatherland», «native land», «country», «land», «home», не совпадающие по семантике и контекстам употребления с концептами русской «патриотической триады», имеет иные историко-культурные предпосылки формирования. Во-первых, для американской культуры, имеющей не очень долгую историю и принадлежащей к индивидуалистскому типу, не характерны столь сильная привязанность к земле и прочная связь с прошлым,

присущие русской культуре. Во-вторых, американская история, не знавшая множества войн, направленных на защиту родной земли, не создала образа горькой, требующей жертвы, страдающей родины. В-третьих, особенности самоидентификации американцев определяются не столько местом рождения и принадлежностью к определенным национальностям или вероисповеданию, сколько приверженностью тем принципам и демократическим идеалам, которые были взяты за основу в период становления нового государства [8, с. 4–5].

Благодаря тому, что язык обладает таким свойством, как сохранение культуры, мы можем изучать особенности древних или далеких культур, о которых у нас нет достаточно полных и надежных сведений. Например, если в памятниках на некотором языке мы найдем различия слов со значением «наследство по закону» и «наследство по завещанию», то мы получим базу для выявления важных фактов относительно наследственного права в соответствующем обществе. При исследовании металлургической терминологии какого-либо из древних языков мы получим представление о том, какие приемы обработки металла были в то время известны данному народу.

3. Культура выражается в системных свойствах языка, т. е. лексические системы языка отражают определенное восприятие реальности, характерное для отдельной культуры. В качестве примера приведем исследование Н. А. Астафьевой [9, с. 11–12], изучающей систему лексических средств, обозначающих суточный цикл в финской и русской культуре. Согласно результатам исследования, периодизация суток в финской культуре имеет более жесткий характер в отличие от русской. Так, носитель русского языка и культуры может назвать утром промежутки между 4–11 часами или 5–12 часами, а ночью – с 0 до 3 часов или до 4 часов, в то время как финское утро четко ограничивается временем с 6 до 9 утра, а ночь в любых контекстах охватывает промежуток с 23 до 6 часов. Автор объясняет такие различия тем, что русская структура суточного цикла определяется характером деятельности человека, а не формальным членением суточного времени, т. е. время воспринимается субъективно, что обусловлено приоритетом характера и содержания деятельности. Например, русский человек считает, что утро начинается тогда, когда он проснулся и готовится к основной дневной деятельности, но ещё не приступал к ней. В финской культуре на периодизацию суток влияет предельно четкое разделение рабочего и нерабочего времени, что в свою очередь определяет особенности коммуникативного поведения.

В качестве еще одного примера можно привести анализ значения языковых единиц и их употребления в контексте, что позволяет сделать достаточно нетривиальные выводы об особенностях культуры, в частности о ее ценностных установках. Например, компонент отрицательной оценки в семантике русского слова «мелочность» позволяет заключить, что русская культура негативно оценивает погоню за небольшой выгодой, желание «не упустить своего» даже в мелочах [10].

Таким образом, мы можем видеть, что системы лексических средств выражают более глобальные и сложные, нежели отдельные образы и явления, аспекты культуры, как, например, восприятие времени или ценностные установки.

Говоря о восприятии реальности как отражении культуры в языке, следует заметить, что не только лексические средства могут выражать культурные особенности. Так, отличие способов мышления в рамках культуры может отражаться и в грамматических особенностях языка. Например, сравнение китайского и западного менталитетов, отраженных в культуре, показывает, что в Китае доминирует целостное, синтетическое мышление, а на Западе – аналитическое. Первое подчеркивает понимание, а второе – разум. Данное отличие способа мышления в структуре китайского языка проявляется в отсутствии морфологических изменений, нестрогом порядке слов в предложении, отсутствии фокуса в его структуре, подчеркивающего хронологический порядок и принадлежность объекту. Самодостаточные по смыслу, семантические и прагматические факторы преобладают над синтаксическими факторами. В западных языках важны полнота структуры предложения, изменения формы слов и четкие границы предложений. Предложение контролирует различные отношения с конкретным глаголом как ядром фразы, а языковая организация стремится выразить себя через определенный порядок. Западный язык является аналитическим языком, и само предложение выражает полный смысл. Китайский язык более универсален, менее структурирован, подчеркивает важность языковой среды для понимания семантики целого.

Язык детерминирует культуру. Второй подход к проблеме взаимоотношения языка и культуры основан на идеях В. Гумбольдта, разрабатываемых учеными Э. Сепиром и Б. Уорфом, которые сформулировали гипотезу лингвистической относительности. В основе теории лежит идея о том, что люди видят мир сквозь призму своего родного языка. В данной гипотезе выдвигаются следующие положения:

- 1) язык обосновывает способ мышления говорящего на нем народа;
- 2) способ познания действительности зависит от того, на каком языке мыслит человек [11].

Данная теория получила поддержку в трудах Й. Л. Вайсгербера, понимающего язык как «промежуточный мир» между объективной действительностью и сознанием, а также в работах других исследователей [3, с. 8]. Кратко излагая данную теорию, отметим, что она предполагает распространение специфического человеческого восприятия мира, характерного для отдельной культуры и зафиксированного в языке посредством обучения данному языку. Избежать такого влияния представляется исследователям невозможным, так как язык – это главная форма выражения и существования национальной культуры [1, с. 13].

В контексте данного подхода представляется важным осветить теорию концептуальной метафоры, предложенную Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в 1980 г. Данная теория переосмыслила существовавшие ранее представления о метафоре и объявила метафору базовой формой мышления: метафора не только воздействует на языковое выражение, но также и структурирует мысли человека и даже воздействует на его поступки. Своеобразие концептуальной метафоры заключается в том, что в ее основе «лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты. Эти концепты содержат представления человека о свойствах самого человека и окружающего его мира» [12, с. 52].

Один из наиболее ярких примеров концептуальной метафоры – восприятие жизни как пути. Так, выражения «идти по дороге жизни», «жизненный путь», «спутник жизни», «конец пути» (смерть или конец жизни) и многие другие формируют определенные представления о жизни как фундаментальном понятии культуры, что оказывает влияние на поведение личности.

Следует указать, что данный подход неоднократно критиковался в научной литературе, поскольку гипотеза лингвистической относительности не может быть ни доказана, ни опровергнута [13]. Нам представляется, что данный подход имеет под собой основания, поскольку люди мыслят в рамках лексической и грамматической систем языка, соответственно, мысли и высказывания людей строятся в рамках данных систем. Однако, как показывает практика, влияние языка на мышление не так сильно, как предполагали В. Гумбольдт, Э. Сепир и Б. Уорф (в строгой формулировке гипотезы).

Здесь следует также отметить такое явление, как заимствования, которое представляется невозможным при детерминированности культуры языком. Так, В. В. Воробьев указывает, что национальный характер культуры предполагает взаимодействие языков и культур народов, что ведет к их взаимному обогащению до целостного фундаментального основания – мировой культуры [1, с. 13]. Так, например, в китайской культуре и языке возникли новые лексемы, привнесенные из западных трудов по социальным наукам и технологиям, применяемым в производстве, такие как: «капитализм», «социализм», «философия», «логика», «КГБ», «президенты», «парламент», «радар», «робот». Со времени реформ и открытости Китая, вместе с многогранными и многоканальными контактами и обменами между культурами Поднебесной и Запада, понятия современной западной культуры во многом перешли в китайский язык. Теперь люди знакомы с такими словами, как «кока-кола», «вальс», «юмор», «интернет», «клон», «электронная коммерция», «акция», «облигация», «транснациональная корпорация», «СЕО» и «ТОЕФЛ», «IELTS» и «такси». В то же время на Западе возникли вещи, имеющие китайскую особенность: китайская кухня, китайская традиционная одежда, китайская травяная медицина, тайцзицюань (один из видов ушу), цигун (дыхательные упражнения в китайской медицине), фэншуй (определение по сторонам света наиболее благоприятного места для жилища), пекинская опера, каллиграфия, фарфор и палочки для еды.

Язык – составной компонент культуры. Данный подход предполагает, что язык является фактом культуры. Данного подхода придерживаются Н. И. Жинкин, К. Леви-Строс, В. А. Маслова и другие. Исследователи считают, что:

1) язык является составным компонентом культуры, которую мы унаследовали от наших предков;

2) язык является основным инструментом, посредством которого происходит усвоение культуры [14].

Данные аспекты могут быть проиллюстрированы рядом норм, которые касаются использования языка таким образом, как это принято в соответствующей культуре. К данным нормам относятся, например, правила комплементирования. Во многих европейских языках наблюдаются различные способы обозначения собеседника в зависимости от степени формальности общения. Так, в некоторых языках, в том числе и в русском, есть уважительная форма «вы» и дружеское обращение «ты». Круг ситуаций, в которых следует использовать то или иное обращение, различен в разных языках, т. е. в обслуживаемых этими языками культурах. При этом существуют языки (напр., английский, шведский), в которых подобное противопоставление обращений отсутствует в целом.

Также во многих языках для привлечения внимания собеседника и инициирования общения с ним используются обращения: «Настя!», «Miss!», «Молодой человек!». При этом в русской культуре обращение часто используется и в середине разговора для убеждения собеседника или смягчения несогласия, отказа. Для финской культуры подобное использование обращений является совершенно не характерным, поэтому подобное употребление обращений при общении с финнами может приводить к недоразумениям. В финской культуре подобное обращение может быть воспринято как панибратское похлопывание по плечу или как скрытое обвинение в том, что собеседник не слушает и необходимо специально привлекать его внимание [10].

Закключение. Язык и культура – это важнейшие средства коммуникации между членами этносоциальной общности, которые позволяют материализовать действительность в продуктах культуры и в языковых формах. Характер взаимодействия между данными средствами однозначно не определен, консенсус по данному вопросу в научном сообществе не достигнут. Нами было выделено три основных подхода к определению взаимосвязи между культурой и языком: 1) язык отражает культуру; 2) язык детерминирует культуру; 3) язык – составной компонент культуры. Так, первый и второй подходы в определенной степени противоречат друг другу, выявляя в качестве детерминант противоположные элементы. Представляется, что последний подход, рассматривающий язык как элемент культуры, является разрешением данного противоречия. Как указывал К. Леви-Строс, язык не является оторванным от остальной культуры комплексом, а составляет важную часть культуры народа, живущего в определенное время и в определенном месте [15].

Соответственно, язык и культура представляют собой определенное диалектическое единство, которое развивается в условиях взаимодействия друг с другом и с реальным миром. Поэтому важно учитывать культурную сторону использования языковых единиц, а также анализировать употребление языковых единиц с целью выявления особенностей соответствующей культуры.

Список использованных источников

1. Павлова, О. Д. Язык культуры как форма репрезентации этнокультурного сознания : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / О. Д. Павлова. – Нижневартовск, 2011. – 25 с.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 202 с.
3. Ван, Хайтао. Образ войны в русской и китайской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ван Хайтао. – Уфа, 2018. – 28 с.
4. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Индрик, 2005. – 1040 с.
5. Лю, Жуйфэн. Тематическая группа «война» в лингвосоциокультурном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Жуйфэн Лю. – СПб., 2014. – 24 с.
6. Байдак, А. В. Лингвокультурная репрезентация селькупской диады «жизнь – смерть» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / А. В. Байдак. – Томск, 2011. – 45 с.
7. Сидорович, Д. О. Концепт «счастье» в русском и английском языках / Д. О. Сидорович, А. Д. Долгова // Актуальные проблемы гуманитарного образования : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 окт. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. А. Воробьева (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – С. 264–271.
8. Ларионова, Д. Г. Национально-культурная специфика концептуализированной области «patria» и ее учет в обучении русскому языку американских студентов : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Д. Г. Ларионова. – СПб., 2011. – 25 с.
9. Астафьева, Н. А. Лингвокультурологический потенциал национальной модели суточного цикла в обучении русскому языку финских студентов : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Н. А. Астафьева. – СПб., 2017. – 24 с.

10. Шмелев, А. Русский язык и русская культура: точки соприкосновения и методы изучения / А. Шмелев // Мир рус. слова. – 2013. – № 1. – С. 37–42.
11. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике : [сб. ст.]. – М., 1960. – Вып. 1 / сост., ред. и вступ ст. В. А. Звегинцева. – С. 135–168.
12. Чудинов, А. П. Методика сопоставительного исследования политической метафоры / А. П. Чудинов // Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе : материалы рос. секции междунар. конф. «Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse» / под ред. А. П. Чудинова, Э. В. Будаева ; Цюрих. ун-т, Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – С. 161–170.
13. Панюта, С. И. Гипотеза лингвистической относительности: аргументы «за» и «против» [Электронный ресурс] / С. И. Панюта // Филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/krasnyh/Panuta.doc>. – Дата доступа: 11.08.2019.
14. Лосинская, Е. В. Связь языка и культуры как лингвокультурологическая проблема / Е. В. Лосинская, А. С. Асабаева // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф., г. Тольятти, 20–21 апр. 2018 г. : в 3 т. / Волж. ун-т им. В. Н. Татищева [и др.]. – М., 2018. – Т. 2 : Гуманитарные и социальные науки, образование. – С. 231–235.
15. Хроленко, А. Т. История постановки и решения проблемы «язык и культура» в мировой и отечественной науке [Электронный ресурс] / А. Т. Хроленко // Основы лингвокультурологии : учеб. пособие. – М., 2009. – Режим доступа: http://www.lib.csu.ru/ER/ER_LINGKUL/fulltexts/KhrolenkoAT_I.pdf. – Дата доступа: 11.08.2019.

References

1. Pavlova O. D. *Language of culture as a form of representation of ethnocultural consciousness*. Abstract of Ph. D. diss. Nizhnevartovsk, 2011. 25 p. (in Russian).
2. Maslova V. A. *Linguoculturology*. Moscow, Academia Publ., 2001. 202 p. (in Russian).
3. Wang Haitao. *The image of the war in Russian and Chinese linguistic cultures*. Abstract of Ph. D. diss. Ufa, 2018. 28 p. (in Russian).
4. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Language and culture*. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1040 p. (in Russian).
5. Liu Ruifeng. *Thematic group “war” in the linguistic, sociocultural aspect*. Abstract of Ph. D. diss. St. Petersburg, 2014. 24 p. (in Russian).
6. Baidak A. V. *Linguistic and cultural representation of the Selkup dyad “life is death”*. Abstract of Ph. D. diss. Tomsk, 2011. 45 p. (in Russian).
7. Sidorovich D. O., Dolgova A. D. The concept of “happiness” in Russian and English. *Aktual'nye problemy gumanitarnogo obrazovaniya: materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 18–19 oktyabrya 2018 g.* [Actual problems of humanitarian education: materials at the International scientific and practical conference, Minsk, October 18–19, 2018]. Minsk, 2018, pp. 264–271 (in Russian).
8. Larionova D. G. *The national-cultural specificity of the conceptualized area “patria” and its consideration in teaching Russian to American students*. Abstract of Ph. D. diss. St. Petersburg, 2011. 25 p. (in Russian).
9. Astaf'eva N. A. *Linguoculturological potential of the national daily cycle model in teaching Russian to Finnish students*. Abstract of Ph. D. diss. St. Petersburg, 2017. 24 p. (in Russian).
10. Shmelev A. Russian language and culture: areas of contact and ways of study. *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word], 2013, no. 1, pp. 37–42 (in Russian).
11. Whorf B. The relation of habitual thought and behavior to language. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, 1960, iss. 1, pp. 135–168 (in Russian).
12. Chudinov A. P. Methods of a comparative study of political metaphor. *Implitsitnye i eksplitsitnye strategii v vostochnoevropayskom politicheskom diskurse = Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse*. Yekaterinburg, 2014, pp. 161–170 (in Russian).
13. Panyuta S. I. The hypothesis of linguistic relativity: the arguments “for” and “against”. *Faculty of Philology, Moscow State University named after M. V. Lomonosov*. Available at: <http://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/krasnyh/Panuta.doc> (accessed 08.11.2019) (in Russian).
14. Losinskaya E. V., Asabaeva A. S. Communication of language and culture as a linguocultural problem. *Tatishchevskie chteniya: aktual'nye problemy nauki i praktiki: materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Tol'yatti, 20–21 aprelya 2018 g. T. 2. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, obrazovanie* [Tatishchev Readings: actual problems of science and practice: materials of the XIII International scientific and practical conference, Tolyatti, April 20–21, 2018. Vol. 2. Humanities and Social Sciences, Education]. Moscow, 2018, pp. 231–235 (in Russian).
15. Khrolenko A. T. The history of the formulation and solution of the problem of “language and culture” in the world and domestic science. *Osnovy lingvokul'turologii* [Fundamentals of linguoculturology]. Moscow, 2009. Available at: http://www.lib.csu.ru/ER/ER_LINGKUL/fulltexts/KhrolenkoAT_I.pdf. (accessed 08.11.2019) (in Russian).

Информация об авторе

Ли Лунь – аспирант кафедры теории литературы филологического факультета. Белорусский государственный университет (пр. Независимости, 4, 200030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: vic1211josse@outlook.com

Information about the author

Li Lun – Postgraduate student at the Department of Literature Theory, Faculty of Philology, Belarusian State University (4 Nezavisimosti Ave., 200030 Minsk, Belarus). E-mail: vic1211josse@outlook.com

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР
ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 316.36 (=411.16)(476)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-78-84>

Поступила в редакцию 16.07.2019
Received 16.07.2019

В. Ф. Батяев

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь*

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ ЕВРЕЕВ БЕЛАРУСИ

Аннотация. В современный период возрастает потребность всестороннего исследования социальной культуры этноса и ее важного компонента – семьи. В то же время изучению семейных отношений евреев Беларуси не уделялось достаточного внимания. В этнологической науке нет специальных научных трудов по этой проблеме. Между тем выявление с помощью структурного, сравнительно-исторического и функционального методов исследования религиозных обычаев, влияющих на брачно-семейные отношения, возраста вступления в брак и условий его повышения, механизмов заключения браков, причин поддержания устойчивости браков и сокращения числа разводов среди евреев представляет определенный научный интерес и имеет важное практическое значение. Брачно-семейные отношения евреев Беларуси в XVI – начале XX в. устанавливались религиозными обычаями (обручение юношей с 14, а девочек – с 12–13 лет, принуждение духовным судом к женитьбе 20-летнего холостяка, неодобрение браков ради богатства и браков между старыми и молодыми). Во второй половине XIX в. с ослаблением влияния раввината на общественную жизнь и повышением общеобразовательного уровня мужчины стали вступать в брак с 18, а женщины – с 16 лет. Устройством браков занимались «шадхонимы» (сваты, сватья), которые знакомили подходящие пары, помогали составлять предварительный и брачный договор. Семьи были многодетными и крепкими. Супружескую верность нарушали редко. Нарушителей наказывал духовный суд постом, физическим и публичным унижением. Существовал обычай «условного развода». Узжавший надолго муж оставлял жене разводное письмо, где было сказано, что если он не вернется к установленному сроку, жена может быть свободной. Для мужчин процесс развода был упрощен. Им достаточно было вручить жене разводной лист («гет»). С ослаблением влияния этих обычаев количество разведенных женщин сокращалось.

Ключевые слова: брак, муж, жена, раввин, сваты, семья

Для цитирования: Батяев, В. Ф. Семейные традиции евреев Беларуси / В. Ф. Батяев // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2020. – Т. 65, № 1. – С. 78–84. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-78-84>

Vasil F. Batsiayeu

*Center for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

FAMILY TRADITIONS OF JEWS OF BELARUS

Abstract. In the modern period, the need for a comprehensive study of the social culture of the ethnos and its important component, the family, is growing. At the same time there was no sufficient attention given to study of family relations of the Jews of Belarus. In ethnological science there are no special scientific papers on this issue. Meanwhile, the identification of religious customs that affect marriage and family relations, age of marriage and conditions for its increase, mechanisms of marriage, reasons for maintaining the stability of marriages and reducing the number of divorces among Jews using structural, historical and functional research methods is of particular scientific interest and has practical importance. Marital and family relations of the Jews of Belarus in the XVI – in the beginning of the XX century established religious practices (betrothal of young men from 14 and girls from 12–13 years old, forcing a spiritual court to marry a 20-year-old bachelor, disapproval of marriages for the sake of wealth and marriages between old and young). In the second half of the XIX century with the weakening of the influence of the rabbinate on public life and the increase in the general educational level, men began to marry at the age of 18, and women – in 16 years. Shadhonims (matchmakers) were engaged in arranging marriages, who introduced suitable couples and helped draw up a preliminary and marriage contract. Families were large and strong. Adultery

infidelity rarely violated. Violators punished the spiritual court by fasting, physically and publicly humiliated. There was a custom “conditional divorce”. The husband who was leaving for a long time left a letter of divorce to his wife, which said that if he did not return by the deadline, the wife could be free. For men, the process of divorce was simplified. It was enough for them to give his wife a check sheet (“het”). With the weakening of the influence of these customs, the number of divorced women declined.

Keywords: marriage, husband, wife, rabbi, matchmakers, family

For citation: Batyaev V. F. Family traditions of Jews of Belarus. *Vestsy Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 1, pp. 78–84 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-78-84>

В современный период возрастает потребность всестороннего исследования социальной культуры этноса и ее важного компонента – семьи. В то же время изучению семейных отношений евреев Беларуси не уделялось достаточного внимания. В этнологической науке нет специальных научных трудов по этой проблеме. Между тем выявление с помощью структурного, сравнительно-исторического и функционального методов исследования религиозных обычаев, влияющих на брачно-семейные отношения, возраста вступления в брак и условий его повышения, механизмов заключения браков, причин поддержания устойчивости браков и сокращения числа разводов среди евреев представляет определенный научный интерес и имеет важное практическое значение.

Брачно-семейные отношения евреев в XVI – начале XX в. устанавливались религиозными обычаями. Одной из заповедей Торы было благословение: «Плодитесь и размножайтесь». Раввины полагают, что «холостой человек живет без радости, без благословения и без счастья». Безбрачие воспринималось общиной как самое большое несчастье и позор. Еврей должен был жениться, даже если брак не сулил ему ничего хорошего. В то же время раввины не одобряли женитьбу ради богатства, советовали обращать внимание на характер и поведение братьев невесты, считали, что характер будущих детей будет похож на характер братьев их матери. Мудрецы говорили: «Продай последнее и женись на дочери ученого. Они не советовали жениться на девушках из более родовитого дома, чем дом мужа. Многие отцы мечтали выдать дочь даже за бедного жениха, но происходящего из знатной фамилии, или ученого. Не поощрялся брак между старыми и молодыми. Говорили: «Добрая жена – драгоценный дар, выпадающий на долю богобоязненного мужа; злая жена – проказа для мужа. Красивая жена – счастье для мужа, дети его жизни удваиваются» [4, с. 340; 7, с. 60; 9, с. 265; 10, с. 52; 12, с. 104, 106].

В XVI в. Шулхан-Арух, основываясь на Талмуде и раввинских кодексах, определял возраст вступления в брак для мужчины от 13 до 20 лет. Нормальным признавали возраст 18 лет. Мужчин, неженатых по неуважительной причине, в возрасте более 20 лет еврейский духовный суд мог принудить к женитьбе. Брачный возраст женщин начинался с наступлением половой зрелости. Но существовал обычай обручать малолетних дочерей, так как, накопив приданое для дочери, отец торопился поскорее выдать ее замуж, чтобы не растратить накопленное. Поэтому судьба женщины зависела от обручения ее с малолетства (12–13 лет) без ее согласия или по достижении физической зрелости, когда согласие невесты считалось обязательным. При этом жених и невеста сходились на смотринах. Жених должен в присутствии родных и близких с обеих сторон «посмотреть на невесту и себя показать» [4, с. 340; 9, с. 266].

В целях ограждения от соблазна, остерегая честь своих дочерей, в XVII и XVIII вв. родители обычно женили своих детей в более раннем возрасте, нежели в предшествующий период. Вступление в брак 13-летнего мальчика считалось вполне нормальным явлением, но случалось, что женили детей и в возрасте 11 и даже 10 лет, особенно сирот, чтобы они обрели опекуна-кормильца в лице тестя или свекра. Но если юноша моложе 18 лет посватался без ведома отца, председателя суда, родственников, то, согласно постановлению Литовского Вада главных еврейских общин 1623 г., сватовство считалось недействительным. Ранние браки существовали у евреев до середины XIX в. Юноши вступали в брак с 14 лет. Были случаи, когда женили девятилетних детей. Ранняя женитьба вызвана стремлением избежать призыва в армию. Заключению ранних браков способствовали религиозные обычаи, которые усиленно насаждали раввины. Они оказывали негативное влияние на материальное положение евреев. Родители жены обязывались содержать малолетних супругов в течение ряда лет. Семьи, состоявшие на их иждивении, росли

и умножались. При первом вступлении в самостоятельную трудовую жизнь молодой человек оказывался уже обремененным детьми, для которых приходилось подыскивать жениха или невесту. Для многих бремя преждевременных семейных забот оказывалось непосильным, отсюда обилие в ту пору «агун-жен», покинутых вместе с детьми своими мужьями. С ослаблением влияния раввина на общественную жизнь, вследствие повышения общего образовательного уровня, во второй половине XIX в. брачный возраст несколько увеличился и составил для мужчин 18, а для женщин 16 лет. В Каменце юноши и девушки вступали в брак в возрасте от 13 до 17 лет. Более половины евреев выходили замуж до 19 лет, 45 % – к 25 годам. Заботу о неимущих или невестах-сиротах брала на себя еврейская община, которая собирала деньги на приданое. В 70-е годы XIX в. в Могилеве в брак вступали в 16 лет. Родители старались иметь жен для своих сыновей из отдаленных мест. Отец семейства из Могилева жену одному сыну взял из Гродно, другому – из Херсона, а дочь выдал в Галицию. В Гомеле в конце XIX в. в 9,4 % браках муж и жена были ровесниками, в 53,2 % – муж был старше жены на 1–5 лет, в 9,1 % – с разницей в возрасте более 10 лет и в 7,5 % браков – жена на 1–4 года старше мужа. В начале XX в. брачный возраст у мужчин составлял 24–25 лет, а женщин – 22 года [1, с. 424; 2, с. 17; 4, с. 361, 363; 6, с. 65; 7, с. 60; 8, с. 22; 10, с. 52, 59; 12, с. 51; 14, с. 52; 15, с. 61, 62].

В конце XIX в. уровень брачности евреев был невысоким. Согласно переписи 1897 г., на 1000 человек каждого пола приходилось 365 мужчин и 355 женщин, состоящих в браке. В последующие годы, как показывают переписи 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., уровень брачности неуклонно повышался. В 1959 г. на 1000 лиц каждого пола в возрасте 16 лет и старше в браке состояли 764 мужчины и 569 женщин, в 1970 г. – соответственно 767 и 575, в 1979 г. – 779 и 576, а в 1989 г. – 791 и 582. Брачность в возрастных группах 25 и более лет была выше, чем в других возрастных группах, ее уровень среди лиц в возрасте до 30 лет был выше у женщин, а в остальных возрастных группах – у мужчин. В целом уровень брачности у мужчин был выше, чем у женщин. Это объясняется численным превосходством женщин над мужчинами. Этот показатель у городского населения был несколько выше, чем у сельского. По этому критерию среди наиболее многочисленных этнических групп евреи были на втором месте и уступали только украинцам [1, с. 429].

В 1991 г. в брачной структуре еврейского населения значительных изменений не произошло, за исключением того, что брачность среди женщин была выше, чем у мужчин лишь в возрастной группе 16 – 19 лет [1, с. 429–430].

Традиционно у евреев браки являются одноэтническими, так как межэтнические браки запрещались религиозными предписаниями. Однако под влиянием социально-экономических преобразований, роста образовательного и культурного уровня еврейского населения произошла демократизация брака, что создало условия для выбора партнера за пределами своей этнической общности и заключения браков с представителями других этнических общностей. В 1937 г. из вступивших в брак евреев 90,5 % составляли одноэтнические браки, 6,8 – с белорусами, 1,8 – с русскими, 0,7 – с поляками и 0,2 % – с украинцами. У евреев были и внутриродовые браки, т. е. мужем и женой могли стать двоюродные брат и сестра или более дальние родственники. Случаи принудительного выбора мужа (жены) были редкими. Имущественный антагонизм передавался от родителей к детям. Стремление сохранить и приумножить то, что уже было накоплено в семье, служило важным условием будущего брака. Различия в социально-экономическом статусе родителей влияли на взаимоотношения молодых людей [1, с. 430; 7, с. 60; 10, с. 53; 13, с. 375; 15, с. 62].

Заключением браков занимались сваты и свахи («шадхонимы»). Эту роль исполняли или родные жениха и невесты, или посторонние люди – профессиональные сваты и свахи. Они разъезжали по разным городам и местечкам, записывали, у кого из состоятельных евреев имелся сын, а у кого – дочь и с каким приданым. На основании этих сведений они старались познакомиться подходящие пары, сблизить их и, согласовав условия, соединить, часто без ведома родителей невесты. При успехе сваты получали с обеих сторон вознаграждение. Согласно постановлению Литовского Вада главных еврейских общин 1623 г., вознаграждение за сватовство, состоявшееся на расстоянии до 20 миль (вокруг данного места), полагалось по 48 польских грошей с каждой сотни (польских золотых приданого); а на расстоянии 20 миль и больше – если сват понес расходы – по литовской копе (грошей) с каждой сотни. Если один сват начал, а другой закончил

сватовство, то вознаграждение они делили между собой [1, с. 433; 3, с. 762; 4, с. 341; 8, с. 22, 23; 12, с. 104].

Первыми шагами на пути от сватовства к браку были «тноим» (предварительные условия). Между родителями жениха и невесты заключался письменный договор, в котором определяли размер приданого, дату свадьбы, срок предоставления молодым полного содержания (стола и квартиры) после свадьбы (один или два года). В договоре определяли также неустойку («кнас») для стороны, которая нарушит его. Подписание договора происходило в присутствии родных и гостей с обеих сторон и сопровождалось торжественным ужином, который назывался *Knassmahl*. Такие договора часто заключались неосмотрительно и легко нарушались еще до свадьбы, которая отменялась. Предбрачный договор вступал в действие, если до венчания жених вручал или посылал невесте подарки (*Siblonoth*). Дарили обычно золотые червонцы или женские украшения: кольца, серьги, пояса. После заключения предварительного договора о свадьбе невеста отправлялась на кладбище и просила покойных родственников незримо присутствовать рядом с ней в счастливый момент [1, с. 433; 2, с. 17; 3, с. 762; 4, с. 341; 9, с. 266; 10, с. 53; 11, с. 364].

Обручение совершалось в момент бракосочетания, под балдахином (*chuppa*), обычно по пятницам, перед наступлением субботнего вечера, когда жених под хупой надевал на палец невесты кольцо, а раввин или кантор громко читал «ктубу» (брачное обязательство) и семь благословений. В брачном обязательстве определялись обязанности мужа по отношению к жене, а также количество приданого с обеих сторон. По обычаю полный размер приданого не указывали, так как договор читали публично и оглашение полной суммы могло смущать жениха или невесту из бедной семьи, приданое которых было скудным. Поэтому принято было в договоре писать только установленный минимум приданого. Большая часть приданого по обязательству включалась в дополнительный договор – «Тосфотктуба», который публично не читали. Часто отец невесты выдавал дочери или зятю сверх предусмотренного приданого письменное обязательство («Штор хаци – зохар»). В нем отец брал на себя обязательство перед смертью завещать семье дочери деньги в размере половины той части наследства, которая придется на долю каждого из его сыновей. Бедные родители ограничивались тем, что содержали молодых на свои средства год или два после свадьбы. Некоторые родители или опекуны невесты обычно брали обязательство вручить денежную часть приданого лично жениху перед самым венчанием. Были случаи, когда жених, не получив обещанного, отказывался идти под венец. Дело с трудом улаживали сваты. Приданое отдавали молодым не раньше, чем через год или два после свадьбы, причем молодые ни под каким предлогом не должны были возвращать его родителям, которые очень часто применяли всевозможные ухищрения, чтобы вернуть свои деньги. После прочтения и подписания договора разбивали глиняную посуду и поздравляли родителей и жениха. Невеста при этом отсутствовала, так как считалось неприличным ее присутствие при таких договорах. Этим заканчивалась помолвка, и сваты получали вознаграждение за хлопоты [1, с. 433; 3, с. 762; 4, с. 343, 344; 9, с. 266, 267].

Молодожены после свадьбы традиционно переходили в дом невесты. Жизнь в кругу своей семьи обеспечивала молодой женщине защиту от мужа и его родственников, которые от нее ожидали выполнения домашних и хозяйственных работ. Молодая женщина имела возможность строить отношения с супругом в знакомой с детства обстановке и в окружении своих родственников (традиция рожать в родительском доме была главенствующей). В семье главную роль играла жена. Она отвечала за благополучие членов семьи, вела хозяйство, заботилась о муже, наставляла детей, являлась хранительницей домашнего очага, следила за соблюдением кашрута, обычаев и заповедей. В условиях постоянного отсутствия мужа, занятого поисками заработка, за все отвечала жена. Поэтому во многих семьях детей называли по имени матери, что затем переходило в наследуемые фамилии: Хайкины, Ривкины, Соркины, Эстеркины, Лейкины, Шифрины, Райкины, Малкины. В Турове к ним относились Гительманы (Гифа), Дворкины (Двейра), Иткины (Ита), Рашкины (Рохл, Рахель), Ривлины и Рышкины (Ривка), Сошкины (Сора, Сара) и др. [10, с. 53, 54].

В семье большим событием являлось рождение ребенка, при зачатии которого существовали суеверия. Считали, что ребенок родится глухим, если родители во время полового акта будут

разговаривать, хромым – если совокупление случится в извращенной форме, больным эпилепсией – если близость произойдет при включенном свете, худым – если зачатие будет не на расстеленной кровати, чахоточным – если супруги сблизятся сразу после дороги, вообще ни на что не годным – если муж принудит жену к половой близости. Советовали, чтобы жена внимательно вглядывалась в лицо мужа, если хотела, чтобы ребенок родился на него похожим. Полагали, что дитя будет выглядеть младше своих лет, если его зачали в начале месяца, и старше, если в конце. Бездетность считали гневом небес, наказанием за грехи. Для избавления от бездетности запускали магические средства, рекомендовали есть больше рыбы или получить напутствие от молодой пары, для которой ставили хупу. Женщине советовали сходить в баню вместе с беременной невестой или роженицей. Беременную оберегали от волнений и угождали ей. Она должна была получать только приятные впечатления и окружать себя красивыми вещами. Ее запрещалось дразнить и отказывать ей в просьбе. Считали, что неудовлетворенное желание приведет к выкидышу. Нельзя было есть лук и редьку, чтобы ребенок не родился с обычной внешностью, или требуху, которая якобы «забивала голову» и могла помешать воспринимать Тору. У евреев больше, чем у других национальностей выживало детей. Период отдыха после родов у еврейки составлял 7–8 дней. Освобождение от работ на этот срок позволяло восстановить силы, наладить кормление грудью, укрепить связь с ребенком в течение первых дней его жизни. Роженицы уделяли большое внимание личной гигиене, регулярно посещали микву, носили абсорбирующие повязки и меняли нижнее белье, пользовались современной медицинской помощью, следовали совету врачей [10, с. 55–57].

Евреи в средние века жили большими семьями. В XIV в. преобладали семьи из 14 человек. В XIX в. в еврейских семьях было много детей. В Турове – от 9 до 18. В XX в. более распространенными были малые семьи, состоящие из родителей и их детей. В начале XX в. еврейская семья в Гомеле насчитывала до 8, а в Могилеве – до 7 детей. В 20-е годы XX в. в местечке Селец Могилевской губернии в каждой семье было 8–9, а в деревне Сущево Быховского уезда – 6 человек. В 1989 г. одноэтнические еврейские семьи в целом по республике составляли 1,0 %, а в городах – 1,5 % среди таких же семей всех других этнических групп. Согласно переписям 1979 и 1989 гг., однонациональная статистическая семья состояла из 3 человек [1, с. 430; 5, с. 253; 10, с. 56; 12, с. 107; 15, с. 61].

Семейная жизнь у евреев отличается чистотой и крепостью. В еврейских семьях отсутствует алкоголизм, меньше распространены венерические заболевания, более заботливо относятся к детям. Распад семьи происходит редко. Развод по религиозному обычаю допускался. Хотя у евреев он был редким явлением, поскольку замужние строго соблюдали супружескую верность. Кроме того, воспитание большого количества детей привязывало жену к дому, а также муж и жена, занятые днем и ночью в течение шести дней торговыми и домашними заботами, только на седьмой день под страхом божественного наказания и общественного отвержения должны были молиться и отдыхать в семье. Разводились по причине супружеской неверности, разногласий между супругами, бесплодия, болезни одного из супругов, отсутствия материальных средств на содержание семьи, призыва в армию и др. Нарушение супружеской верности было крайне редким явлением и вызывало всеобщее суровое осуждение. Нарушителей духовный суд наказывал постом, физическим и публичным покаянием. Обвинения в неверности подлежали тщательному разбирательству. Ответчиков раввины наказывали публичным унижением. Согрешившему супругу (супруге) надевали на голову убор из перьев, и служитель синагоги водил провинившегося по улицам местечка. В то же время распространение слухов о супружеской неверности, порочащих чувства женщины, считалось тяжким преступлением, за которое еврейский духовный суд очень строго наказывал. Для восстановления поруганной семейной чести обращались в таких случаях к помощи раввина. Обидчика наказывали. Ставили в синагоге перед кивотом с двумя зажженными свечами в руках, громко просили прощения за свое сквернословие у Бога, а затем у оскорбленной женщины и у ее мужа. После публичного покаяния он должен в течение четырех недель сидеть во время богослужения за дверьми синагоги как человек, находящийся в глубоком трауре. Кроме того, он обязан уплатить оскорбленной семье судебные издержки по возбужденному в духовном суде делу. Женщины, уличенные в супружеской

измене, не подвергались суровому публичному покаянию, а чаще принуждались либо к разводу, либо к разлучению с мужем. Существовал обычай «условного развода». Уезжавший надолго муж оставлял жене разводное письмо, где сказано, что если он не вернется к установленному сроку, то жена может быть свободной. Такая предосторожность нужна была для того, чтобы сотни женщин не оставались бы «агунами», т. е. вечными вдовами, не имеющими права вторично выходить замуж из-за отсутствия точных известий о смерти пропавших мужей. Раввины разрешали женам выходить вторично замуж лишь после того, как надежными свидетельскими показаниями подтверждался факт смерти пропавшего мужа. Жены без вести пропавших мужей обречались на вечное вдовство. В 1897 г. вдов было 3 раза больше, чем вдовцов. В последующий период, прежде всего из-за потери мужского населения в военные годы, а также в результате более высокой продолжительности жизни женщин эта разница увеличивается. В 1979 г. в Беларуси вдов было уже в 5,9, а в 1989 г. – в 5,5 раза больше, чем вдовцов. Разведенных женщин в 1897 г. было в 4 раза больше, чем мужчин. Такое обстоятельство объясняется тем, что мужчины чаще вступают в повторный брак, а также существующими религиозными обычаями, которые упрощали процесс развода для мужчин. Им достаточно было лишь написать разводной лист «гет» на арамейском языке и вручить жене, тогда как женщине требовались доказательства перед раввинским судом о неспособности мужа к супружеской жизни или наличия неизлечимой болезни. Неверность мужа не давала права жене требовать развода. С ослаблением влияния этих обычаев на супружеские отношения разница в числе разведенных мужчин и женщин сократилась. В 1979 г. в Беларуси разведенных женщин было в 2,7, а в 1989 г. – в 2,4 раза больше, чем разведенных мужчин [1, с. 430; 2, с. 17; 4, с. 344 – 348; 7, с. 60; 9, с. 267 – 268; 10, с. 54, 57; 12, с. 104].

Таким образом, брачно-семейные отношения евреев Беларуси определялись религиозными установками и обычаями. Безбрачие воспринималось общиной как несчастье. До середины XIX в. существовали ранние браки. Межэтнические браки были редким исключением. Имели место внутриродовые браки. Заключение браков занимались «шадхонимы» (сваты, свахи), которые знакомили подходящие пары, помогали составлять предварительный договор «тноим» для заключения между родителями жениха и невесты и «ктубу» (брачный договор). Молодожены в течение одного–двух лет после свадьбы жили на полном содержании родителей. Семьи были многодетными и крепкими. Нарушение супружеской верности было крайне редким явлением. Оно сурово осуждалось. Нарушителей наказывал духовный суд постом, физическим и публичным унижением. Существовал обычай «условного развода». Уезжавший надолго муж оставлял жене разводное письмо, где было сказано, что если он не вернется к установленному сроку, жена может быть свободной. Этот обычай не позволял оставаться вечными вдовами женам, лишенным права вторично вступать в брак в случае пропажи мужа. Для мужчин процесс развода был упрощен. Им достаточно было вручить жене разводной лист («гет»). С ослаблением влияния этих обычаев количество разведенных женщин сокращалось.

Список использованных источников

1. Батяев, В. Ф. Евреи / В. Ф. Батяев // Кто живет в Беларуси / А. Вл. Гурко [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси. Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы. – Минск, 2012. – С. 402–452.
2. Гортынский, Н. Г. Записка о евреях в Могилеве на Днепре и вообще в Западном крае России / Н. Г. Гортынский. – 2-е изд., доп. – М. : Синод. тип., 1878. – 174 с.
3. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях : с двумя картами губернии и 17 резанными на дереве гравюрами видов и типов : в 3 кн. / сост. и под ред. А. С. Дембовецкого. – Могилев на Днепре : Тип. Губерн. правления, 1882. – Кн. 1. – 782 с.
4. История еврейского народа. – М. : Мир, 1914. – Т. 11 : История евреев в России / А. Н. Браудо [и др.]. – 528 с.
5. История Могилевского еврейства: документы и люди : науч.-популяр. очерки и жизнеописания : в 2 кн. – Минск : Юнипак, 2006. – Кн. 2, ч. 1 / сост. А. Литвин. – 387 с.
6. Котик, Е. Мои воспоминания / Е. Котик ; пер. с идиша М. А. Улановской ; под ред. В. А. Дымшица ; предисл. и примеч. В. А. Дымшица. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге ; М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гершарим, 2009. – 368 с.
7. Лившиц, В. М. Горецкая еврейская община: страницы истории / В. М. Лившиц. – Нацарт Илит, Горки, Могилев. обл. : [б. и.], 2010. – 298 с.

8. Областной Пинкос Ваада главных еврейских общин Литвы : собр. постановлений и решений Ваада (сейма) от 1623 до 1761 г. / текст с рус. пер. И. И. Тивима ; под ред. с предисл. и примеч. С. М. Дубнова. – СПб. : Типолитограф. И. Лурье и К^о, 1909–1912. – Т. 1 : 1623–1662. – 1909. – 324 с.
9. Розенберг, А. Я. О великом наследии прошлого с надеждой на духовное будущее / А. Я. Розенберг. – Минск : А. Н. Вараксин, 2011. – 313 с.
10. Смилевичкий, Л. Л. Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья / Л. Л. Смилевичкий. – Иерусалим : [б. и.], 2008. – 798 с.
11. Соболевская, О. А. Повседневная жизнь евреев Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX века / О. А. Соболевская. – Гродно : ГрГУ, 2012. – 443 с.
12. Цыпин, В. М. Евреи в Мстиславле / В. М. Цыпин. – Иерусалим : Скопус, 2006. – 373 с.
13. Шульман, А. Л. Место его уже не узнает его ... [неизвестные и малоизвестные страницы истории еврейских местечек Беларуси] / А. Л. Шульман. – Минск : Медисонт, 2007. – 465 с. – (Записки редактора журнала «Мишпоха»; кн. 1).
14. Яшчанка, А. Р. Гомель у другой палове XIX – пачатку XX ст. : гіст.-этнагр. нарыс / А. Р. Яшчанка. – Гомель : Гомел. каап. ін-т, 1997. – 79 с.
15. Ященко, О. Г. Повседневная жизнь еврейского населения Гомеля в начале XX века / О. Г. Ященко // Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX – начало XX века) : сб. материалов науч.-теорет. конф., Гомель, 21 сент. 2003 г. / Союз белорус. евр. обществ. об-ний и общин, Гомел. обл. евр. община «Ахдут» (Единство), Гомел. гос. ун-т ; редкол.: А. Л. Киштымыв [и др.]. – Гомель, 2004. – С. 61–64.

References

1. Batiayev V. F. Jews. *Kto zhivet v Belarusi* [Who lives in Belarus]. Minsk, 2012, pp. 402–452 (in Russian).
2. Gortynskii N. G. *Note about the Jews in Mogilev on the Dnieper and in general in the Western Territory of Russia*. 2nd ed. Moscow, Sinodal'naya tipografiya Publ., 1878. 174 p. (in Russian).
3. Dembovetskii A. S. (ed.). *Experience of describing the Mogilev province in historical, physical-geographical, ethnographic, industrial, agricultural, forestry, educational, medical and statistical relations. Book 1. Mogilev on the Dnieper*. Tipografiya Gubernskogo pravleniya Publ., 1882. 782 p. (in Russian).
4. Braudo A. I., Vishnitsker M. L., Gessen Yu. (et al.). *The history of the Jewish people. Vol. 11. Istoriya yevreyev v Rossii*. Moscow, Mir Publ., 1914. 528 p. (in Russian).
5. Litvin A. (compiled). *History of Mogilev jewry: documents and people: popular science essays and biographies. Book 2, part 1*. Moscow, Yunipak Publ., 2006. 387 p. (in Russian).
6. Kotik E. *My memories*. St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg; Moscow, Mosty kul'tury Publ.; Jerusalem, Gesharim Publ., 2009. 368 p. (in Russian).
7. Livshits V. M. *Gorki Jewish community: pages of history*. Nazart Illit, Gorki, Mogilev region, 2010. 298 p. (in Russian).
8. *Regional Pinkos Vaad of the main Jewish communities of Lithuania. Collection of resolutions and decisions of the Vaad (Sejm) from 1623 to 1761. Vol. 1*. St. Petersburg, Tipolitografiya I. Lur'e i Ko Publ., 1909. 324 p. (in Russian).
9. Rozenberg A. Ya. *On the great heritage of the past with hope for a spiritual future*. Minsk, A. N. Varaksin Publ., 2011. 313 p. (in Russian).
10. Smilovitskii L. L. *Jews in Turov: the history of the town of Mozyr Polesie*. Jerusalem, 2008. 798 p. (in Russian).
11. Sobolevskaya O. A. *Daily life of the Jews of Belarus at the end of the XVIII – first half of the XIX century*. Grodno, Grodno State University, 2012. 443 p. (in Russian).
12. Tsy-pin V. M. *Jews in Mstislavl*. Jerusalem, Skopus Publ., 2006. 373 p. (in Russian).
13. Shul'man A. L. *His place no longer recognizes him ... [unknown and little-known pages of the history of Jewish towns in Belarus]. Notes by the editor of the magazine "Mishpoha"*. Minsk, Medisont Publ., 2007. 465 p. (in Russian).
14. Yashchanka A. R. *Gomel in the second half of XIX – early XX century: historical and ethnographic essay*. Gomel, Gomel Cooperative Institute, 1997. 79 p. (in Belarusian).
15. Yashchenko O. G. Everyday life of the Jewish population of Gomel in the early XX century. *Evrei v Gomele. Istoriya i kul'tura (konets XIX – nachalo XX veka): sbornik materialov nauchno-teoreticheskoi konferentsii, Gomel', 21 sentyabrya 2003 g.* [Jews in Gomel. History and culture (the end of XIX – early XX centuries): collection of materials of the scientific and theoretical conference, Gomel, September 21, 2003]. Gomel, 2004, pp. 61–64 (in Russian).

Информация об авторе

Батяев Василий Федорович – доктор исторических наук. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: batiayev.41@mail.ru

Information about the author

Vasil F. Batiayev – D. Sc. (Hist.), Center for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: batiayev.41@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3.09-145
<http://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-85-91>

А. А. Бараноўскі

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
Мінск, Беларусь*

СПЕЦЫФІКА МАСТАЦКАГА ПАЗНАННЯ Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ФІЛАСОФСКОЙ ЛІРЫЦЫ

Анотацыя. Исследованы произведения белорусских поэтов В. Зуенка, Н. Метлицкого, А. Рязанова. В лирических текстах авторы предлагают индивидуально-авторские интерпретации картины мира, акцентируют внимание на «вечных» проблемах, посредством художественного выражения познают себя и мир. Кроме того, в исследовании косвенно отражена творческая эволюция поэтов, что дает возможность подчеркнуть некоторые векторы развития «поэзии мысли» и проследить за формированием авторского мировоззрения.

Ключевые слова: гносеология, познание, философская лирика, духовные и материальные ценности

Для цитирования: Бараноўскі, А. А. Спецыфіка мастацкага пазнання ў сучаснай беларускай філасофскай лірыцы / А. А. Бараноўскі // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 1. – С. 85–91. <http://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-85-91>

Aliaksandr A. Baranouski

*Center for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus*

SPECIFICITY OF ARTISTIC KNOWLEDGE IN MODERN BELARUSIAN PHILOSOPHICAL LYRICS

Abstract. The original works of Belarusian poets V. Zuyonak, M. Myatlicky, A. Razanau are examined in the article. Authors show individual author's interpretations of the world picture, focus on the "eternal" problems in the lyrical texts. Moreover, the article reflects indirectly the creative evolution of poets, it makes possible to emphasize the main vectors of the development of "poetry of thought", and to follow the formation of the author's worldview.

Keywords: epistemology, knowledge, philosophical lyrics, spiritual and material values

For citation: Baranouski A. A. Specificity of artistic knowledge in modern Belarusian philosophical lyrics. *Vestsy Natsyonal'най akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 1, pp. 85–91 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-85-91>

Гнасеалогія – раздзел філасофіі, у якім вызначаюцца перадумовы пазнання, даследуюцца яго магчымасці, выяўляецца ступень яго дакладнасці. Тэорыя пазнання даследуе ўмовы, механізмы, прынцыпы, формы і метады пазнавальнай дзейнасці чалавека.

І хоць тэрмін «гнасеалогія» ўведзены ў філасофію параўнальна нядаўна (у 1854 г. шатландскім філосафам Дж. Фэрэра), само вучэнне аб пазнанні і пазнавальных здольнасцях чалавека бярэ пачатак у старажытнагрэчаскай філасофіі (Геракліт, Парменід, Зянон, Платон, Арыстоцель і інш.).

Тэорыя гнасеалогіі сфарміравалася не адразу, прасачыць яе выразныя абрысы можна ў антычнай філасофіі. Тады з'явіліся формы і віды пазнання (эмпірычныя і тэарэтычныя), быў праведзены аналіз доказнасці ведаў. У Сярэдня вякі пад уплывам рэлігіі гнасеалогія стала супрацьпастаўляць разумовыя здольнасці духоўным адкрыццям. А ў Новы час аформілася ў самастойны раздзел філасофіі. Чалавек пачынае пераасэнсоўваць сваё месца ў свеце, перастае быць цацкай у руках вышэйшых сіл, набывае сваю волю і адказнасць.

Паступова афармляецца так званы **пазнавальны вобраз** – ідэальнае ўспрыманне аб'ектаў, якое адлюстроўвае адносіны іх падабенства. Для розных пазнавальных вобразаў згаданае падабенства неаднолькавае [1]:

– вобразы, якія ўзнікаюць пры непасрэдным узаемадзеянні суб'екта і аб'екта, уваходзяць у сістэму **пачуццёвых вобразаў**;

– вобразы апасродкаванага ўзаемадзеяння належаць да сістэмы **рацыянальных вобразаў**.

Сваё адлюстраванне тэорыя пазнання знайшла і ў творчасці сучасных паэтаў філасофскага кірунку. Як слухна заўважыла І. Шаўлякова, «паэтыка свету непазбежна адлюстроўваецца ў паэтыцы тэксту, дзе рэпрэзентуецца пэўны вобраз рэчаіснасці» [2, с. 177]. Сярод самых распаўсюджаных пытанняў тут – праблема сувязі асобы і прыроды і славітае *nosce te ipsum*. Праўда, шлях да асабістага пазнання нярэдка вядзе праз засваенне агульначалавечага вопыту.

Імкненне спазнаць мікра- і макракосмас у лірыцы Васіля Зуёнкі рэалізуецца праз усведамленне значнасці кожнага імгнення, праз успрыманне мовы як сакральнага пачатку. Лірычны герой творцы – «апошні магіканін, ахвярнік прашчурскіх бароў» [3, с. 18] верыць, што «Усё размерана на свеце: / Радзіны і хаўтурны звон» [3, с. 21] ды «Не падуладна толькі слова / Халоднай пэўнасці акоў» [3, с. 21]. Слова тым мацнейшае, паводле меркавання паэта, чым глыбейшая ў ім закладзена думка. У іншым выпадку нават слова можа быць «плоскім», а чалавек без роднай мовы пустым.

Словамі свайго лірычнага героя паэт канстатуе мізэрнасць матэрыяльнага, ён верыць, што думка, пачуццё, душа не паміраюць: «Сплывае гук, а думка застаецца – / як дрэва ў шаласценні залатым» [3, с. 25]. І хоць суб'ект лірычных твораў В. Зуёнкі – чалавек сталы і мудры, ён не прыпыняе здзіўлення, бо «Здзіўленне – подых абнаўлення, / Пункціры – абяцанне адкрыцця...» [3, с. 30].

Ды як бы чалавек не цешыў свой унутраны гонар, якіх вышынь не дасягаў бы, лірычны герой задаецца пытаннем:

На скрыжаваннях сусвету
Хто мы і колькі нас?
Пылінка. Малая пры гэтым.
Драбок галактычных мас [3, с. 40].

«Быццёвыя» пытанні ўзнікаюцца В. Зуёнкам ва ўсіх яго кнігах. Дзякуючы багатай метафоруцы, аўтар ператварае будзённае ў незвычайнае, малое ў вялікае, заглыбляецца ў сапраўдныя чалавечыя адносіны, спазнае сябе і свет. Вершам В. Зуёнкі ўласцівы ўнутраны драматызм і непадробнасць перадачы эмоцый. Гэтая рыса характэрна для ўсіх відаў лірыкі творцы (філасофскай, інтымнай, грамадзянскай, пейзажнай) на кожным з этапаў яе мастацкага росквіту: і ў 1960–1980-я гг. (зб. «Крэсіва», «Крутаяр», «Сяліба», «Нача», «Маўчанне травы», «Світалыныя птушкі» і інш.), і ў пачатку 2000-х гг. (зб. «Азірнуўшыся не скамянець...»). У апошніх зборніках творца ўсё часцей адыходзіць ад прыватных бытавых фактаў ці выпадкаў у бок агульначалавечых праблем. Узважыўшы досвед мінулага, лірычны герой класіка беларускай літаратуры заўважае:

І ўсё бліжэй, і ўсё бліжэй
За мною коціцца мой рогат:
«Багоў заўжды на свеце многа,
Бо чалавекам быць – цяжэй» [3, с. 36].

Творчасць В. Зуёнкі 2000-х гг. адзначылася мастацкім і філасофскім пераасэнсаваннем катэгорыі часу. Падсумоўваючы жыццёвы вопыт, творца апеллюе да «вечных» пытанняў, непазбежна звяртаючыся да паняцця хранатопу. Як слухна зазначыла Наталля Заяц, «прасторавы-часавы кантынум у паэзіі В. Зуёнкі адмысловы: лірычнаму герою побач з моцнай эмацыянальнай прыхільнасцю да мясцін маленства ўласціва глабальнае самаадчуванне сябе як часцінкі сусвету. Таму прасторавыя маркеры не зводзяцца толькі да зямной тапанімікі, а пашыраюцца за кошт касмічнай сферы» [4, с. 135]. Пацвярджэнне згаданага тэзіса знаходзім у вершах «Касмічная вестка», «Вогнішча. Месяц. Вечар...», «Небу» і інш.

Разважаючы над уласным прызначэннем на зямлі, лірычны герой В. Зуёнкі звяртаецца да Бога («Я знаю: малітва такая ёсць», «Не бойся жыцця: гэта выява Бога», «О Божа, злітуйся над

тымі...», «Божа мой, які ты літасцівы» і інш.). Тэма веры ў філасофскай лірыцы паэта непарыўна звязана з дуальнай апазіцыяй «жыццё–смерць». Наяўнасць апошняй найбольш характэрна для позняга перыяду творчасці мастака слова:

Жывеш – як часу даннік,
Надзея і працяг,
Нясеш пану пазнання
І смерці, і жыцця [3, с. 39].

Цікава, што В. Зуёнак амаль не выкарыстоўвае ў вітальна-танатычных вершах кампазіцыйны прыём супрацьпастаўлення: жыццё, паводле меркавання аўтара, не канфліктуе са смерцю, а сутнасць – з адсутнасцю:

Да кропелькі час адважыцца,
І ў сэрцы астыне біццё.
«Няма бясмерця», – вы скажаце...
А што ж тады ёсць жыццё? [3, с. 39].

Працяг думкі знаходзім і ў іншым вершы:

Як у скарбонку медзякі,
Як у ляток пражэрнасць трутня,
Як вадкасць тлумная ў глякі, –
Цячэ – і сутнасць, і адсутнасць!.. [3, с. 35].

Адзін з мацнейшых вобразаў В. Зуёнка – вобраз агню. Прыродная стыхія адначасова сімвалізуе і жыццё, і смерць. «З прыродаю бязмежнай і адвечнай» лірычны герой адчувае «крэўнасць» праз агонь:

Агонь стварае і агонь руйнуе.
У кропельцы малой – стыхія спіць.
Пытае розум: быць альбо не быць? –
А над усім – адзін агонь пануе [3, с. 47].

Шматзначнаць згаданага сімвала можна інтэрпрэтаваць па-рознаму (як знічшальны і як ачышчальны пачатак), але відавочна адно: лірычнага героя не палохае прыродная стыхія, яна выклікае ў яго захапленне.

Адметную рэалізацыю індуктыўнага і дэдуктыўнага метадаў спазнання рэчаіснасці прапанауе Мікола Мятліцкі: агульнае ў яго лірыцы нярэдка становіцца прадметам уласных разважанняў, прыветнае дазваляе спасцігнуць агульначалавечы досвед:

Паміж бяроз, дзе прадзедаў крыжы,
Ці размінёмся з найпакутным векам?
Сыходзяць ядры...
І на іх мяжы
Яшчэ цяжэй застацца чалавекам [5, с. 5].

Лірычнага героя М. Мятліцкага палохае «ядзерны нябыт» Радзімы, які «На шалі веку <...> паклаў свае ў пагрозе мегатроны» [5, с. 4], але, даводзіць паэт, у хуткаплынным зменлівым часе нялёгка захаваць маральнае чалавечае аблічча.

Лірычны герой, як і сам М. Мятліцкі, сталее. «Хлапчук-маўчун з гуллівымі вачыма» [2, с. 84], характэрны для ранняй лірыкі творцы («Абеліск у жыцце», «Мой дзень зямны», «Ружа вятроў», «Горкі вырай» і інш.), пакрысе саступіў месца даросламу чалавеку позняга перыяду творчасці («На беразе маім», «Цяпло бусьлінага крыла», «Чалавек падымае неба», «Мой боль вырастае да зор» і інш.), які стала глядзіць на свет і на жыццё: ён пахаваў бацькоў, зведаў пану перасялення, паспытаў на смак горыч расчаравання і асалоду захаплення, ён ведае, што такое падзенне і ўзлёт. Лірычны герой М. Мятліцкага адчувае моцную сувязь з Радзімай, з яе гісторыяй – мінулай, сучаснай, будучай. У разуменні гэтай сувязі паступова адбываецца працэс самапазнання лірычнага героя:

Колькі светаў было
пад нашым Сонцам, і яны,
змеценія хваляй часу,
успамінаюцца мной...
Бяру адзін з іх – першабытна-дзікунскі,
і ўжо, з вярэдлівым жалем, дзіўлюся патугам
закутага ў скуру прародзіча і думаю:
няўжо гэта ў нечым і я [5, с. 46].

Калі філасофскі пафас верша шчыльна судакранаецца з грамадзянскім, голас аўтарскага «Я» амаль ніколі не гучыць асобнай партыяй. Праз уласнае перажыванне творца рэтранслюе народны (нацыянальны ці агульначалавечы) досвед, па-мастацку агаляючы пры гэтым яго самыя баляючыя грані.

У агульнафіласофскіх і аўтабіяграфічных творах лірычны герой М. Мятліцкага ўзнімае шэраг пытанняў адносна ўласнай самаідэнтыфікацыі, але нярэдка згаданыя пытанні застаюцца рытарычнымі:

Хто я? – Вечны сузіральнік
Недасяжнай небнай шыры.
Нада мною, як пыталнік,
Млечны Шлях...
І зор пункціры [5, с. 47].

Гнасеалагічны пачатак упісваецца паэтам у кантэкст пошуку адзінства паміж знешнім і ўнутраным, паміж часовым і вечным, паміж «сёння» і «назаўжды». Урэшце, паэт прыходзіць да высновы, што чалавечае жыццё – гэта імгненне:

Усё ў імгненні ёсць!
Яно ўладарна, вечнае, ўзышло
Ў абсяжных межах гэтае планеты.
Сышліся ў ім ўсяго жыцця прыкметы,
Крыжэе шаблі ў ім Дабро і Зло.
<...>
Ляціць суетаў чорнае сяво...
Імгненне толькі...
Смерць і нараджэнне [5, с. 57].

Той жа матыў назіраем у іншым вершы М. Мятліцкага «Зямля»:

Зямля,
трымаючы нас
на скарынцы гунту,
<...>
гаворыць:
часовае ваша быццё! [5, с. 326].

Уласны скон не палюхае лірычнага героя. Элегічны настрой некаторых вершаў М. Мятліцкага звязаны галоўным чынам са стратай родных яму людзей, з заняпадам вёскі, у якой прайшло маленства.

Лепшыя вершы мастака слова нараджаюцца на піку эмацыянальнага перажывання. Крыніцай творчага натхнення пры гэтым можа быць усе, што хочаш, – ад палёту чалавека ў космас да ўсмешкі дзіцяці. Па словах літаратуразнаўцы В. Заманскай, «экзістэнцыяльная свядомасць, якая адкрыла чалавеку трагедыю яго існавання ў свеце, – неабходны атрыбут мастацкай літаратуры» [6, с. 23]. Узорныя вершы М. Мятліцкага характарызуюцца ўзвышанасцю пафасу, палётнасцю думкі і гранічнай шчырасцю з чытачом.

І калі сацыяльна-грамадзянскае сталенне паэта адбывалася праз спасціжэнне нацыянальнага вопыту (асэнсаванне ваенных і пасляваенных гадоў, перажыванне Чарнобыльскай трагедыі і інш.), то фарміраванню духоўнага стрыжня, мяркуючы па вершах, М. Мятліцкі абавязаны сваёй маці. Менавіта ёй паэт прысвяціў шэраг лірычных твораў: «Матчына хата», «– Мама!...», «Мама, якое высокае жыта», «Радаўніца», «Матчына просьба», «Бяссмерце» і інш.:

Мая душа не выстыла, павер,
 Не вее стыла чэзласцю пустыні.
 Рыпіць над студняй раніцай асвер,
 І рукі я цягну праз далячыні.
 <...>
 Світае ранне... Мама па ваду
 На двор сышла, прадзьмуты скразнякамі.
 Ці бачыш, мама, – побач я іду,
 Трымаю дужкі дужымі рукамі [5, с. 17].

Калі лірычны герой М. Мятліцкага разважае над лёсам зямлі, над спрадвечнымі праблемамі чалавецтва, ён паўстае перад чытачом як сапраўдны мудрэц-філосаф з вялікім жыццёвым вопытам і тонкай інтуіцыяй. Згадваючы матулю, родны Бабчын, сяброў маленства, М. Мятліцкі, як і герой яго твораў, зноў становіцца хлапчуком, якому не стае бацькоўскай пяшчоты, цеплыні, любові:

...Я сіратой пад небам стаю.
 Чорнае неба цэдзіць
 З сухмарка на магілу тваю
 Стронцый і цэзій.
 Мама, ішоў я з-пад крыл бяды
 Вёскаю скутай, нямой.
 Леглі шырока твае клады.
 Паразмаўляй са мной [5, с. 119].

Сваё духоўнае адраджэнне паэт звязвае з пачуццём любові да Радзімы і сям’і.

Гнасеалагічныя матывы ў лірыцы іншага паэта-інтэлектуала – Алеся Разанава – прадстаўлены праз спасціжэнне ісціны як асноваўтваральнага пачатку ўсяго існага:

Спазнаць –
 спазнаеш разважанні,
 трактаты, дні, календары,
 спазнаеш круг і скрыжаванне,
 спіраль...
 А ісціну – ствары [7, с. 10].

Аўтар усведамляе ісціну як індывідуальную праяву кожнага чалавека. Але тое, што бачыцца сапраўдным для аднаго, можа быць падманам для другога:

Шукаем ісціну.
 Сцюдзёна
 яна ў азоне і ў вадзе...
 Яе не знае здавалёны,
 яна сасмяглага вядзе [7, с. 9].

Цікава, што ў кожным новым паэтычным зборніку імкненне А. Разанава спасцігнуць таямніцы рэчыўнага свету толькі ўзмацняюцца. І калі В. Зуёнак і М. Мятліцкі ў сваёй творчасці ідуць ад духоўнага парыву (праз унутранае перажыванне імкнучца спасцігнуць законы светаўладкавання), то А. Разанаў бачыць свет матэматычна – праз знакі, сімвалы, формулы. Так, у прадмове да кнігі пункціраў «Такая і гэтакі: талакуе з маланкай гром» (2018) творца зазначаў: «Пункціры – акупункціры: у іх свая паэтыка, свае стасункі з рэчаіснасцю. Сціслыя, як формулы, і красамоўныя, як малюнкi, яны ў звычайным распознаюць істотнае і адрасуюцца ўсім і кожнаму» [7]. Называючы тую ці іншую рэч, паэт выклікае ў чытача не прамое ўяўленне пра самую рэч, а шэраг асацыяцый, якія з ёй звязаны.

Пры ўсёй сэнсавай глыбіні разанаўскіх паэтычных форм пункціры з’яўляюцца найбольш хаатычным адлюстраваннем рэчаіснасці, яны, так сказаць, уяўляюць сабой замалёўкі з прыроды, адбываюцца тут і цяпер, бо праз хвіліну рызыкуюць стаць неактуальнымі: «Сохнуць на плоце збанкі» [7, с. 65], «Снег усцілае зямлю» [7, с. 69], «Змяркаецца» [7, с. 70], «Вагаюцца цені ля вогнішча» [7, с. 83] і інш.

Лірычны герой у пункцірах – асоба не дзеючая, ён з’яўляецца пасіўным сузіральнікам, максімальна набліжаным да аўтарскага «Я», праз зрок, слых і вопыт якога чытач успрымае галоўны пасыл твора. Так, у адным з разанаўскіх наватвораў, спасцігаючы сэнс жыцця, лірычны суб’ект прыходзіць да разумення:

Блакiт нябёсаў,
луг стракагы
больш не узрадуоць таго,
хто страціў сэнс.
Бо сэнсу страта –
то, пэўна, страта усяго [7, с. 13].

Гнэсеалагічнае мысленне А. Разанава грунтуецца на эмпірычных метадах назірання і параўнання. Лірычны герой у такіх вершах – самотнік-інтраверт, здольны да аналізу і глыбокіх інтэлектуальных высноў: «Нібы святочная ёлка, / ззяе вокнамі новы дом: / ці за кожным радасць?» [4, с. 47], «Стаіўся за дрэвам – / і для паловы свету / стаў толькі дрэвам» [7, с. 52].

Лірык балансуе паміж аб’ектыўнымі ацэнкамі і суб’ектыўнымі асацыяцыямі. З аднаго боку, чытач павінен атрымаць магчымасць спасцігнуць чужыя адчуванні ўласным вопытам (інфармацыйны пасыл павінен быць зразумелым), з другога – прадмет адлюстравання ў лірыцы А. Разанава з’яўляецца індывідуальным аўтарскім перажываннем.

Я – рака.
Цяку ад таго,
Дзе быў,
Кім стаў...
А яно даганяе мяне берагамі [7, с. 27].

Заглыбленне А. Разанава ў метафізічную прыроду рэчаў пашырае прастору ілюзій і сэнсаў у яго творах. У фокусе разанаўскага спасціжэння свету – тэмы не толькі індывідуальнага характару, але і агульнабыццёвага. Так, адмысловым чынам раскрыта паэтам тэма жыцця і смерці:

Прадвесніца:
дрэвы
ўслухоўваюцца ў вестку,
пні – у немату [7, с. 90].

У лірыцы А. Разанава па-асабліваму арганізаваны час і прастора: у мастацкім тэксце адлюстроўваецца не рэальнасць, а яе ўспрыманне лірычным героем. Псіхалагізацыя прасторава-часовага кантэнтнаму наглядна праяўляецца ў лірыцы ў выглядзе змешвання розных храналагічных і тапаграфічных планаў. Як і ў іншых лірычных формах А. Разанава (квантэмах, вершаках, зномах, злесках), лірычны герой не ўспрымае навакольную прастору адзіна магчымай. Разанаўская тэорыя шматсветнасці грунтуецца на рэалізацыі матыву сну/снабачання («Блукаюць сны у лабірынце роздуму, / і ў снах блукае роздум – шлях людскі» [7, с. 15]), а таксама праз выкарыстанне вобраза люстэрка і яго аналагаў (студні, вітрыны, акна і інш.): «Блукаю сцягнутымі вуліцамі: / з вітрын / шлядзяць узорныя людзі» [7, с. 102], «Ходнік – люстэрка: / у неба ўваходзіць дождж» [7, с. 232].

Пры ўсёй знешняй халоднасці і эмацыянальнай суцішанасці лірычны герой А. Разанава не пазбаўлены пазітыўнага мыслення: «Цямнее: пара запальваць ліхтара / Цяжэе: пара ўсміхацца» [7, с. 109].

Такім тынам, як і ў XX стагоддзі, у пачатку XXI стагоддзя пытаннем першараднай важнасці для мастацтва і навукі становіцца пазнавальнасць свету. Гнэсеалогія канцэнтруецца на праблеме несупадзення свету ўяўнага (народжанага свядомасцю) і свету рэальнага (аб’ектыўна існуючага).

Так, В. Зуёнак, спрабуючы спазнаць сябе і свет, а таксама сябе ў свеце, імкнецца ўсебакова ахапіць рэчаіснасць, арыентуючыся на ўласную аксіялагічную базу і на гістарычны вопыт народа. Аўтар пашырае сацыяльна-гістарычныя і духоўныя далягляды. Яго лірыка канцэнтруе ў сабе і глыбокую філасофскую праблематыку, і нацыяльны досвед. Гнэсеалагічныя матывы мастака слова грунтуюцца галоўным чынам на пачуццёвых вобразах веры і бязвер’я, закранаюць праблему

прызначэння чалавека на зямлі. Асабліваю ўвагу аўтар надае захаванню культурных каштоўнасцей, у прыватнасці, мовы, без якой нацыянальная і чалавечая самаідэнтыфікацыя немагчыма.

Класічнай традыцыі пры рэалізацыі гнесеалагічных матываў прытрымліваецца і М. Мятліцкі. Лёс яго лірычнага героя цесна знітаваны з пакутным лёсам малой радзімы. Паэт не проста фіксуе гістарычныя рэаліі, ён імкнецца іх зразумець.

Іншым шляхам, у адрозненне ад папярэдніх аўтараў, пайшоў А. Разанаў. У малых лірычных формах-замалёўках творца адлюстроўвае той ці іншы момант рэчаіснасці і адначасова ўскосна перадае адносіны лірычнага героя да прадмета разваг. Спазнанне свету лірычным героем адбываецца мазаічна – праз спасціжэнне яе ключавых момантаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Аскольдов, С. А. Гносеология : статьи / С. А. Аскольдов. – М. : Изд-во Моск. Патриархии Рус. Православ. Церкви, 2012. – 198 с.
2. Шаўлякова, І. Наш універсум. Вопыт сімвалічнай інтэрпрэтацыі сучаснай беларускай літаратуры / І. Шаўлякова // Польша. – 1999. – № 6. – С. 186–189.
3. Зуёнак, В. Азірнуўшыся, не скамянець...: вершы, фрагменты з паэм / В. Зуёнак. – Мінск : Маст. літ., 2013. – 270 с.
4. Заяц, Н. Часавыя вымярэнні паэзіі Васіля Зуёнка : (на матэрыяле пакуль не выдадзеных кніг) / Н. Заяц // Маладосць. – 2016. – № 3. – С. 135–137.
5. Мятліцкі, М. Чалавек падымае неба / М. Мятліцкі. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2012. – 360 с.
6. Заманская, В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий : учеб. пособие / В. В. Заманская. – М. : Флинта, 2002. – 302 с.
7. Разанаў, А. Такая і гэтакі: талакуе з маланкай дождж : пункціры / А. Разанаў. – Мінск : Маст. літ., 2018. – 278 с.

References

1. Askol'dov S. A. *Gnoseology: articles*. Moscow, Publishing house of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2012. 198 p. (in Russian).
2. Shaulyakova I. Our Universe. The experience of symbolic interpretation of modern Belarusian literature. *Polymya* [Flame], 1999, no. 6, pp. 186–189 (in Belarusian).
3. Zuenak V. *Looking back, do not turn to stone...: poetry, excerpts from poems*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 2013. 270 p. (in Belarusian).
4. Zayats N. Timing measurements poetry Vasil Zuyenok: (on the material until published books). *Maladosts'* [Early], 2016, no. 3, pp. 135–137 (in Belarusian).
5. Myatlitski M. *A man raises the sky*. Minsk, Chatyry chvertsi Publ., 2012. 360 p. (in Belarusian).
6. Zamanskaya V. V. *Existential tradition in Russian literature of the 20th century. Dialogues on the borders of centuries*. Moscow, Flinta Publ., 2002. 302 p. (in Russian).
7. Razanau A. *Such and such: speaks with lightning a rain: points*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 2018. 278 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Барановский Александр Александрович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: lisorre@yandex.ru

Information about the author

Aliaksandr A. Baranouski – Ph. D (Philol.), Senior Researcher. Center for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, 220072 Minsk, Belarus). E-mail: lisorre@yandex.ru

ПРАВА
LAW

УДК 341.9.019
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-92-102>

Поступила в редакцию 06.11.2019
Received 06.11.2019

В. О. Павловский

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

**ФУНКЦИИ КРИТЕРИЯ НАИБОЛЕЕ ТЕСНОЙ СВЯЗИ В КОНТЕКСТЕ
ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Аннотация. Объектом исследования являются нормы коллизионного регулирования в международном частном праве. Предметом исследования выступают отдельные аспекты критерия наиболее тесной связи. Основная цель статьи – проанализировать возможность использования гибкой методологии определения применимого права на основе действующего законодательства Республики Беларусь, установить функциональную роль принципа наиболее тесной связи. Статья может быть использована в качестве начального научного ориентира при более детальном исследовании проблем применения принципа наиболее тесной связи. В авторском исследовании на основе приемов сравнительного правоведения рассматриваются основные аспекты функционирования и применения принципа наиболее тесной связи. Обосновывается идея о том, что для полноценного применения принципа наиболее тесной связи в отечественной правовой системе требуется наличие определенных изменений, а также тенденциозного отклика законодателя на процессы, происходящие в наиболее совершенных системах законодательства. Особое внимание уделено обоснованию необходимости актуализации коллизионного регулирования на современном этапе развития международного частного права. Приводятся примеры презумпций наиболее тесной связи и вспомогательных оговорок, участвующих в механизме определения наиболее тесной связи. Предложен ряд авторских дефиниций с учетом особенностей изученных правовых механизмов.

Ключевые слова: коллизионное регулирование, критерий наиболее тесной связи, гибкое регулирование, принцип наиболее тесной связи, методология определения применимого права

Для цитирования: Павловский, В. О. Функции критерия наиболее тесной связи в контексте гражданского законодательства Республики Беларусь / В. О. Павловский // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2020. – Т. 65, № 1. – С. 92–102. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-92-102>

Vilen O. Pavlovsky

Belarusian State University, Minsk, Belarus

**FUNCTIONS PRINCIPLE OF THE CLOSEST CONNECTION IN THE CONTEXT
OF CIVIL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Abstract. The object of the research is the current trends in flexible regulation in international private law. The subject of research is the individual aspects of the criterion of the closest connection. The main purpose of the article is to analyze the possibility of using a flexible methodology for determining applicable law on the basis of the current legislation of the Republic of Belarus. The article can be used as a scientific reference point (bridgehead) for a more detailed study of the problems of applying the principle of the closest connection. The author's study, based on the techniques of formal logic, examines the main aspects of the functioning and application of the principle of the closest connection. The idea is substantiated that for the full application of the principle of the closest connection in the domestic legal system, certain changes are required, as well as a tendentious response of the legislator to the processes occurring in the most advanced legislative systems. Particular attention is paid to the justification of the need to update conflict of laws regulation at the present stage of development of private international law. Examples of presumptions of the closest connection and auxiliary reservations involved in the mechanism for determining the closest connection are given. The study proposed a number of author's definitions, taking into account the characteristics of the studied legal mechanisms.

Keywords: conflict of laws; the criterion of the closest connection; flexible regulation; the principle of the closest connection, the methodology for determining the applicable law

For citation: Pavlovsky V. O. Functions principle of the closest connection in the context of civil legislation of the Republic of Belarus. *Vestsy Natsyonal'noi akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 1, pp. 92–102 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-92-102>

Введение. На сегодняшний день в частном праве остро стоит проблема обеспечения правовой определенности и предсказуемости по отношению к справедливому и эффективному решению конкретного спора исходя из фактического состава дела. Именно в этих координатах находятся диалектическое противоречие и неоднозначность принципа наиболее тесной связи, являющиеся предметом данной статьи. Если одна сторона явления (предсказуемости) находится в плоскости материализации частного права, то другая (эффективности) – в области теоретических аспектов коллизионного метода. Безусловно, справедливость и эффективность права – явление сложное, но, несмотря на кажущуюся непреодолимую догматику, эти оценочные категории должны задавать вектор исследовательской мысли современных научных изысканий. С одной стороны, право в широком понимании в последние десятилетия научилось преодолевать сложные барьеры, с другой – не может окончательно игнорировать особенности исторической преемственности, что обеспечивает наличие достаточно разносторонних подходов в правовых системах современности. Международное частное право должно всегда успевать за развитием общественных отношений, образуя гармонию развития права и законодательства, плавно уходя от образования лакун и пробелов.

Научные разработки по теме исследования. Следует отметить авторов, которые изучают схожие проблемы международного частного права, в их исследованиях можно найти различные аспекты принципа наиболее тесной связи и его структурных особенностей. Это такие современные ученые, как А. А. Шулаков, Р. М. Ходыкин, А. А. Асосков, S. Symeonides, а также классики М. Паздань, П. Норт, Дж. Чешир, М. Брун и другие.

Методология исследования. В данной статье на основе формально-логического метода проведена попытка обозначить проблемы критерия наиболее тесной связи в отечественном законодательстве, имеющие значение для доктринального и практического развития гибкого метода определения применимого права в международном частном праве. В качестве объекта исследования выступает гибкое регулирование в международном частном праве, предметом исследования являются отдельные аспекты критерия наиболее тесной связи.

Основная часть. Проблема предпочтительности выбора между жестким и гибким регулированием в международном частном праве практически не стоит в англосаксонской системе права, однако вызывает вопросы у стран с континентальным развитием правовой системы, образуя характерные явления, выраженные в образовании достаточно закрытой системы коллизионных норм, с невозможностью адекватной коррекции процесса правоприменения. Вместе с тем правоприменитель в отличие от законодателя всегда пытался изменить, преодолеть и смягчить коллизионное регулирование, создавая каучуковые и кумулятивные привязки – правила добросовестности, недопущения правовой шиканы, выработки правила о разумности лица, осмотрительности, защиты слабой стороны в правоотношении – *lex benignitatis*, указывая и акцентируя внимание на *lex ferenda*, незаметно отходя от *lex lata*. Проанализировав причины коллизионной революции в англосаксонской системе права (в особенности США), где переход к более гибкому регулированию на сегодняшний день является приоритетным, ученые пришли к выводу, что коллизионную революцию совершили судьи, принимающие решения путем игнорирования жестких предписаний законодателя, следуя сформировавшимся у них непосредственно субъективных взглядов и идей на справедливость и эффективность права, а именно используя судебное усмотрение, а также наиболее действенный и современный методологический инструментарий. Данное явление абсолютно закономерно, поскольку законодатель никогда не работает с эмпирикой, не проводит судебных разбирательств, не анализирует фактический состав дела, его работа заключается в другом – четком следовании юридической технике, а порой и лоббировании законодательных инициатив, девальвирующих выстроенную систему международного частного права. Вместе с тем, безусловно, нельзя требовать от законодателя предвидения всех фактических состояний общественных отношений, однако не стоит бояться кардинальной перестройки

системы коллизионного права. Следует отметить, что существует опыт европейских стран, которые сохранили историческую приверженность природе права, сохранив свою ценность, и вместе с тем одновременно имплементировали современные методы и принципы коллизионного регулирования, не свойственные для таких систем, например, Австрия и Швейцария [1–3]. Достижение золотой середины стало возможным благодаря закреплению общих, достаточно не детализированных положений (*escape general clauses*) «*избавительных оговорок, клаузул*», которые могут исправлять правовые пробелы, лакуны и быстро адаптироваться к изменяющимся условиям жизни общества. Следовательно, наличие определенной *диспозиции (люфта) между принципом правовой определенности и судебным усмотрением может устранять законодательный дисбаланс* [4]. Таким образом, важной на сегодняшний день тенденцией в развитии международного частного права является увеличение степени гибкости не только коллизионного, но и правового регулирования в целом. Основным инструментарием, который придает характер эффективности, предсказуемости наряду с коллизионно-правовой справедливостью, является принцип наиболее тесной связи, имеющий различное доктринальное и позитивное содержание в зависимости от правовой системы, в которой применяется [5]. Исходя из зарубежной литературы, название этого принципа в лексическом переводе может звучать различно – принцип наиболее близкой связи, существенной связи, принцип наиболее прочной связи, принцип близости правопорядка, наиболее правильный правопорядок [6]. И хотя сегодня в мире происходят процессы активной корреляции принципа в сторону его правового универсализма, отечественному законодателю не стоит игнорировать его регулируемую потенцию, а следовать руслу «стремления к наиболее совершенному законодательству», используя отказ от приверженности жесткого коллизионного регулирования и игнорирования некоторых условий исторической преемственности права.

Традиционно закон (критерий) наиболее тесной связи – *lex connectionis fermitatis* [7, с. 90–94] выступает как дополнительная формула прикрепления по сравнению с жесткими коллизионными привязками и регулирует круг договорных правоотношений. Исторически данная формула прикрепления сложилась в англосаксонской системе права относительно недавно, но уже получила закрепление в европейском частном праве: сначала в Римской конвенции 1980 г. о праве, применимом к договорным обязательствам [8], затем в Регламенте «Рим I» [9]. Согласно последнему нормативному акту, если подлежащее применению право не может быть определено на основании п. 1 и 2 ст. 4, договор регулируется правом страны, с которой он имеет наиболее тесную связь (п. 4 ст. 4). Наиболее тесная связь договора и применимого права определяется целым рядом факторов, специфичных для того или иного договора [6; 10]. Так, для договора международной перевозки грузов этими факторами могут быть место расположения основного коммерческого предприятия перевозчика, место погрузки или место разгрузки товаров. Если предметом контракта выступают вещные права в отношении недвижимого имущества, фактором наиболее тесной связи будет являться место нахождения недвижимости. Выражаясь предметно, фактор – это существенное условие, выраженное через элемент правоотношения, влияющее (имеющее значение) на установление наиболее тесной связи конкретного юридического состава с правовой системой.

Позитивная норма, основанная на тесной связи, содержится в п. 3 ст. 1093 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК РБ) [11], п. 4 ст. 1125 ГК РБ [11], в данных статьях имеет место различный подход к трактовке понятия наиболее тесной связи. В п. 3 ст. 1093 ГК РБ [11] закреплена тесная связь в качестве общего резервного правила, отражая подход «*the law of the real connection*», в этой статье отсутствует презумпция, критерий наиболее тесной связи применяется по остаточному правилу, подразумевая реальную связь не с договором, а с существом гражданского правоотношения. Как следует из дефиниции ст. 1093 ГК РБ [11], «определение права в целом к гражданско-правовым отношениям» означает, что подход «*the law of the real connection*» – понятие достаточно широкое по фактическому составу (широкий спектр учета различных факторов и видов правоотношения). Определение применимого права «сводится к установлению дополнительных элементов, именуемых в зарубежной науке «интегрированной контакт-оценкой» правоотношения [12], группы различных факторов без выделенной презумпции, не ограниченных определенным кругом отношений.

В договорных обязательствах критерий тесной связи закреплен в качестве субсидиарной оговорки. Так, п. 4 ст. 1125 ГК РБ [11] гласит, что «при невозможности определить исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора, применяется право страны, с которой договор наиболее тесно связан». Установление тесной связи конкретизируется посредством презумпции тесной связи через механизм характерного исполнения, что подтверждает возможность концепции тесной связи принятия различных форм содержания, отражая более узкий подход – «the proper law of the contract». Право, избранное сторонами договора, считается применимым (applicable law or the proper law of contract) и регулирует определенный круг вопросов, иначе говоря, подразумевает статут определенной группы правоотношений.

К примеру, в английской доктрине существует термин «proper law obligation» – правило «Rule 200» (в курсе А. Дайси и Дж. Морриса) в обязательствах из неосновательного обогащения, а также другие выделенные презумпции тесной связи – «the proper law is the...» (тесная связь с чем-то...), уточняющие предметный круг регулирования, где в самом объеме названия презумпции обозначена сфера действия критерия наиболее тесной связи. Таким образом, право, свойственное договору «proper law of the contract», – значение, не являющееся тождественным значению «the law of the real connection» [13]. Право, свойственное договору, носит более узкий и предметный характер. Термин «the proper law of the contract» означает «право, свойственное договору» и включает в себя право, определяемое в качестве применимого к общественному отношению как на основе принципа наиболее тесной связи, так и на основе прямого или подразумеваемого выбора сторон, сугубо в рамках договорного статута – *lex causae*.

Исходя из вышеуказанных положений следует, что механизм определения применимого права на основе критерия наиболее тесной связи присутствует в отечественной доктрине права, выраженный концепциями норм п. 3 ст. 1093 ГК РБ [11] – *the law of the real connection*, с неустановленными заранее презумпциями, и ст. 1125 п. 4 ГК РБ [11] – *proper law of the contract*, с установленной заранее презумпцией в отношении договорного статута. Следует различать смысл определений и помнить о субсидиарном (резервном) характере норм, в которых они отражены. Таким образом, более совершенной нормой с позиции актуального понимания тесной связи в науке частного права является тесная связь с неустановленной заранее презумпцией. С учетом положений законодательства определение критерия наиболее тесной связи можно выразить следующим тезисом – *критерий наиболее тесной связи, принцип определения применимого права, имеющий абстрактное содержание, выраженное неопределенным фактическим составом правоотношения.*

Функциональная природа принципа наиболее тесной связи в гражданском праве Республики Беларусь достаточно предсказуема и обусловлена форматом закрепления в системе норм международного частного права, систематизированных посредством Гражданского кодекса Республики Беларусь. Основную проблему, решаемую критерием наиболее тесной связи, можно выразить следующим предложением: принцип наиболее тесной связи предназначен для определения наиболее адекватного коллизионного регулирования гражданско-договорных обязательств при отсутствии соглашения сторон о выборе применимого права.

Такой вывод можно сделать исходя из формулировки, закрепленной в общей части раздела VII Гражданского кодекса Республики Беларусь о международном частном праве [11]. Данный раздел и его правила были реципированы из третьей части Модельного Гражданского кодекса для государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г. и носят субсидиарный характер [14]. Это подтверждает пункт 3 ст. 1093 ГК РБ [11], регламентирующий определение права, подлежащего применению к гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом, который гласит: «...если невозможно определить право, подлежащее применению, применяется право, наиболее тесно связанное с гражданско-правовыми отношениями, осложненными иностранным элементом...». В данной статье ГК РБ есть специальное уточнение, которое определяет, что применять п. 3 ст. 1093 следует только после того, как применимое право не удалось установить при использовании других нормативно-правовых актов. А наличие формулировки «...и иных законодательных актов...» [11] позволяет говорить о том, что правила тесной связи носят субсидиарный характер и применяются при исчерпании других актов, регулирующих правоотношения с иностранным элементом. Подтверждения тезиса о субсидиарно-коллизионной природе

категории тесной связи следует уточнить через анализ ст. 1125 ГК РБ, где закреплена базовая норма, применяемая при отсутствии соглашения сторон о выборе применимого права. В данной статье в качестве основного коллизионного решения положена теория характерного исполнения, разработанная Ф. Вишером (F. Vischer)¹, и А. Шнитцер (A. Schnitzer)². Данная теория подразумевает определение права, с которым договор наиболее тесно связан на основании установленных презумпций, например, при отсутствии соглашения сторон договора о подлежащем применению праве к этому договору применяется право страны, где имеет основное место деятельности сторона, являющаяся:

- 1) продавцом – в договоре купли-продажи;
- 2) дарителем – в договоре дарения;
- 3) арендодателем (наймодателем) – в договоре аренды (имущественного найма);
- 4) ссудодателем – в договоре безвозмездного пользования имуществом (ссуды);
- 5) подрядчиком – в договоре подряда;
- 6) перевозчиком – в договоре перевозки;
- 7) экспедитором – в договоре транспортной экспедиции;
- 8) заимодавцем (кредитодателем) – в договоре займа (кредитном договоре);
- 9) поверенным – в договоре поручения;
- 10) комиссионером – в договоре комиссии;
- 11) хранителем – в договоре хранения;
- 12) страховщиком – в договоре страхования;
- 13) поручителем – в договоре поручительства;
- 14) залогодателем – в договоре залога;
- 15) лицензиаром – в лицензионном договоре о пользовании исключительными правами.

Как видно из представленных 15 видов договоров, презумпции носят достаточно определенный характер, образуя жесткую коллизионную привязку, формируя специальные презумпции заранее установленной связи. Такой подход имеет основания, поскольку коллизионное регулирование договорных отношений подвержено рискам расщепления обязательственного статуса, а также иногда обременено проблемой судейского усмотрения. Теория характерного исполнения позволяет сгладить эти недостатки и внести некую определенность в коллизионный механизм в романо-германской правовой семье.

Основной недостаток вышеуказанных коллизионных подходов, основанных на теории характерного исполнения, заключается в следующем. Если проанализировать договор переработки давальческого сырья (толлинга), специфика данного обязательства предусматривает поставку сырья, его переработку и обратную поставку. Здесь возникает вопрос: кто из сторон осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора? Безусловно, определение «специфики исполнения» вызывает определенные правовые трудности, поэтому в таких случаях целесообразно применять право страны, с которой договор наиболее тесно связан. Идентичные вопросы можно поставить к договорам мены или бартера.

Более того, перечисленными пятнадцатью видами договоров не ограничивается перечень договоров, к которым может быть применен закон страны-продавца, так как эта коллизионная привязка может быть применена к любому виду договора. Здесь могут возникать серьезные юрисдикционные³

¹ См.: Vischer, F. *The Principle of the Typical Performance in International Contracts and the Draft Convention* / F. Vischer / *Harmonization of Private International Law by the E.E.C.* – London : Ed. K. Lipstein, 1978. – P. 25–30.

² См.: Schnitzer, A. *Die Zuordnung der Verträge im Internationalen Privatrecht* / A. Schnitzer // *RabelsZ.* – 1969. – Bd 33. – S. 17–29.

³ Сегодня стороны правоотношений, участвующие в международном торговом обороте, заинтересованы в поиске комбинированных договорных конструкций, способных максимально учесть их интересы. Так, среди наиболее распространенных на практике смешанных (сложных) договоров можно выделить международные лизинговые, франчайзинговые, дистрибьюторские, факторинговые договоры, инвестиционные договоры и соглашения. Причины заинтересованности сторон в договорах сложного характера кроются в невозможности некоторых правовых систем современности полноценно реализовать защиту сделки и капитала от архаичных коллизионных механизмов при определении применимого права. Такое положение иногда вызывает депесяж – расщепление договорного статуса, позволяющее различным элементам договора применить нормы различных юрисдикций, это ярко иллюстрирует прецедент 1986 г. Английский суд, рассматривая дело *Forsikringsaktieselskapet Vestav. Butcher* (1986), исследовав

и квалификационные¹ проблемы при установлении применимого права. Например, признаки продавца имеют место в различных договорах, в соглашении о факторинге это – клиент, в договоре франчайзинга – комплексный лицензиар, в договоре услуг – услугодатель, в договоре банковского вклада – вкладчик, договоре гарантии – гарант и т. д.

Иными словами, применение концепции характерного исполнения вызывает определенные трудности, поскольку квалифицирующим признаком характерного исполнения является «специфика обязательства», выраженная определенным поведением обязанного лица. Более того, на современном этапе развития частно-правовых отношений появляются новые виды договоров *sui generis* (особого рода), имеющие смешение различных видов договорных обязательств. Поэтому такое положение вещей требует расширительного толкования характерного исполнения либо иных методологических подходов при определении применимого права к правоотношениям, осложненным иностранным элементом. Однако следует более детально проанализировать положения ст. 1125 ГК РБ для уточнения функциональной роли критерия наиболее тесной связи и установления круга его действий [11].

Следует отметить, что ряд договоров, отмеченных в п. 2, 3, 5 ст. 1125 ГК РБ [11], не попадают в фокус действия доктрины характерного исполнения. Данные нормы можно назвать специальными, которые представляют собой исключения из общих правил. Например, п. 3 и его подпункт 1 гласят, что к договорам о совместной деятельности и к договорам о выполнении строительных, монтажных и других работ по капитальному строительству применяется право страны, где такая деятельность осуществляется или создаются предусмотренные договором результаты. Это является существенным отличием от п. 1 (5) ст. 1125 ГК РБ [11]. Иными словами, законодатель допускает к одному и тому же виду договора (подряда) использование различных подходов в зависимости от правовой ситуации.

В контексте регламентации подраздела 2. п. 3 ст. 1124 ГК РБ [11] отмечено, что к договору, заключенному на аукционе, по конкурсу или на бирже, применяется право страны, где проводится аукцион, конкурс или находится биржа. Закрепление коллизионной нормы *lex loci contractus* не ассоциируется с доктриной характерного исполнения, а также с критерием наиболее тесной связи, что свидетельствует о специальном характере закрепления жестких коллизионных привязок. Это наводит на мысль о слишком громоздком механизме определения применимого права, так как в данном случае могут возникать инсинуации с трактовкой вида договора заинтересованной стороной с целью применить более выгодное право. Более того, пример ярко демонстрирует слабые места доктрины характерного исполнения.

Пункт 2 ст. 1125 ГК РБ [11] регламентирует вопрос применимого права к правам и обязанностям по договору, предметом которого является недвижимость, а также по договору о доверительном

отношения, возникшие из договора перестрахования рисков английскими страховщиками на условии «back-to-back», означающем, что договор перестрахования зеркально воспроизводит условия договора страхования, пришел к следующим выводам. К основному договору страхования было избрано норвежское право, однако договор перестрахования включал оговорку о применении английского права, на основании которой суд первой инстанции применил концепцию «расщепления» (*dépeçage*), посчитав, что часть договора перестрахования, соответствующая договору страхования, регулируется законом Норвегии, тогда как к остальной части договора перестрахования применяется английское право.

¹ См.: Мажорина, М. В. Выбор применимого права к трансграничным смешанным и непоименованным договорам / М. В. Мажорина // Журнал российского права. – 2012. – № 10. – С. 78.

Как пишет М. В. Мажорина, при разрешении спора, вытекающего из непоименованного и (или) смешанного договора, суду приходится осуществлять квалификацию спорных правоотношений, что иногда приводит к квалификации отдельных, предусмотренных в договоре обязательств. В результате этого к одному и тому же договору могут применяться различные системы норм, например, относящиеся к договору подряда, договору найма, договору купли-продажи и т. д., в зависимости от того, о каком обязательстве идет речь.

Например, разрешая спор между ПО «Белоруснефть» и ЗАО «ПО «ЭКСПО», Арбитражный суд Хабаровского края, рассмотрев условия заключенного между сторонами контракта, пришел к выводу о том, что контракт является смешанным договором, содержащим в себе элементы договора поставки, подряда и возмездного оказания услуг. Учитывая такую квалификацию контракта, положения Венской конвенции в силу п. 2 ст. 3 к правоотношениям сторон не применяются. Ввиду того, что право, применимое при разрешении возникающих из контракта споров, сторонами в контракте не определено, суд обратился к п. 5 ст. 1211 ГК РФ и определил в качестве применимого право государства-поставщика как страны, с которой этот договор, рассматриваемый в целом, наиболее тесно связан.

управлении имуществом применяется право страны, где это имущество находится, а в отношении имущества, которое зарегистрировано в Республике Беларусь, применяется законодательство Республики Беларусь. В данном случае закреплена привязка *lex rei sitae*, представляющая собой исключения из п. 1 ст. 1125 ГК РБ [11], несмотря на то, что такая формулировка отсутствует. Таким образом, подтверждается тот факт, что п. 2 и 3 ст. 1125 ГК РБ [11] носят характер исключения из общей формулы характерного исполнения и не являются выражением ее доктрины. Вместе с тем данные положения не являются проявлением принципа наиболее тесной связи. Поэтому на современном этапе мы можем говорить о том, что принцип наиболее тесной связи представлен в качестве вторичной коллизионной привязки. Принцип наиболее тесной связи выполняет функцию общего резервного коллизионного правила, исходя из нормы п. 3 ст. 1093 ГК РБ [11], а также вторичного механизма определения характерного исполнения. Однако специальные коллизионные привязки п. 3 ст. 1125 ГК РБ [11] не являются проявлением коллизионного принципа наиболее тесной связи.

Исходя из пунктов ст. 1125 ГК РБ [11] соотношение жестких коллизионных привязок с правилом наиболее тесной связи в законодательстве Республики Беларуси четко не урегулировано, однако такое положение не позволяет выдвинуть гипотезу об иной, функциональной роли критерия наиболее тесной связи в международном частном праве Республики Беларусь, нежели субсидиарного остаточного механизма. Таким образом, принцип наиболее тесной связи в законодательстве Республики Беларусь используется только в случае невозможности определения характерного исполнения, т. е. как крайнее средство.

Вышесказанное позволяет подтвердить тезис о функционировании данного принципа в качестве «резервного» и вспомогательного средства по отношению к основному принципу определения применимого права – доктрине характерного исполнения. Можно констатировать, что принцип наиболее тесной связи носит вспомогательный характер как в целом – для всего комплекса гражданско-правовых отношений с иностранным элементом (п. 3 ст. 1093 ГК РБ [11]), так и в частности – в сфере договорных обязательств (пункты ст. 1125 ГК РБ). В этом контексте п. 3 ст. 1093 и п. 4 ст. 1125 ГК РБ [11] логично связаны друг с другом как общее и частное в коллизионном регулировании гражданско-правовых отношений.

Сегодня в науке международного частного права необходим уход от сугубо догматического обоснования коллизионных решений в пользу функционального анализа различных видов гражданско-правовых договоров и интерпретации их социально-экономической роли [4, с. 369]. Такой анализ может предоставить принцип наиболее тесной связи, функционирующий в качестве генеральной коллизионной привязки, который можно определить как коллизионный метод – *ad hoc*. На наш взгляд, следует повысить значение этого принципа в системе гражданского законодательства Республики Беларусь. Субсидиарная гибкая коллизионная норма в отечественном правопорядке, выраженная пунктом 4 ст. 1125 ГК Республики Беларусь, является резервным способом поиска применимого права в договорных обязательствах, в случае невозможности использования жестких коллизионных предписаний доктрины характерного исполнения.

При изучении особенностей закрепления критерия наиболее тесной связи сквозь призму европейских стран, имеющих романо-германскую правовую основу, можно проследить совсем иную ипостась доктрины характерного исполнения в свете функционирования критерия наиболее тесной связи. Федеральный Закон Австрии «О международном частном праве» от 15 июня 1978 г. (далее – Закон Австрии о МЧП) в общих положениях §1 закрепляет правило наиболее тесной связи (*Grundsatz der stärksten Beziehung*), в ст. 1 п. 1 Закона Австрии о МЧП¹ отмечено, что к обстоятельствам дела, относящимся к международному частному праву, осложненному иностранным элементом, применяется правопорядок, с которым отношение наиболее тесно связано [1]. В ст. 1 п. 2 указано специальное уточнение о том, что отдельные положения о применимом праве (коллизионные нормы) рассматриваются в качестве проявления этого принципа. Все отсылочные нормы следует понимать как выражение этого принципа. В ст. 2 законодатель зафиксировал положение о следующем: фактические условия и обстоятельства для выбора коллизионной привязки устанавливаются правоприменителем в отсутствии договора о выборе права.

¹ См.: Bundesgesetz vom 15. Juni 1978 über das internationale Privatrecht (IPR-Gesetz) StF: BGBl. Nr. 304/1978.

В специальной части закона Австрии о МЧП ст. 6 и ст. 10 п. 3 публичным порядком указаны границы принципа диспозитивности, а также недопустимость нанесения ущерба третьим лицам при выборе права. С момента принятия акта судебная практика Верховного суда Австрии согласно § 1 Закона Австрии о МЧП насчитывает более 60 разрешенных споров [2].

В Федеральном Законе Швейцарии «О международном частном праве» от 18 декабря 1987 г. (далее – закон Швейцарии о МЧП) в ст. 15 п. 1¹ сформулирована норма на основе правила тесной связи, указывающая условия неприменения права – «когда дело имеет незначительную связь с объективным составом правоотношения». Если же элементы объективного состава имеют противоположную характеристику при определении применимого права с иностранным элементом, то применяется право этого государства». Такое положение вещей дает основания полагать функционирование критерия наиболее тесной связи в качестве основного коллизионного начала [3].

В отличие от австрийского и швейцарского законодательства о международном частном праве Республика Польша относится к той группе стран, где нормы МЧП кодифицированы, однако не целостно, а только по некоторым видам отношений, имея наднациональный источник регулирования. Закон Республики Польша «О международном частном праве»² от 4 февраля 2011 г. (далее – закон Польши о МЧП) в общих положениях ст. 9 указывает, что при невозможности определить в соответствии с правом этого государства, какая из правовых систем подлежит применению, применяется правовая система, с которой правоотношение наиболее тесно связано. В пункте³ 1 ст. 10 вышеназванного правового акта детализируется порядок установления правовой связи с обстоятельствами: «...если невозможно установить условия, от которых зависит применение права, применяется право, наиболее тесно связанное с правоотношением...» [14].

Следует отметить позицию польского законодателя в ст. 67 Закона Польши о МЧП⁴, где подчеркнута, что в случае отсутствия указания на применимое право, в настоящем законе, специальных нормах, действующих в Республике Польше, а также ратифицированных международных договорах и праве Европейского союза к отношениям, входящим в сферу действия настоящего закона, следует применять право государства, с которым отношение наиболее тесно связано. Исходя из формулировок, можно сделать вывод о том, что правило тесной связи в Республике Польша носит дополнительный (субсидиарный) характер и закреплено в общих положениях. Однако следует отметить, что закон имеет отсылки к общеевропейскому гармонизированному законодательству по различным вопросам. Так, из ст. 29 Регламента №593/2008 Европейского парламента и Совета ЕС о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам, от 17 июня 2008 г. (далее – Регламент «Рим I») [15], ст. 32 Регламента № 864/2007 Европейского парламента и Совета ЕС о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам, от 11 июля 2007 г. (далее – «Рим II») следует, что договор обязателен в полном объеме и подлежит прямому применению в государствах-членах, участвующих в Договоре об учреждении Европейского сообщества [16]. Таким образом, правило наиболее тесной связи выступает в качестве корректирующей оговорки «escape clause» по отношению к жестким коллизионным нормам. Оговорка может выступать в качестве общего правила либо служить субсидиарным правилом, имеющим ограничение в применении.

На современном этапе развития гибкого регулирования в доктрине отсутствует единое мнение о необходимости использования корректирующей оговорки в коллизионном регулировании [3]. Закон Швейцарии о частном праве исходит из идеи общей корректирующей оговорки, закрепляя универсальную формулировку. Пункт 1 ст. 15 Федерального закона гласит, что «в виде исключения право, к которому отсылает настоящий закон, не применяется, когда из всего фактического

¹ См.: Art. 15 (1). Das Recht, auf das dieses Gesetz verweist, ist ausnahmsweise nicht anwendbar, wenn nach den gesamten Umständen offensichtlich ist, dass der Sachverhalt mit diesem Recht in nur geringem, mit einem anderen Recht jedoch in viel engerem Zusammenhang steht.

² См.: Ustawa z dnia 4 lutego 2011 r. Prawo prywatne międzynarodowe.

³ См.: Art. 10 jeżeli nie można ustalić okoliczności, od których zależy właściwość prawa, stosuje się prawo najściślej związane z danym stosunkiem prawnym.

⁴ См.: Art. 67 w razie braku wskazania prawa właściwego w niniejszej ustawie, przepisach szczególnych, obowiązujących w Rzeczypospolitej Polskiej ratyfikowanych umowach międzynarodowych i prawie Unii Europejskiej, do stosunku objętego zakresem niniejszej ustawy należy stosować prawo państwa, z którym stosunek ten jest najściślej związany.

состава дела следует, что оно имеет более тесную связь с правом другого государства»¹. Ст. 15 п. 2 уточняет, что данная норма применяется при отсутствии выбора права [3].

Закон Австрии о частном праве придерживается схожего подхода, однако имеет очень широкую формулировку. В комментарии к нормативному акту отмечено, что каждое дело должно быть подвержено тщательному анализу². Конкретная оговорка не отражена. Однако надо заметить, что наличие формулировки «отдельные правила о применимом правопорядке (отсылки)» толкуется как проявление принципа наиболее тесной связи [2].

В области договорных правоотношений корректирующая оговорка закреплена в Законе Швейцарии о МЧП, где в ст. 117 закреплена общая формула характерного исполнения. В п. 3 ст. 117 закона указана конкретизация для нескольких видов договорных правоотношений, каждая из которых включает в себя набор из нескольких типов, т. е. применяет абстрактную типизацию, позволяющую в дальнейшем избежать проблем при квалификации, а также дает возможность включения в систему новых договоров, устраняя старение нормативно-правового акта [3].

Регламент ЕС «Рим» I ст. 4 закрепляет правило характерного исполнения, в ст. 4 п. 4 законодатель указал корректирующую привязку, применимую к договорным отношениям, основанную на правиле наиболее тесной связи.

Корректирующая оговорка отсутствует в законодательстве Германии, Италии, Франции. Немецкий законодатель не отразил оговорку, поскольку она противоречит принципу правовой определенности коллизионного регулирования [2].

Однако в странах Европы, не имеющих нормы о корректирующей оговорке, она применяется во внедоговорных отношениях, корректирующие оговорки включены в ст. 4 п. 3, ст. 5 п. 2, ст. 10 п. 4, Регламента ЕС «Рим II» [17].

Таким образом, существенным отличием национального Гражданского кодекса Республики Беларусь от законодательства европейских стран является подход к доктрине характерного исполнения, которая занимает центральное место в сфере договорных обязательств. В свою очередь принцип наиболее тесной связи выступает вторичным по отношению к теории характерного исполнения, что предопределяет более жесткий характер коллизионного регулирования Республики Беларусь в соотношении с законодательством европейских стран. В этом смысле одним из важнейших положений является соотношение принципа наиболее тесной связи с доктриной характерного исполнения. Если законодательство европейских стран реализует критерий наиболее тесной связи через доктрину характерного исполнения, то отечественная система права реализует доктрину характерного исполнения через критерий наиболее тесной связи, в этом и заключается существенное различие в целях понимания функциональной роли принципа наиболее тесной связи.

Исходя из анализа коллизионных статей гражданского законодательства наиболее совершенных правовых систем современности сквозь призму отечественной системы права, считаем необходимым дать определенные рекомендации концептуального характера в сфере проблем, очерченных линией коллизионного права Республики Беларусь:

1) на доктринальном уровне расширить круг отношений, прямо регулируемых коллизионными нормами, основанными на критерии наиболее тесной связи;

2) на законодательном уровне внести исправление в архаичные коллизионные механизмы для наибольшей адекватности правового регулирования;

3) на правоприменительном уровне совершенствовать судебную практику, основанную на использовании критерия наиболее тесной связи в международном частном праве.

Заключение. Таким образом, на основании вышеизложенного можно заключить, что критерий наиболее тесной связи по отношению к п. 3 ст. 1093 ГК РБ является *вторичным принципом определения применимого права, имеющим абстрактное содержание, выраженное неопределённым фактическим составом гражданского правоотношения.*

¹ См.: Art. 15 (1). Das Recht, auf das dieses Gesetz verweist, ist ausnahmsweise nicht anwendbar, wenn nach den gesamten Umständen offensichtlich ist, dass der Sachverhalt mit diesem Recht in nur geringem, mit einem anderen Recht jedoch in viel engerem Zusammenhang steht.

² См.: Ulrike Christine Walter. Worin die staerke Beziehung besteht, ist gesetzlich nicht definiert und laesst sich nur an hand kollisionsrechtlicher Einzelfallanalyse ermitteln, zumal die gesetzlichen Anknuepfungsverwertungen sehr verschieden sind.

По отношению к п. 4 ст. 1125 ГК РБ это – *субсидиарный способ определения применимого права, устанавливающий наиболее тесную связь с обязательственным статутом правоотношения сквозь призму доктрины характерного исполнения.*

Принцип наиболее тесной связи в отечественном праве представляется нам декларативным, не несущим особой нормативной и правоприменительной нагрузки в силу отсутствия прямого регулятивного воздействия на правоотношения. Вместе с тем чувствуется определенная необходимость деформации устоявшейся гражданско-правовой доктрины и практики определения применимого права при отсутствии соглашения сторон о выборе права.

Дескриптивная роль принципа наиболее тесной связи в контексте законодательства Республики Беларусь может быть представлена следующим тезисом: *вспомогательный способ поиска применимого права при применении жестких коллизионных норм и доктрины характерного исполнения в отношениях, осложненных иностранным элементом, при отсутствии соглашения о выборе права сторонами частноправового спора.*

Критерий наиболее тесной связи в отечественной юрисдикции реализует функцию общего резервного коллизионного правила п. 3 ст. 1093 ГК РБ, а также функцию субсидиарной привязки п. 4 ст. 1125 ГК РБ, выполняя роль вторичного механизма определения характерного исполнения.

В данной статье сделана попытка лишь затронуть наиболее существенные проблемы понимания и возможности функционирования принципа наиболее тесной связи сквозь призму наиболее важных аспектов гражданского законодательства Республики Беларусь. В настоящее время отечественная система коллизионных норм требует активных научных изысканий, внедрения современных методологических подходов в коллизионном праве, основанных на потенциально новых принципах и институтах международного частного права. Перспективу для решения обозначенных проблем составляет принцип наиболее тесной связи, повышение его роли в рамках отечественного правопорядка позволит перезагрузить коллизионное право и вывести нашу правовую систему на более совершенный уровень, тем самым подчеркнув достаточно высокую международную политику государства в области гражданского законодательства.

Список использованных источников

1. § 1 IPRG Grundsatz der stärksten Beziehung [Electronic resource] // Jusline: Recht. Schnell. – Mode of access: <https://www.jusline.at/gesetz/iprg/paragraf/1>. – Date of access: 18.02.2019.
2. Walter, U. Ch. Kommentar zum § 1 IPRG [Electronic resource] / U. Ch. Walter // Jusline: Recht. Schnell. – Mode of access: <https://www.jusline.at/gesetz/kommentare/456476624>. – Date of access: 27.02.2019.
3. Bundesgesetz über das Internationale Privatrecht [Electronic resource] // Der Bundesrat Das Portal der Schweizer Regierung. – Mode of access: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19870312/index.html#a15>. – Date of access: 27.02.2019.
4. Асосков, А. В. Основы коллизионного права / А. В. Асосков. – М. ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2012. – 335 с.
5. Павловский, В. О. Основные функции принципа наиболее тесной связи на примере различных нормативно-правовых актов / В. О. Павловский // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 4, Правазнаўства. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 131–140.
6. Павловский, В. О. Доктринальное раскрытие содержания критерия наиболее тесной связи / В. О. Павловский // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 4, Правазнаўства. – 2018. – Т. 8, № 6. – С. 81–87.
7. Ерпылева, Н. Ю. Международное частное право : учебник / Н. Ю. Ерпылева. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. – 655 с.
8. Конвенция о праве, применимом к контрактным обязательствам (Рим, 19 июня 1980 г.) [Электронный ресурс] // КОДЕКС. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901889343>. – Дата доступа: 16. 02.2019.
9. Prawo prywatne międzynarodowe [Electronic resource] // LexLege. – Mode of access: <http://www.lexlege.pl/prawo-prywatne-miedzynarodowe/>. – Date of access: 27.02.2019.
10. Ходыкин, Р. М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. М. Ходыкин ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений. – М., 2005. – 37 с.
11. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят 7 дек. 1998 г., № 218-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>. – Дата доступа: 25. 02.2019.
12. North, P. Cheshire and North's private international law / P. North, J. J. Fawcett. – 13th ed. – London : Butterworths, 1999. – 1069 p.

13. Dicey and Morris on the conflict of laws / ed. L. Collins. – 12th ed. – London: Sweet and Maxwell Ltd., 1993. – 2 vol. – 1602 p.
14. Модельный Гражданский кодекс для государств - участников СНГ (часть первая) (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ от 29 октября 1994 г.) [Электронный ресурс] // Гарант. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2566930/#friends>. – Дата доступа: 22.07.2018.
15. Регламент (ЕС) № 593/2008 Европейского парламента и Совета от 17 июня 2008 г. о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/reglament-es-593-2008-evropejskogo-parlamenta-i-soveta-ot-17-iyunya-2008-g-o-prave-podlezhashhem-primeneniyu-k-dogovornym-obyazatelstvam-rim-i-perevod-a-o-chetverikova/>. – Дата доступа: 20.05.2018.
16. Регламент № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/reglament-864-2007-evropejskogo-parlamenta-i-soveta-ot-11-iyulya-2007-g-o-prave-podlezhashhem-primeneniyu-k-vnedogovornym-obyazatelstvam-rim-ii-perevod-a-o-chetverikova/>. – Дата доступа: 21.05.2018.
17. Research handbook on EU private international law / ed.: P. Stone, Y. Farah. – 3rd ed. – Cheltenham : Edward Elgar Publ., 2014. – 592 p.

References

1. § 1 IPRG Grundsatz der stärksten Beziehung [§ 1 IPRG principle of the strongest relationship]. *Jusline: Recht. Schnell*. Available at: <https://www.jusline.at/gesetz/iprg/paragraf/1> (accessed 18.02.2019) (in German).
2. Walter, U. Ch. *Kommentar zum § 1 IPRG* [Comment on § 1 IPRG]. *Jusline: Recht. Schnell*. Available at: <https://www.jusline.at/gesetzkommentare/456476624> (accessed 27.02.2019) (in German).
3. *Bundesgesetz über das Internationale Privatrecht* [Federal Law on Private International Law]. *Der Bundesrat Das Portal der Schweizer Regierung* [The Federal Council the Portal of the Swiss Government]. Available at: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19870312/index.html#a15> (accessed 27.02.2019) (in German).
4. Asoskov A. V. *The basics of conflict law*. Berlin, Infotropik Media Publ., 2012, 335 p. (in Russian).
5. Pavlovskii V. O. The main functions of the principle of the closest connection on the example of various legal acts. *Vesnik Grodzenskaga dzyarzhavnaga universiteta imya Yanki Kupaly. Seryya 4. Pravaznaustva = Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence*. 2019, vol. 9, no. 1, pp. 131–140 (in Russian).
6. Pavlovskii V. O. Doctrinal disclosure of the content of the criterion of the closest connection. *Vesnik Grodzenskaga dzyarzhavnaga universiteta imya Yanki Kupaly. Seryya 4. Pravaznaustva = Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence*, 2018, vol. 8, no. 6, pp. 81–87 (in Russian).
7. Erpyleva N. Yu. *Private international law*. Moscow, Publishing House Higher School of Economics, 2015. 655 p. (in Russian).
8. Convention on the law applicable to contractual obligations: opened for signature in Rome on 19 June 1980. *EUR-Lex*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:41980A0934> (accessed 16.02.2019).
9. *Prawo prywatne międzynarodowe* [Private international law]. *LexLege*. Available at: <http://www.lexlege.pl/prawo-prywatne-miedzynarodowe> (accessed 27.08.2018) (in Polish).
10. Khodykin R. M. *Principles and factors of forming the content of conflict of laws rules in private international law*. Abstract of Ph.D. diss. Moscow, 2005. 37 p. (in Russian).
11. Civil code of the Republic of Belarus. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (accessed 25.02.2019) (in Russian).
12. North P., Fawcett J. J. *Cheshire and North's private international law*. 13th ed. London, Butterworths, 1999. 1069 p.
13. Collins L. (ed.). *Dicey and Morris on the conflict of laws*. 12th ed. London, Sweet and Maxwell Ltd., 1993, 2 vol. 1602 p.
14. Model civil code for member states of the Union of Independent States. *Garant*. Available at: <http://base.garant.ru/2566930/#ixzz5S6slLPmKyU> (accessed 22.07.2018) (in Russian).
15. Regulation (EC) No 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I). *EUR-Lex*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1575981067467&uri=CELEX:32008R0593> (accessed 20.05.2018).
16. Regulation (EC) No 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II). *EUR-Lex*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1575981558456&uri=CELEX:32007R0864> (accessed 21.05.2018).
17. Stone P., Farah Y. (eds.). *Research handbook on EU private international law*. Cheltenham, Edward Elgar Publ., 2014. 592 p.

Информация об авторе

Павловский Вилен Олегович – аспирант. Белорусский государственный университет (пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: vilen4eg@tut.by

Information about the author

Vilen O. Pavlovsky – Postgraduate student. Belarusian State University (4 Nezavisimosti Ave., 220030 Minsk, Belarus). E-mail: vilen4eg@tut.by

ЭКАНОМІКА
ECONOMICS

УДК 331.101.68:332.133
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-103-116>

Поступила в редакцию 24.09.2019
Received 24.09.2019

Е. В. Преснякова, М. Б. Петров, С. Н. Смирных, Е. В. Потапцева, В. А. Ли

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ОЦЕНКА МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию межрегиональной дифференциации производительности труда. Проведены международные сопоставления уровня производительности труда в расчете на одного занятого в экономике. Выявлены отличительные критерии определения и статистического учета высокопроизводительных рабочих мест в Беларуси и России. Предложен методический подход к оценке соответствия имеющихся рабочих мест высокопроизводительному уровню в регионах в средне- и высокотехнологическом секторе Беларуси. Определены регионы Беларуси с более низким уровнем производительности труда по сравнению со среднереспубликанским. Подтверждена положительная зависимость между наличием высокопроизводительных рабочих мест в регионах и валовым региональным продуктом. Представлено отраслевое распределение высокопроизводительных рабочих мест в России. Выявлен более высокий уровень межрегиональной дифференциации производительности труда в России по сравнению с Беларусью. Выработаны комплексные меры по стимулированию роста производительности труда и созданию высокопроизводительных рабочих мест в регионах Беларуси и России.

Ключевые слова: производительность труда, высокопроизводительное рабочее место, межрегиональная дифференциация, высокотехнологичный сектор, промышленность

Для цитирования: Оценка межрегиональной дифференциации производительности труда в Республике Беларусь и Российской Федерации / Е. В. Преснякова [и др.] // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2020. – Т. 65, № 1. – С. 103–116. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-103-116>

**Alena V. Prasniakova, Mikhail B. Petrov, Svetlana N. Smirnykh,
Ekaterina V. Potaptseva, Valentina A. Lee**

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**ASSESSMENT OF INTERREGIONAL DIFFERENTIATION OF LABOR PRODUCTIVITY
IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. The article is devoted to the study of interregional differentiation of labor productivity. International comparisons of the level of labor productivity per one employed in the economy have been carried out. Distinctive criteria for determining and statistical accounting of high-performance workplaces in Belarus and Russia have been identified. A methodological approach to assessing the conformity of available workplaces to a high-productivity level in the regions in the medium and high-tech sector of Belarus is proposed. The regions of Belarus with a lower level of labor productivity in comparison with the national average are identified. A positive relationship between the availability of high-performance workplaces and gross regional product is confirmed. The industry distribution of high-performance workplaces in Russia is presented. A high level of interregional differentiation of labor productivity in Russia compared with Belarus was identified. Comprehensive measures have been worked out to stimulate the growth of labor productivity and the creation of high-performance workplaces in the regions of Belarus and Russia.

Keywords: labor productivity, high-performance workplace, interregional differentiation, high-tech sector, industry

For citation: Prasniakova A. V., Petrov M. B., Smirnykh S. N., Potaptseva E. V., Lee V. A. Assessment of interregional differentiation of labor productivity in the Republic of Belarus and the Russian Federation. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 1, pp. 103–116 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-103-116>

Введение. В соответствии с Докладом о мировом развитии Всемирного банка, посвященном созданию рабочих мест (World Development Report 2013: Jobs), экономический рост может быть следствием создания рабочих мест, а не только их причиной, и напрямую зависит от того, сколько и каких рабочих мест создается. Повышение производительности происходит при создании высокопроизводительных и снижении количества низкопродуктивных рабочих мест. Одновременно данный процесс сопровождается перераспределением трудовых ресурсов в региональном разрезе [1].

Значительное количество зарубежных исследований посвящено оценке влияния производительности труда на структурные изменения в экономике, занятость и благосостояние населения [2; 3]. В качестве основных детерминант роста производительности труда выделяют технологические факторы [4; 5]. В Беларуси исследуется динамика показателей производительности труда на промышленных предприятиях по сравнению с уровнем Европейского союза, предлагаются меры по их росту и сближению на основе инструментов инвестиционной и инновационной политики [6; 7]. Российские исследователи фокусируют свое внимание на межстрановых сопоставлениях и анализе отраслевой динамики производительности труда [8–10]. Различные аспекты функционирования высокопроизводительных рабочих мест (далее – ВПРМ) рассматриваются в публикациях, посвященных эволюции качественной структуры рабочих мест в российской экономике [11], методах идентификации и учета ВПРМ [12–14], динамике и особенностях их создания в регионах и отдельных отраслевых комплексах [15; 16]. Эпизодически исследуются региональные аспекты государственной политики повышения производительности труда [10].

Целью данного исследования является развитие методических подходов к оценке межрегиональной дифференциации производительности труда в Республике Беларусь и Российской Федерации, выявление на этой основе регионов с низкой производительностью труда и недостаточным количеством высокопроизводительных рабочих мест, а также разработка комплексных мер по раскрытию кадрового и промышленного потенциала данных регионов.

Международные сопоставления уровня производительности труда в расчете на одного занятого в экономике. В проводимом исследовании мы используем широкую трактовку производительности (результативности) труда, что обусловлено следующими причинами. В экономической литературе существует два подхода к анализу результативности труда. Традиционно она оценивается на основе показателей производительности, доходности и интенсивности труда (Методика ОЭСР) [9]. Однако существуют и «косвенные» индикаторы уровня производительности труда. Так, активно изучается «качественная» структура рабочих мест, а также факторы ее эволюции [11]. Основными параметрами «качества» рабочего места считают профессиональную квалификацию (чаще всего измеряемую уровнем образования) и заработную плату работников. Улучшение качественной структуры рабочих мест в национальной экономике наблюдается, если в численности занятых растет доля рабочих мест, для которых характерен высокий уровень образования и заработной платы [11].

Оценка производительности труда в Беларуси и России основана на данных о валовом внутреннем продукте в расчете на одного занятого¹. В 2017 г. производительность труда на одного занятого в Беларуси составила 12,7 тыс. долл. США, России – 24 тыс. долл. США, а в экономически развитых странах (G7) – более 101 тыс. долл. США. На протяжении всего исследуемого периода уровень производительности труда в Беларуси не превысил 13 %, а в России – 25 % от аналогичного показателя стран G7. Однако кратно разрыв в производительности труда на одного занятого за период с 2000 по 2017 г. в Беларуси, России и странах G7 сократился: в Беларуси – с 13,2 до 7,9 раза; в России – с 6 до 4,2 раза (рис. 1).

Темпы роста производительности труда на одного работающего в Беларуси опережают аналогичный показатель в России (рис. 2). В результате отставание Беларуси по производительности труда от России в 2017 г. сократилось до 1,9 раза (в 2000 г. оно составляло 2,2 раза).

¹ Международная организация труда (МОТ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ilo.org/ilostat/faces/ilostat-home/home?_adf.ctrl-state=11js8pegvj_4&_afrcLoop=2987470778070758&_afrcWindowMode=0&_afrcWindowId=11js8pegvj_1. – Дата доступа: 20.08.2019.

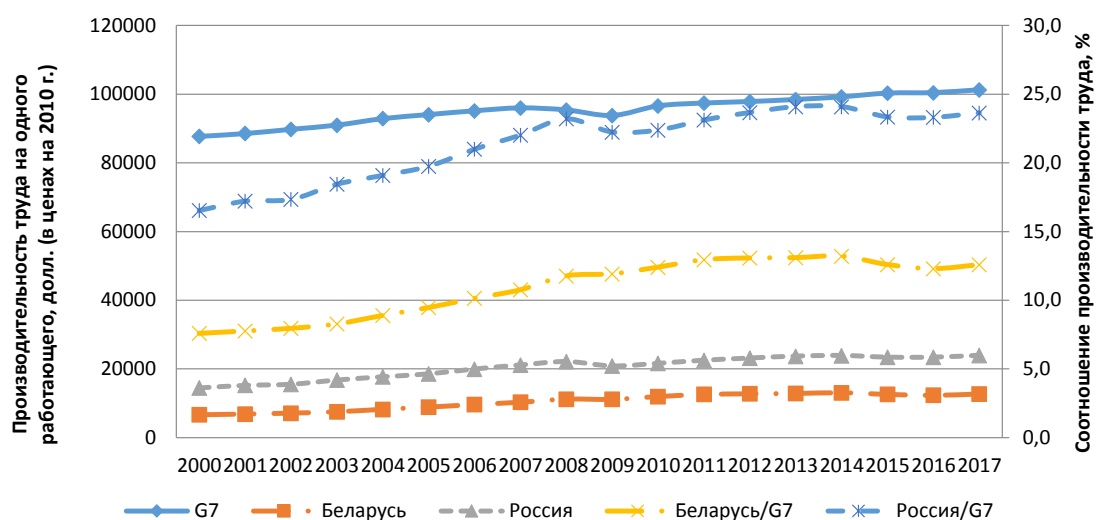

Рис. 1. Динамика производительности труда в Беларуси и России по сравнению со странами G7 (ВВП на одного занятого, долл. США, постоянные цены 2010 г.) (источник: данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации)

Fig. 1. Dynamics of labor productivity in Belarus and Russia in comparison with the G7 countries (GDP per one employed, USD, constant prices in 2010) (source: data of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, Federal State Statistics Service of the Russian Federation)

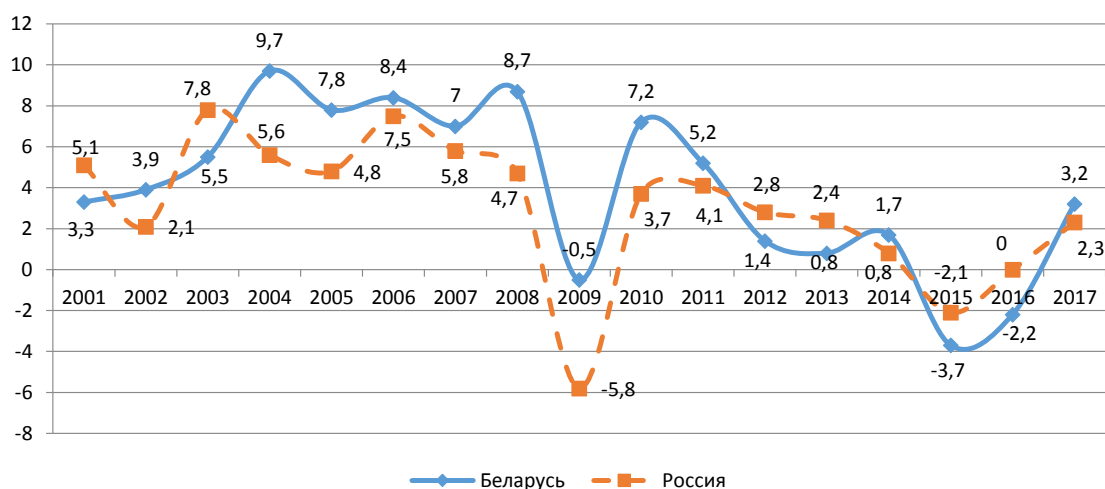

Рис. 2. Темпы прироста производительности труда в Беларуси и России, % к предыдущему году (источник: данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации)

Fig. 2. The growth rate of labor productivity in Belarus and Russia, % to the previous year (source: data of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, Federal State Statistics Service of the Russian Federation)

С учетом паритета покупательской способности национальных валют отставание Беларуси и России по уровню производительности труда от стран G7 сократилось в Беларуси – с 4,7 в 2000 г. до 2,8 раза в 2017 г.; в России – с 2,7 раза в 2000 г. до 1,9 раза в 2017 г. Как следствие, разрыв в уровне производительности труда между Россией и Беларусью снизился с 1,75 раза в 2000 г. до 1,51 раза в 2017 г. (рис. 3).

Компаративный анализ уровня производительности труда свидетельствует о значительном отставании России и Беларуси от экономически развитых стран.

Оценка производительности труда на основе учета количества и динамики высокопроизводительных рабочих мест. О росте производительности труда свидетельствует повышение

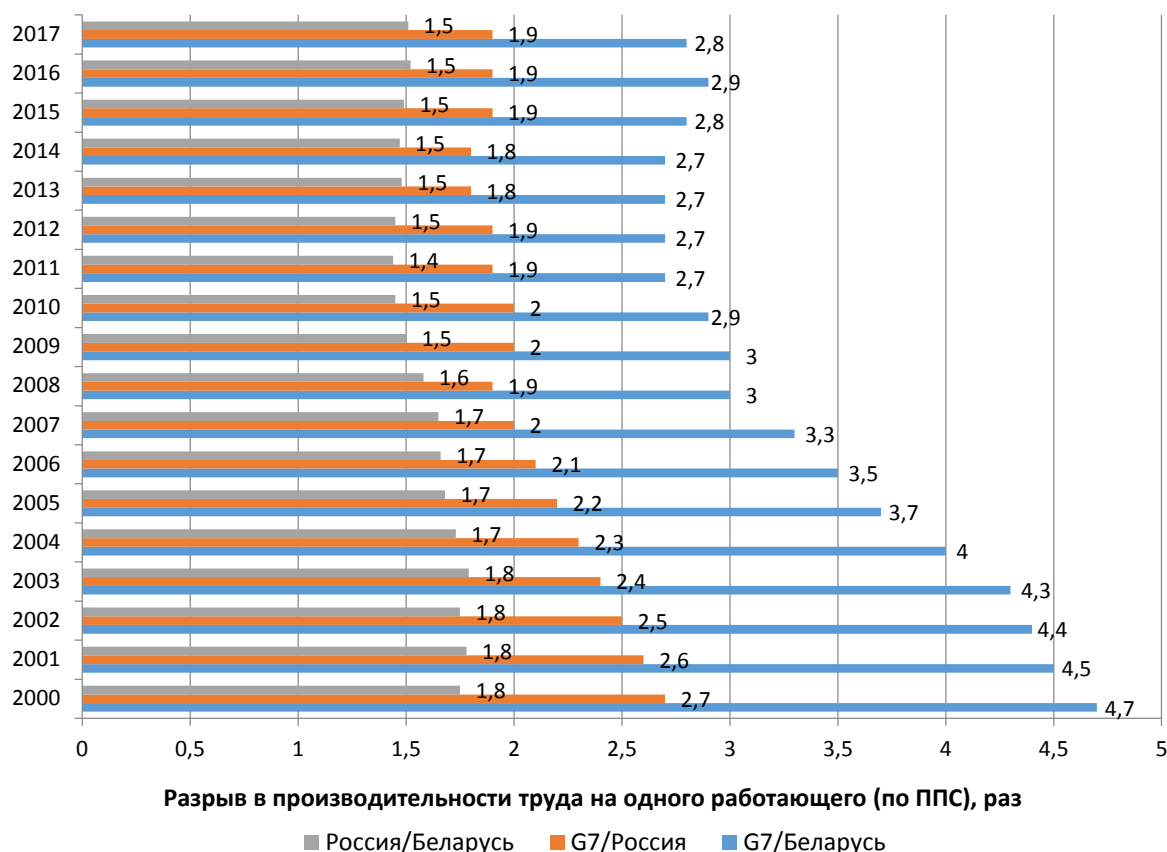

Рис. 3. Разрыв в производительности труда Беларуси, России и стран G7 (примечание: рассчитано авторами по данным МОТ: ВВП на одного занятого в постоянных ценах 2011 г. по паритету покупательной способности, долл. США) (источник: данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации)

Fig. 3. The gap in labor productivity of Belarus, Russia and G7 countries (source: data of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus, Federal State Statistics Service of the Russian Federation)

доли высокопроизводительных рабочих мест в общем количестве рабочих мест в экономике страны (региона). Четкая операционализация термина «высокопроизводительное рабочее место» до сих пор отсутствует и существует множество критериев отнесения рабочих мест к высокопроизводительным (рис. 4).

Комплексный подход подразумевает отнесение к высокопроизводительным «рабочих мест, оснащенных современными высокотехнологичными средствами производства, обеспечивающих высокую производительность оборудования, организация производства на которых позволяет при использовании рабочей силы соответствующей квалификации получать на нем производительность труда не ниже определенного уровня (например, уровня развитых стран мира) при адекватной ей оплате труда» [14].

Согласно Постановлению Национального статистического комитета Республики Беларусь от 19.08.2013 г. № 163, к высокопроизводительному относится рабочее место работника, принятого на дополнительно введенное рабочее место, у которого размер заработной платы, начисленной за первый полностью отработанный месяц отчетного периода, превысил пороговое значение заработной платы по основному виду экономической деятельности организации¹.

Согласно официальной методике Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации высокопроизводительными являются «все замещенные рабочие места предприятий (организаций), на которых среднемесячная заработная плата работников (для индивиду-

¹ О внесении дополнений в постановление Национального статистического комитета Республики Беларусь от 19 августа 2013 г. № 163 [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 февр. 2018 г., № 13 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

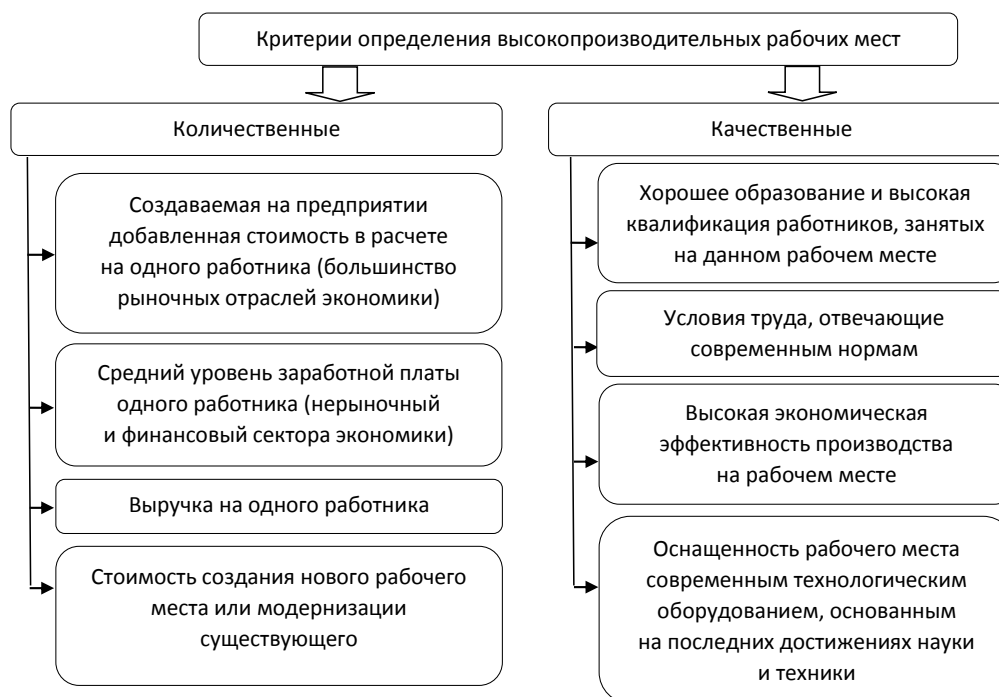

Рис. 4. Основные подходы к идентификации ВПРМ (источник: составлено авторами)

Fig. 4. The main approaches to identifying HPWP (source: compiled by the authors)

альных предпринимателей – средняя выручка) равна или превышает установленную пороговую величину критерия» (пороговое значение)¹.

Оценка межрегиональной дифференциации производительности труда в Республике Беларусь и Российской Федерации. В Республике Беларусь производительность труда оценивается как показатель эффективности производства, характеризующий выпуск или валовую добавленную стоимость в расчете на единицу используемых трудовых ресурсов. Результаты анализа пространственной неравномерности производительности труда в регионах страны представлены в табл. 1.

Таблица 1. Анализ межрегиональной дифференциации производительности труда в Беларуси

Table 1. Analysis of interregional differentiation of labor productivity in Belarus

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Темпы роста производительности труда, %	103,5	101,7	102,3	97,4	99,5	103,6	103,4
Отношение максимального и минимального уровней производительности труда, раз	1,60	1,57	1,58	1,57	1,55	1,60	1,59
Коэффициент вариации производительности труда в регионах, %	16,7	16,6	16,7	17,1	16,5	16,8	16,7
Отношение максимального уровня производительности труда к среднему по Республике Беларусь, раз	1,30	1,29	1,22	1,25	1,25	1,27	1,26
Отношение минимального уровня производительности труда к среднему по Республике Беларусь, раз	0,81	0,82	0,80	0,80	0,81	0,80	0,79

П р и м е ч а н и е. Производительность труда по регионам определяется отношением валового регионального продукта (ВРП) к численности занятых в экономике региона. В целях изучения динамики рассчитывается индекс производительности труда как отношение индекса физического объема ВРП к индексу численности занятых в экономике. Анализ проведен по шести областям Республики Беларусь и г. Минску (источник: рассчитано авторами по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь).

¹ Методика расчета показателя «Прирост высокопроизводительных рабочих мест, в процентах к предыдущему году» / Приказ Росстата от 9 октября 2017 г. № 665 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.gks.ru/metod/pr-665.pdf>. – Дата доступа: 20.08.2018.

В 2018 г. производительность труда в Беларуси выросла на 3,4 % к уровню предыдущего года, что практически соответствует темпам прироста в 2017 г. Коэффициент вариации производительности труда в регионах за исследуемый период (2012–2018 гг.) не изменился и остался на уровне в 16,7 %. Наиболее высокая производительность труда наблюдалась в г. Минске и Минской области (превышала среднее по Беларуси значение на 22–30 %). Минимальный уровень производительности труда характерен для Брестской и Могилевской областей (79–82 % от среднего по Беларуси значения).

Президент Республики Беларусь в докладе на пятом Всебелорусском народном собрании, определяя стратегию дальнейшего развития страны, отметил: «Совершенствование структуры экономики неизбежно ведет к высвобождению избыточной численности работников. Чтобы не допустить резкого скачка безработицы, надо принять упреждающие меры... Улучшить работу служб занятости, наладить переподготовку специалистов, упростить условия перетока рабочей силы между регионами и отраслями. И главное: новые рабочие места – высокопроизводительные. Их за пятилетие предстоит создать более 250 тысяч».

В Беларуси в открытых статистических публикациях представлены сведения лишь о численности работников, принятых на дополнительно введенные рабочие места, без учета высокопроизводительных. В связи с этим сделать подробный анализ о наличии, создании и распределении высокопроизводительных рабочих мест по регионам Беларуси не представляется возможным. Вместе с тем информация о фактическом и пороговом значении номинальной начисленной заработной платы в регионах Беларуси в разрезе видов экономической деятельности позволяет оценить соответствие имеющихся рабочих мест высокопроизводительному уровню.

Как известно, высокопроизводительные рабочие места оснащены современным оборудованием и позволяют достигать высокоэффективного в экономическом плане производства. В первую очередь данное направление осваивают высокотехнологичные отрасли экономики. В связи с этим производить оценку целесообразнее всего по средне- и высокотехнологичным отраслям обрабатывающей промышленности. Для проведения такой оценки предлагается рассчитывать соотношение фактической номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников в регионах Беларуси и ее порогового значения:

$$Cngamw_{ij} = \frac{NGAMW_{ij}}{TNGAMW_{ij}}, \quad (1)$$

где $Cngamw_{ij}$ (*Coefficient nominal gross average monthly wages*) – коэффициент соответствия имеющихся рабочих мест высокопроизводительному уровню, раз; $NGAMW$ (*Nominal gross average monthly wages*) – фактическая номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников; $TNGAMW$ (*Threshold nominal gross average monthly wages*) – пороговое значение номинальной начисленной среднемесячной заработной платы работников для отнесения рабочего места к высокопроизводительному; i – вид экономической деятельности; j – регион.

Как показали практические расчеты, наибольшая производительность труда в средне- и высокотехнологичном секторе наблюдается в Минской области (коэффициент равен 0,66), что обусловлено размещением крупных производств химических продуктов и машиностроительных предприятий (производство машин и оборудования). В числе наиболее отстающих по производительности труда регионов Республики Беларусь – Гродненская (коэффициент равен 0,45), Брестская (0,47) и Могилевская области (0,47) (табл. 2).

В разрезе видов экономической деятельности наиболее производительные рабочие места организаций:

производства основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов размещены в Могилевской области;

производства вычислительной, электронной и оптической аппаратуры, производства электрооборудования, производства машин и оборудования, не включенных в другие группировки, производства транспортных средств и оборудования, производства резиновых и пластмассовых изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов – в г. Минске;

производства химических продуктов – в Минской области;
 производства кокса и продуктов нефтепереработки, металлургического производства, производства готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования, – в Гомельской области.

Коэффициент корреляции между коэффициентом соответствия имеющихся рабочих мест высокопроизводительному уровню и валовым региональным продуктам шести областей и г. Минска достаточно высок и в 2018 г. достиг 0,7153. Таким образом, проведенные нами расчеты подтверждают прямую зависимость между ростом валового регионального продукта, развитием средне- и высокотехнологического сектора экономики и высоким уровнем производительности труда на рабочих местах.

Таблица 2. Оценка соответствия имеющихся рабочих мест высокопроизводительному уровню в средне- и высокотехнологическом секторе в регионах Беларуси

Table 2. Conformity assessment of existing workplaces with a high-performance level in the medium and high-tech sector in the regions of Belarus

Вид экономической деятельности	Пороговое значение, бел. руб.	Коэффициент соответствия имеющихся рабочих мест высокопроизводительному уровню, раз							
		Республика Беларусь	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилевская область
Виды деятельности высокого технологического уровня									
<i>Высокотехнологические</i>									
Производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов	2150	0,56	0,49	0,44	0,39	0,46	0,62	0,53	0,87
производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры	1900	0,60	0,45	0,43	0,37	0,59	0,68	0,59	0,45
<i>Среднетехнологические (высокого уровня)</i>									
производство химических продуктов	2970	0,57	0,32	0,51	0,40	0,45	0,50	0,80	0,34
производство электрооборудования	1730	0,56	0,59	0,52	0,47	0,44	0,60	0,54	0,44
производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	1840	0,58	0,48	0,46	0,48	0,42	0,63	0,73	0,52
производство транспортных средств и оборудования	1880	0,57	0,46	0,47	0,59	0,43	0,64	0,58	0,45
<i>Среднетехнологические (низкого уровня)</i>									
производство кокса и продуктов нефтепереработки	2680	0,61	0,30	0,63	0,73	0,31	0,42	0,36	0,30
производство резиновых и пластмассовых изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов	1730	0,52	0,47	0,48	0,49	0,47	0,62	0,53	0,54
металлургическое производство. Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	1910	0,56	0,40	0,42	0,65	0,45	0,59	0,60	0,41
<i>Статистические характеристики</i>									
Среднее	2088	0,56	0,47	0,51	0,55	0,45	0,62	0,66	0,47
Минимум	1730	0,52	0,30	0,42	0,39	0,31	0,42	0,36	0,30
Максимум	2970	0,61	0,59	0,63	0,73	0,59	0,68	0,80	0,87
Медиана	1900	0,57	0,46	0,47	0,48	0,45	0,62	0,58	0,45

Источник: рассчитано авторами по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.
 Source: data of the National Statistical Committee of the Republic of Belarus.

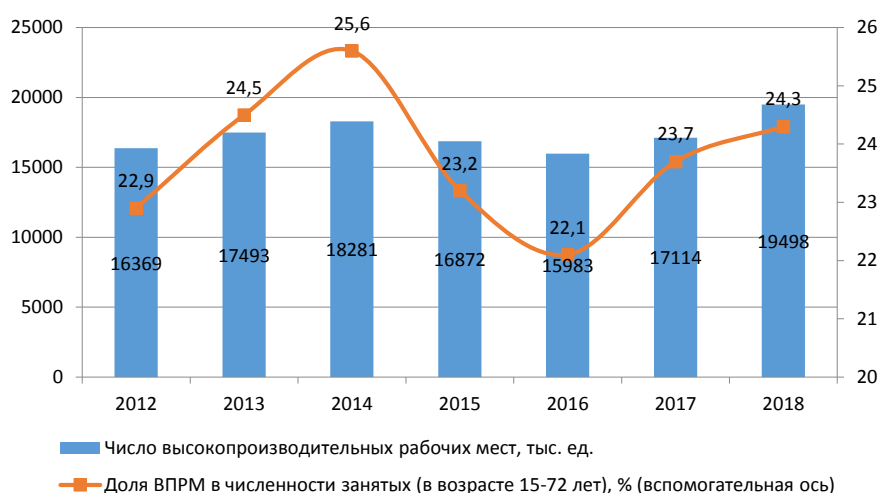

Рис. 5. Динамика создания высокопроизводительных рабочих мест в России (источник: рассчитано на основе данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации)

Fig. 5. Dynamics of creating high-performance workplaces in Russia (source: data of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation)

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике», в целях повышения темпов и обеспечения устойчивости экономического роста, достижения технологического лидерства российской экономики к 2020 г. предусмотрены создание и модернизация 25 млн высокопроизводительных рабочих мест. К началу 2019 г. в Российской Федерации было создано 19,5 млн высокопроизводительных рабочих мест (рис. 5).

Наибольшее количество ВПРМ в России сосредоточено (данные 2018 г.) в обрабатывающих производствах (20,4 %), государственном управлении (12,1 %), секторе операций с недвижимостью (10,9 %), а также в отраслях транспорта и связи (11,7 %).

Результаты анализа пространственной неравномерности производительности труда представлены в табл. 3.

Таблица 3. Анализ межрегиональной дифференциации производительности труда в России

Table 3. Analysis of interregional differentiation of labor productivity in Russia

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Темпы роста производительности труда, % к предыдущему году	103,3	102,2	100,7	98,9	100,2	101,9
Отношение максимального и минимального уровней производительности труда, раз	30,4	31,9	29,7	36,3	38,3	39,2
Коэффициент вариации производительности труда в регионах, %	132,5	135,4	138,4	149,7	154,9	159,3
Отношение максимального уровня производительности труда к среднему по России, раз	10,6	10,9	10,8	11,9	12,6	12,8
Отношение минимального уровня производительности труда к среднему по России, раз	0,35	0,34	0,36	0,33	0,33	0,32

Примечание. Производительность труда в регионах рассчитана как отношение валового регионального дохода (ВРП) в сопоставимых ценах к численности занятых в возрасте от 15 до 72 лет. Анализ проведен по 83 субъектам РФ (источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации).

В 2017 г. производительность труда выросла на 1,9 % к уровню предыдущего года (данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, ОКВЭД¹), т. е. для России характерна реверсивная тенденция ее изменения. О повышении межрегиональной диф-

¹ Индекс производительности труда рассчитывается в целом по экономике и отраслям экономики, продукция которых реализуется преимущественно по рыночным ценам.

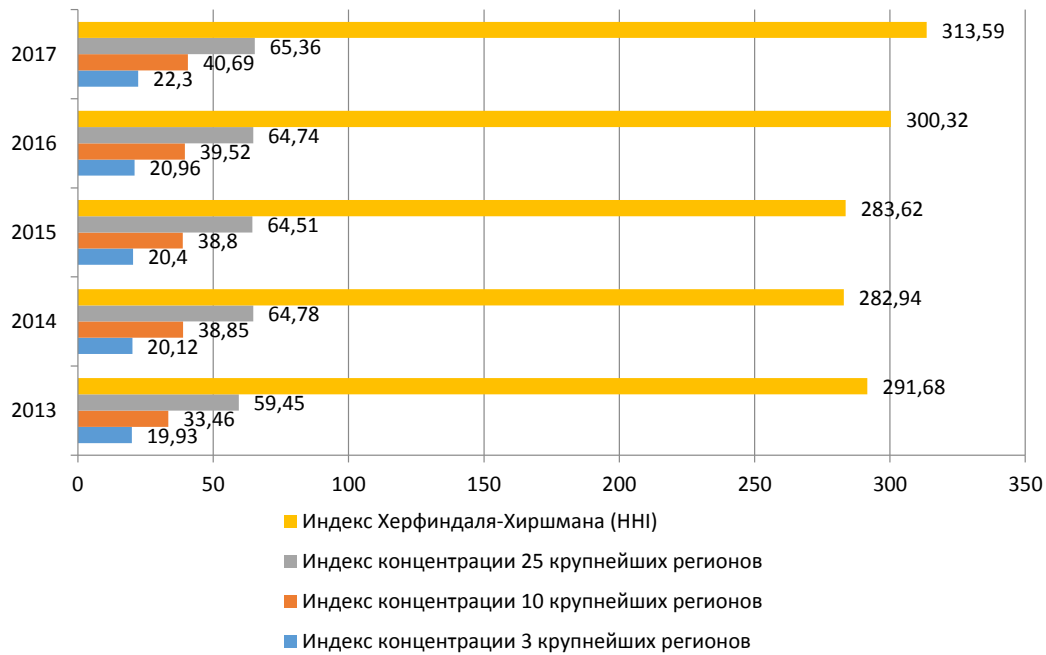

Рис. 6. Концентрация высокопроизводительных рабочих мест в регионах России, % (источник: рассчитано на основе данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации)

Fig. 6. Concentration of high-performance workplaces in the regions of Russia, % (source: data of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation)

ференциации свидетельствует рост вариации производительности труда. Максимальная производительность труда наблюдается в Ненецком, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах. Так, ВРП на одного занятого в Ненецком автономном округе в 11–13 раз выше среднероссийского. Минимальный уровень производительности труда (32–35 % от среднего по России значения) демонстрирует Чеченская Республика.

Усиление межрегиональной дифференциации результативности труда подтверждают результаты оценки концентрации ВПРМ (рис. 6). Если в 2013 г. в трех крупнейших регионах (г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург) было сосредоточено лишь 19,9 % общего числа ВПРМ, то в 2017 г. – уже 22,3 %.

Наиболее значимое влияние на относительное число ВПРМ в регионах оказывает общий уровень их социально-экономического развития. Расширение бюджетного сектора и обрабатывающей промышленности также обеспечивает рост относительного числа ВПРМ в регионах России. Повышение безработицы в регионах негативно влияет на создание высокопроизводительных рабочих мест (их доля в занятом населении снижается) [17].

Таким образом, значительная межрегиональная дифференциация результативности труда в Беларуси и России обуславливает необходимость использования дифференцированного подхода к формированию промышленной политики стимулирования производительности труда в регионах.

Меры по стимулированию производительности труда в регионах Республики Беларусь и Российской Федерации. В соответствии с проведенным исследованием, к основным проблемам стимулирования производительности труда в регионах Беларуси и России можно отнести:

Индекс изменения производительности труда по экономике в целом рассчитан как частное от деления индексов физического объема ВВП и индекса изменения совокупных затрат труда.

По отраслям экономики индекс производительности труда рассчитывается как частное от деления индексов физического объема добавленной стоимости и изменения совокупных затрат труда.

Индексы изменения ВВП и добавленной стоимости рассчитаны исходя из абсолютных значений этих показателей в постоянных ценах.

Индексы изменения совокупных затрат труда определены на основе трудовых затрат на всех видах работ, включая дополнительную работу и производство продукции для собственного потребления. Методика утверждена Приказом Росстата № 274 от 28.04.2018 г.

неоднородность трактовки экономического содержания и критериев определения высокопроизводительных рабочих мест;

реверсивный характер изменения результативности труда;

существенную межрегиональную и отраслевую дифференциацию производительности труда;

высокую стоимость создания высокопроизводительных рабочих мест и длительные сроки их окупаемости, ограничивающие темпы роста производительности труда в регионах с низким уровнем социально-экономического развития;

отсутствие методического инструментария оценки эффективности использования различных мер государственного стимулирования производительности труда.

Согласно положениям Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы государственная политика направлена на обеспечение эффективной занятости населения, повышение конкурентоспособности рабочей силы на рынке труда и ее территориальной мобильности. Предусматривается обеспечение перехода от политики сохранения рабочих мест к политике получения максимального эффекта от одного рабочего места. Особое внимание уделяется формированию правовых условий для привлечения инвестиций в модернизацию производств и создание новых рабочих мест. Ежегодно планируется трудоустроить на вновь созданные рабочие места не менее 50 тыс. человек. Основная роль в этом отводится малому и среднему бизнесу, который получит дополнительную государственную поддержку.

Новые рабочие места в Беларуси планируется создавать с учетом перспектив и направлений структурной перестройки производства и для обеспечения занятости работников, высвобождаемых в ходе сокращения неэффективных рабочих мест. Реализация мер по повышению трудовой мобильности рабочей силы должна способствовать перераспределению кадров в регионы с дефицитом трудовых ресурсов. В этих целях планируется совершенствовать информационно-аналитическую базу вакансий в глобальной сети Интернет. Предусмотрено оказание финансовой поддержки безработным и членам их семей, переселяющимся на новое место жительства и работы¹.

Согласно Плану индустриализации отстающих регионов, разработанному во исполнение поручения Совета Министров Республики Беларусь, до 2020 года в отстающих районах Витебской, Гомельской, Гродненской и Минской областей намечается реализация 6 инновационных проектов по освоению совершенно новых для регионов направлений с высокой добавленной стоимостью в химическом и металлургическом производстве, цифровых технологиях с созданием около 4 тыс. новых рабочих мест. Для увеличения доли высокоэффективных производств в структуре промышленного производства отстающих районов предусматривается реализация инвестиционных проектов в фармацевтической и пищевой промышленности в Брестской и Могилевской области.

Согласно направлению 4.2 «Производительная занятость и доступные рабочие места» Концепции Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года, главная цель государственной политики в социально-трудовой сфере – создание условий для производительной и достойно оплачиваемой занятости, повышение эффективности использования трудового потенциала и его конкурентоспособности. На первом этапе (2021–2025 годы) основные усилия будут направлены на трансформацию отраслевой структуры занятости путем создания новых рабочих мест в высокотехнологичном секторе экономики и сфере наукоемких услуг. Акцент будет сделан на создании высокопроизводительных рабочих мест в рамках реализации плана новой индустриализации регионов, освоения новых производств в Парке высоких технологий и Китайско-Белорусском индустриальном парке «Великий камень». Особое внимание будет уделено устранению межрегиональных диспропорций на рынке труда, в том числе посредством реализации мер по перераспределению рабочей силы на основе повышения ее территориальной, трудовой и профессиональной мобильности, расширения масштабов трудовой миграции².

¹ Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2016 г., № 466 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2016. – 1/16792.

² Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/Kontseptsija-na-sajt.pdf>. – Дата доступа: 10.09.2019.

В Российской Федерации принимаются определенные меры по решению проблемы низкой результативности труда в российской экономике. В частности, приняты Указы Президента Российской Федерации (2012 г.) в части роста производительности труда и разработан «План мероприятий по обеспечению повышения производительности труда и модернизации высокопроизводительных рабочих мест». Контент-анализ программ повышения производительности труда в регионах России до 2020 года (на примере регионов Уральского федерального округа) показал, что для роста результативности труда используются как методы вертикальной (например, финансовая поддержка проектов создания ВПРМ в социальной сфере), так и горизонтальной промышленной политики (развитие инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства). В 2017 г. принята приоритетная государственная программа «Производительность труда и поддержка занятости», предусматривающая выделение средств федерального бюджета для поэтапного стимулирования роста производительности труда в субъектах Российской Федерации¹.

Основные инструменты стимулирования роста производительности труда, применяемые в Российской Федерации, целесообразно разделить на следующие группы:

1) по направлению «Создание общих условий для экономического роста и ведения бизнеса»: методы налогового стимулирования; повышение инвестиционной привлекательности (создание особых экономических зон, территорий опережающего развития, индустриальных парков и т. п.); развитие инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства и др.;

2) по направлению «Поддержка модернизации производства и повышения его технологического уровня»: меры стимулирования замены устаревшего оборудования и технологий; меры поддержки внедрения инновационных разработок; разработка системы оценки рабочих мест и используемых технологий; формирование системы переподготовки и обучения кадров; меры повышения мобильности трудовых ресурсов и др.

Заключение. Проведенное исследование показало, что для Беларуси и России характерно значительное отставание в уровне производительности труда от экономически развитых стран, имеющее тенденцию к постепенному сокращению. С учетом паритета покупательской способности национальных валют отставание Беларуси по уровню производительности труда от стран G7 сократилось с 4,7 раза в 2000 г. до 2,8 раза в 2017 г.; России – с 2,7 раза в 2000 г. до 1,9 раза в 2017 г. Это в свою очередь свидетельствует о том, что наблюдается процесс постепенной конвергенции уровня валового внутреннего продукта в расчете на одного занятого в экономике в Беларуси и России и сокращение разрыва производительности труда между странами (с 1,75 раза в 2000 г. до 1,51 раза – в 2017 г.).

В Беларуси и России применяются различные критерии отнесения рабочих мест к высокопроизводительным. В Беларуси в открытом доступе не представлены сведения о количестве создаваемых высокопроизводительных рабочих мест, в том числе по отношению к дополнительно введенным, что затрудняет проведение соответствующего анализа. Предлагаемый в научном исследовании методический подход позволил оценить соответствие имеющихся рабочих мест высокопроизводительному уровню. В качестве базы для сравнения выбраны виды экономической деятельности, относящиеся к средне- и высокотехнологичному сектору промышленности. Анализ показал, что наиболее эффективно используются рабочие места в г. Минске и Минской области, наименее эффективно – в Гродненской, Брестской и Могилевской областях. Выявлена отраслевая специализация в регионах на видах экономической деятельности, в отношении которых производительность труда является наиболее высокой. Определена значимая корреляционная зависимость между ростом валового регионального продукта, развитием средне- и высокотехнологичного сектора экономики и высоким уровнем производительности труда на рабочих местах.

В России коэффициент вариации производительности труда в регионах существенно превышает соответствующее значение для Беларуси (159,3 % против 16,7 % в 2017 г.), что свидетельствует о более значимых различиях в социально-экономическом развитии и размещении производитель-

¹ Паспорт приоритетной программы «Производительность труда и поддержка занятости» [Электронный ресурс] : Утвержден Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 30.08.2017 г. № 9). – Режим доступа: URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/lp/201819012>. – Дата доступа: 25.09.2018.

ных сил. Максимальная производительность труда наблюдается в Ненецком, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах. Так, ВРП на одного занятого в Ненецком автономном округе в 11–13 раз выше среднероссийского. Минимальный уровень производительности труда (32–35 % от среднего по России значения) демонстрирует Чеченская Республика. О высокой концентрации ВПРМ свидетельствует сосредоточение в трех крупнейших регионах (г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург) одной пятой части (22,3 %) от общего числа ВПРМ в 2017 г.

Основные направления государственной политики в области создания высокопроизводительных рабочих мест в Беларуси предусматривают формирование условий для привлечения инвестиций в модернизацию производств, мероприятия по реализации плана новой индустриализации регионов, освоение новых производств в Парке высоких технологий и Китайско-Белорусском индустриальном парке «Великий камень», перераспределение рабочей силы на основе повышения ее территориальной, трудовой и профессиональной мобильности.

В России в целях стимулирования производительности труда применяются такие инструменты, как методы налогового стимулирования, повышение инвестиционной привлекательности, развитие инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, меры технологического обновления и поддержки внедрения инновационных разработок, формирование системы переподготовки и обучения кадров и др. Важным является использование микроэкономических механизмов стимулирования роста производительности труда, призванных повысить качественные характеристики рабочих мест и профессиональную квалификацию занимающих их работников.

Список использованных источников

1. World development report 2013: Jobs / The World Bank. – Washington : The World Bank, 2012. – 401 p. <https://doi.org/10.1596/978-0-8213-9575-2>
2. Productivity and the welfare of nations / S. Basu [et al.]. – Bonn : IZA, 2012. – 65 p. – (Discussion paper ; № 6461). <https://doi.org/10.3386/w17971>
3. Jinjarak, Y. Competition, labor intensity, and specialization: structural changes in post crisis Asia / Y. Jinjarak, K. Naknoi. – Manila : Asian Development Bank, 2011. – 26 p. – (ADB Economics Working Paper Series ; № 289). <https://doi.org/10.2139/ssrn.2022656>
4. Alvarez, R. Innovation and productivity in services: evidence from Chile [Electronic resource] / R. Alvarez, A. Zahler, C. Bravo-Ortega. – Mode of access: <https://publications.iadb.org/publications/english/document/Innovation-and-Productivity-in-Services-Evidence-from-Chile.pdf>.
5. Зайцев, А. А. Межстрановой анализ отраслевой производительности труда в 1991–2008 годах / А. А. Зайцев. – М. : Ин-т экономики РАН, 2014. – 44 с.
6. Преснякова, Е. В. Стимулирование роста производительности труда мерами инвестиционной политики / Е. В. Преснякова // Новая экономика. – 2014. – № 1 (63). – С. 258–264.
7. Преснякова, Е. В. Инвестиционные факторы роста производительности труда в Беларуси / Е. В. Преснякова // Наука и инновации. – 2014. – № 9 (139). – С. 35–38.
8. Воскобойников, И. Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике / И. Воскобойников, В. Гимпельсон // Вопр. экономики. – 2015. – № 11. – С. 30–61. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-11-30-61>
9. Киреев, В. Е. Производительность, доходность и интенсивность труда: Россия и страны ОЭСР / В. Е. Киреев // Вестн. УрФУ. Сер. экономика и упр. – 2017. – Т. 16, № 2. – С. 308–326. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2017.16.2.016>
10. Михеева, Н. Н. Сравнительный анализ производительности труда в российских регионах / Н. Н. Михеева // Регион: экономика и социология. – 2015. – № 2 (86). – С. 86–112. <https://doi.org/10.15372/REG20150605>
11. Гимпельсон, В. Е. «Поляризация» или «улучшение»? Эволюция структуры рабочих мест в России в 2000-е годы [Электронный ресурс] : препринт WP3/2015/01 / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики». – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2015/02/27/1091543859/WP3_2015_01_.pdf.
12. Волкова, Н. Н. Определение высокопроизводительных рабочих мест: сравнение методик / Н. Н. Волкова, Э. И. Романюк // Вестн. Ин-та экономики Рос. акад. наук. – 2015. – № 5. – С. 89–97.
13. Кокоулина, Е. Е. Как оценивают высокопроизводительные рабочие места в современной России / Е. Е. Кокоулина // Проблемы учёта и финансов. – 2013. – № 3 (11). – С. 56–59.
14. Коровкин, А. Г. Макроэкономическая оценка состояния и перспектив развития сферы занятости и рынка труда в России / А. Г. Коровкин // Журн. новой экон. ассоц. – 2018. – № 1 (37). – С. 168–176.
15. Кадочников, С. М. Высокопроизводительные рабочие места в промышленности Свердловской области [Электронный ресурс] : доклад, Екатеринбург, 29 нояб. 2012 г. / С. М. Кадочников, Д. Е. Толмачев. – Режим доступа: <http://sospp.ru/wp-content/uploads/3.-Выступление-С.М.-Кадочникова-13.12.12.pptx>. – Дата доступа: 15.05.2016.

16. Потапцева, Е. В. Стимулирование создания высокопроизводительных рабочих мест в регионах (на примере Свердловской области) / Е. В. Потапцева // Друкер. вестн. – 2017. – № 1 (15). – С. 217–234. <http://dx.doi.org/10.17213/2312-6469-2017-1-218-235>

17. Козлова, О. А. Повышение производительности труда в регионах Урала: инструменты и методы стимулирования [Электронный ресурс] / О. А. Козлова, С. Н. Смирных, Е. В. Потапцева // Упр. экон. системами : электрон. науч. журн. – 2018. – № 12 (118). – Режим доступа: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/5269-2018-12-14-13-43-35>.

References

1. *World Development Report 2013: Jobs*. Washington, The World Bank, 2012. 401 p. <https://doi.org/10.1596/978-0-8213-9575-2>
2. Basu S., Pascali L., Schiantarelli F., Serven L. *Productivity and the welfare of nations. Discussion paper, no. 6461*. Bonn, IZA, 2012. 65 p. <https://doi.org/10.3386/w17971>
3. Jinjarak Y., Naknoi K. *Competition, labor Intensity, and specialization: structural changes in post crisis Asia. ADB Economics Working Paper Series, no. 289*. Manila, Asian Development Bank, 2011. 26 p. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2022656>
4. Alvarez R., Zahler A., Bravo-Ortega C. *Innovation and productivity in services: evidence from Chile*. Available at: <https://publications.iadb.org/publications/english/document/Innovation-and-Productivity-in-Services-Evidence-from-Chile.pdf>
5. Zaitsev A. A. *Cross-country analysis of sectoral labor productivity in years 1991–2008*. Moscow, The Institute of Economics RAS, 2014. 44 p. (in Russian).
6. Presniakova E. V. Stimulation of labor productivity growth through investment policy measures. *Novaya ekonomika [New Economy]*, 2014, no. 1 (63), pp. 258–264 (in Russian).
7. Presnyakova E. V. Investment factors of productivity growth in Belarus. *Nauka i innovacii = Science and Innovations*, 2014, no. 9 (139), pp. 35–38 (in Russian).
8. Voskoboinikov I., Gimpel'son V. Productivity growth, structural change and informality: the case of Russia. *Voprosy ekonomiki*, 2015, no. 11, pp. 30–61 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-11-30-61>
9. Kireev V. E. Productivity, profitability and intensity of labor: Russia and the OECD. *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie = Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management*, 2017, vol. 16, no. 2, pp. 308–326 (in Russian). <https://doi.org/10.15826/vestnik.2017.16.2.016>
10. Mikheeva N. N. Workforce productivity in Russian regions: comparative analysis. *Region: ekonomika i sotsiologiya = Region: Economics and Sociology*, 2015, no. 2 (86), pp. 86–112 (in Russian). <https://doi.org/10.15372/REG20150605>
11. Gimpel'son V. E., Kapelyushnikov R. I. *Polarization or upgrading? Evolution of employment in transitional Russia: working paper WP3/2015/01*. Moscow, Higher School of Economics Publ. House, 2015. Available at: https://www.hse.ru/data/2015/02/27/1091543859/WP3_2015_01_.pdf (in Russian).
12. Volkova N. N., Romanyuk E. I. Evaluation of high-performance workplaces: comparison of methods. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoi akademii nauk = The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2015, no. 5, pp. 89–97 (in Russian).
13. Kokoulina E. E. How to evaluate the high-performance workplaces in modern Russia? *Problemy ucheta i finansov = Problems of Accounting and Finance*, 2013, no. 3 (11), pp. 56–59 (in Russian).
14. Korovkin A. G. Current status and prospects of employment sphere and labor market developments in Russia: macroeconomic estimates. *Zhurnal novej ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*, 2018, no. 1 (37), pp. 168–176 (in Russian).
15. Kadochnikov S. M., Tolmachev D. E. *High-performance jobs in industry in the Sverdlovsk region: report*. Available at: <http://sospp.ru/wp-content/uploads/3.-Выступление-С.М.-Кадочникова-13.12.12.pptx> (accessed 15.05.2016) (in Russian).
16. Potaptsseva E. V. Create high-performance jobs in the region (on the example Sverdlovsk region). *Drukerovskij vestnik = Drukerovskij vestnik*, 2017, no. 1 (15), pp. 217–234. <http://dx.doi.org/10.17213/2312-6469-2017-1-218-235>
17. Kozlova O. A., Smirnykh S. N., Potaptsseva E. V. Labor productivity increasing in the regions of Ural: tools and methods to stimulate. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami = Management of Economic Systems*, 2018, no. 12 (118). Available at: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/5269-2018-12-14-13-43-35> (in Russian).

Информация об авторах

Преснякова Елена Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий сектором промышленной политики. Институт экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220141, Минск, Республика Беларусь). E-mail: prasniakova@tut.by. ORCID: 0000-0002-7453-3884.

Петров Михаил Борисович – доктор технических наук, доцент, руководитель Центра развития и размещения производительных сил. Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (ул. Московская, 29, 620014, Екатеринбург, Российская Федерация). E-mail: michpetrov@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-3043-6302.

Information about the authors

Alena V. Prasniakova – Ph. D. (Econ.), Associate Professor, Head of Industrial Policy. Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus of (1 Surganov Str., Bldg 2, 220141, Minsk, Belarus). E-mail: prasniakova@tut.by. ORCID: 0000-0002-7453-3884.

Mikhail B. Petrov – D. Sc. (Technic.), Associate Professor, Head of the Development and deployment of productive forces Center. Institute of Economics of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences (29 Moscovskaya Str., 620014 Ekaterinburg, Russia). E-mail: michpetrov@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3043-6302.

Смирных Светлана Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики предприятий. Уральский государственный экономический университет (ул. Восьмого марта, 62, 620014, Екатеринбург, Российская Федерация). E-mail: sns6@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-1139-4335.

Потапцева Екатерина Викторовна – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник. Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (ул. Московская, 29, 620014, Екатеринбург, Российская Федерация). E-mail: emif@mail.ru. ORCID: 0000-0001-8670-0304.

Ли Валентина Аркадьевна – ведущий экономист. Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (ул. Московская, 29, 620014, Екатеринбург, Российская Федерация). E-mail: leevalentina@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-5604-7399.

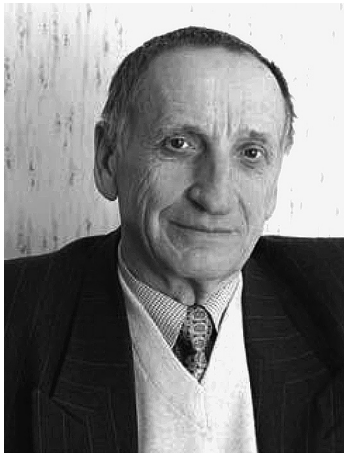
Svetlana N. Smirnykh – Ph. D. (Econ.), Associate Professor. Ural State University of Economics (62 Vosmogo marta Str., 620014 Ekaterinburg, Russia). E-mail: sns6@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-1139-4335.

Ekaterina V. Potaptseva – Ph. D. (Econ.), Associate Professor, Senior Researcher. Institute of Economics of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences (29 Moscovskaya Str., 620014 Ekaterinburg, Russia). E-mail: ekaterina.potaptseva@gmail.com. ORCID: 0000-0001-8670-0304.

Valentina Arkad'evna Lee – Principal Economist, Institute of Economics of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences (29 Moscovskaya Str., 620014 Ekaterinburg, Russia). E-mail: leevalentina@yandex.ru. Scopus Author ID: 57190430267; ORCID: 0000-0002-5604-7399.

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ
SCIENTISTS OF BELARUS

ГЕНАДЗЬ МІХАЙЛАВІЧ ЛЫЧ
(Да 85-годдзя з дня нараджэння)

Генадзь Міхайлавіч Лыч нарадзіўся 25 лютага 1935 г. у вёсцы Магільнае Уздзенскага раёна Мінскай вобласці. Выхоўваўся ў сям’і селяніна, скончыў Магільнянскую сярэднюю школу (1953 г.), затым Беларускі дзяржаўны інстытут народнай гаспадаркі імя В. У. Куйбышава (1958 г.), дзе і атрымаў спецыяльнасць эканаміста.

У 1958–1961 гг. Генадзь Міхайлавіч працаваў на Брэсцкай абласной сельскагаспадарчай доследнай станцыі спачатку малодшым навуковым супрацоўнікам, потым загадчыкам аддзела эканомікі. У 1964 г. ён паспяхова скончыў аспірантуру пры Усесаюзным НДІ гідратэхнікі і меліярацыі імя А. М. Касцякова і па размеркаванні працаваў старшым навуковым супрацоўнікам у Беларускім НДІ эканомікі і арганізацыі сельскагаспадарчай вытворчасці. У 1965 г. атрымаў вучоную ступень кандыдата эканамічных навук за даследаванне, у якім распрацаваў якасна новы метадалагічны падыход да вызначэння эканамічнай эфектыўнасці асушальных меліярацый у зоне няўстойлівай і залішняй вільготнасці.

З 1967 г. Г. М. Лыч працягваў распрацоўку праблем эканамічнай эфектыўнасці сельскагаспадарчых меліярацый у Беларускім НДІ меліярацыі і воднай гаспадаркі, дзе амаль да канца 1977 г. узначальваў Адзел эканомікі меліярацыйнага і воднагаспадарчага будаўніцтва. Па выніках гэтых даследаванняў падрыхтаваў і ў 1972 г. абараніў доктарскую дысертацыю на тэму «Эканамічная эфектыўнасць асушальных меліярацый», а ў 1973 г. атрымаў вучоную ступень доктара эканамічных навук. У 1977 г. яму было прысуджана вучонае званне прафесара.

З канца 1977 і па 1988 г. Г. М. Лыч працаваў першым намеснікам дырэктара на навуковай рабоце Беларускага НДІ эканомікі і арганізацыі сельскай гаспадаркі. З пераходам на новую пасаду кола яго навуковых інтарэсаў істотна пашырылася. Прынамсі, свае даследаванні па эканамічнай эфектыўнасці капітальных укладанняў ён распаўсюдзіў на ўсе напрамкі, звязаныя з развіццём аграрнай галіны. Вынікі адзначаных навуковых даследаванняў былі прызнаны на агульнасаюзным узроўні, што дазволіла яму стаць адным з асноўных аўтараў першых у гісторыі айчыннай аграрнай эканамічнай навукі Метадычных рэкамендацый па вызначэнні эканамічнай эфектыўнасці капітальных укладанняў у сельскую гаспадарку, якія былі зацверджаны Усесаюзнай акадэміяй сельскагаспадарчых навук імя У. І. Леніна.

Акрамя таго, Генадзь Міхайлавіч актыўна займаўся даследаваннем шэрага іншых актуальных праблем аграрнай эканомікі, у прыватнасці размяшчэння, спецыялізацыі і канцэнтрацыі сельскагаспадарчай вытворчасці, эканамічнай эфектыўнасці вядзення раслінаводства і жывёлагадоўлі. У якасці намесніка галоўнага рэдактара прыняў актыўны ўдзел у падрыхтоўцы другога выдання «Сістэмы вядзення сельскай гаспадаркі Беларускай ССР». Навуковыя дасягненні Г. М. Лыча таго часу былі ўшанаваны наданнем ганаровага звання «Заслужаны дзеяч навукі Рэспублікі Беларусь» у 1980 г. і выбраннем членам-карэспандэнтам АН БССР у 1986 г.

На гэты ж перыяд прыпаў і найбольш актыўны ўдзел Генадзя Міхайлавіча ў дзейнасці таварыства «Веды». Ён быў абраны членам Прэзідыума рэспубліканскага таварыства «Веды», у якім узначальваў навукова-метадычную секцыю па прапагандзе сельскагаспадарчых ведаў, а затым

і членам пленума Усесаюзнага таварыства «Веды». За заслугі ў прапагандзе навуковых ведаў у 1989 г. быў ушанаваны вышэйшай узнагародай Усесаюзнага таварыства «Веды» – медалём імя акадэміка С. І. Вавілава.

У 1988 г. адбыўся пераход Г. М. Лыча ў Акадэмію навук, з якой з гэтай пары і быў звязаны далейшы творчы лёс вучонага. Са студзеня 1988 г. ён узначальваў Аддзел аграрных праблем сацыялізму Інстытута эканомікі, а з кастрычніка гэтага ж года стаў дырэктарам інстытута.

З гэтага часу асноўную ўвагу ў сваіх даследаваннях Генадзь Міхайлавіч надаваў праблемам макраэканомікі, прынамсі, распрацоўцы эканамічнага механізма gasпадарання, у тым ліку ва ўмовах пераходу ад адміністрацыйна-каманднай да рыначнай эканомікі. У той жа час, займаючы пасаду дырэктара акадэмічнага Інстытута эканомікі, ён актыўна ўдзельнічаў у распрацоўцы самых розных нарматыўных заканадаўчых дакументаў па рыначным рэфармаванні беларускай эканомікі. У прыватнасці, стаў адным з асноўных аўтараў «Канцэпцыі эканамічнага суверэнітэту Беларускай ССР», якая была прызнана лепшай сярод аналагічных канцэпцый іншых саюзных рэспублік і ў якасці ўзору надрукавана на старонках усесаюзнага друку, а таксама «Праграмы пераходу Беларускай ССР да рыначнай эканомікі».

З 1992 па 1997 г. Г. М. Лыч – акадэмік-сакратар Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў. Знаходзячыся на гэтай пасадзе, разам з некаторымі іншымі вядучымі навуковымі супрацоўнікамі Аддзялення ажыццявіў распрацоўку Канцэпцыі палітыка-прававога, сацыяльна-эканамічнага і нацыянальна-культурнага адраджэння і развіцця Рэспублікі Беларусь і правёў па гэтай праблеме тры пашыраныя навуковыя сесіі Аддзялення з удзелам палітычных і дзяржаўных дзеячаў, а таксама шырокага кола прадстаўнікоў навуковай і творчай інтэлігенцыі.

Гэтыя навуковыя сесіі атрымалі шырокі грамадскі водгук і адыгралі немалаважную ролю ў адраджэнні нацыянальнай свядомасці беларускага народа. Акрамя таго, у адзначаны перыяд пад кіраўніцтвам Г. М. Лыча і пры яго непасрэдным удзеле была падрыхтавана першая ў гісторыі незалежнай Беларусі Нацыянальная справаздача аб чалавечым развіцці «Беларусь: тварам да чалавека», якая атрымала высокую ацэнку з вуснаў тагачаснага генеральнага сакратара Арганізацыі Аб'яднаных Нацый Бутраса-Бутраса Галі. Найбольш важныя палажэнні справаздачы публікаваліся на старонках рэспубліканскага друку, каб давесці іх да ведама шырокай грамадскасці.

З 1997 г. Генадзь Міхайлавіч зноў вярнуўся на пасаду дырэктара Інстытута эканомікі, якую пяць папярэдніх гадоў займаў на грамадскіх пачатках, а з 1998 г. перайшоў на пасаду галоўнага навуковага супрацоўніка, засяродзіўшыся на правядзенні фундаментальных эканамічных даследаванняў, спачатку па сацыяльна-эканамічных праблемах забеспячэння экалагічнай бяспекі жыццядзейнасці грамадства, у тым ліку мінімізацыі негатыўных наступстваў Чарнобыльскай катастрофы, а затым па праблемах міжнародных эканамічных адносін у галіне знешняга гандлю сельскагаспадарчымі і харчовымі таварамі. Па выніках навуковых даследаванняў па чарнобыльскай праблеме падрыхтаваў і ў 1999 г. апублікаваў у суаўтарстве манаграфію «Чарнобыльская катастрофа: сацыяльна-эканамічныя праблемы і шляхі іх вырашэння», у якой упершыню была даведзена колькасная ацэнка шкоды, якую прычыніла аварыя на Чарнобыльскай АЭС нацыянальнай эканоміцы і сацыяльнай сферы Рэспублікі Беларусь. Яна была прызнана на афіцыйным узроўні і шырока выкарыстоўвалася ў шматлікіх выступленнях Прэзідэнта краіны і іншых палітычных і дзяржаўных дзеячаў.

З 2009 г. Г. М. Лыч – вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута сістэмных даследаванняў у АПК НАН Беларусі, дзе займаецца даследаваннем праблем аграрнай эканомікі, якія заўсёды яго хвалявалі.

Генадзь Міхайлавіч – аўтар больш за 360 навуковых прац, у тым ліку 17 манаграфій. Яго публікацыі вызначаюцца не толькі актуальнасцю і аргументаванасцю вывадаў і прапаноў, але і прынцыповасцю аўтарскай пазіцыі па спрэчных пытаннях, што нязменна выклікае да іх жывы інтарэс з боку шырокай навуковай грамадскасці.

Акрамя навукова-арганізацыйнай дзейнасці з канца 1980-х гг. Г. М. Лыч пачаў актыўна займацца публіцыстыкай. Па шырокаму колу самых злабадзённых пытанняў нашага грамадскага развіцця ім апублікаваны цэлы шэраг публіцыстычных артыкулаў і чатыры навукова-папулярныя кнігі: «Інтэлектуальная дзірка» (Мінск, 1998), прысвечаная пытанням навукі, найперш гуманітар-

най і сацыяльнай, і жыццядзейнасці навуковай інтэлігенцыі; «Пакутлівыя блуканні» (Мінск, 2000), у якой адлюстраваны шматлікія цяжкасці, з якімі сустрэлася Беларусь на шляху пераходу ад цэнтралізавана-планавай да рыначнай эканомікі; «Народам звацца» (Мінск, 2001), у якой абгрунтавана неабходнасць захавання і ўмацавання эканамічнага і палітычнага суверэнітэту Рэспублікі Беларусь, і «Трагедыя беларускага сялянства» (Мінск, 2003), прысвечаная асэнсаванню цяжкага лёсу беларускага сялянства на працягу многіх стагоддзяў.

Сваю даследчую, навукова-арганізацыйную і педагогічную працу Генадзь Міхайлавіч паспяхова спалучаў з актыўнай грамадскай дзейнасцю. Ён быў членам Нацыянальнага камітэта Рэспублікі Беларусь па справах ЮНЕСКА, Камітэта па Дзяржаўных прэміях Рэспублікі Беларусь у галіне навукі і тэхнікі, старшынёй Мінскага абласнога і членам Прэзідыума рэспубліканскага таварыства «Веды».

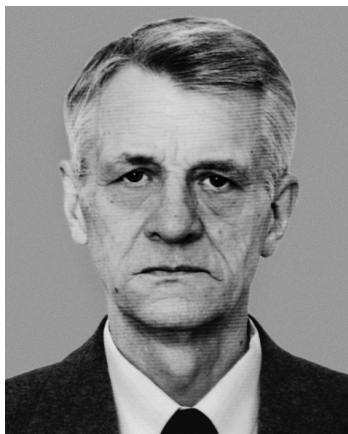
Гледзячы назад у мінулае, думаецца, можна смела сцвярджаць: наўрад ці нават мог марыць вясковы хлапчук, які рос без апоры на бацькоўскія плечы, аб тым, што пройдзе час і ён дасягне самых высокіх навуковых ступеняў і званняў, узначаліць вядомыя і аўтарытэтныя навуковыя ўстановы. Але зайздросная працавітасць, арганізаванасць і талент, што заўсёды вылучалі Генадзя Міхайлавіча, зрабілі сваю добрую справу.

Яго творчы шлях – гэта яшчэ адно пацвярджэнне правільнасці слоў класіка, які сказаў, што ў навуцы няма шырокай прамой дарогі і толькі той можа дасягнуць яе вяршынь, хто не баіцца стомленасці і крок за крокам узнімаецца ўверх па яе камяністых сцежках.

Дасягнутым Генадзь Міхайлавіч не цешыць сябе, а, як звычайна, працуе. Таму і сваё 85-годдзе сустракае за пісьмовым сталом. Нязгасная прага даследчыка, мэтанакіраванасць, няўрымсліваць працаўніка даюць яму новую творчую энергію. Жадаем юбіляру моцнага здароўя, здзяйснення ўсіх планаў і задум.

Аддзяленне гуманітарных навук і мастацтваў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОДОПЬЯНОВ
(К 80-летию со дня рождения)

10 февраля известный белорусский ученый, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор философских наук, профессор Павел Александрович Водопьянов отмечает свое 80-летие.

За плечами юбиляра большой и сложный путь к своей мечте. Родился Павел Александрович в д. Полоная Кареличского района Гродненской области. В 1959 году в г. Гомеле окончил техникум механической обработки древесины. Самостоятельную трудовую деятельность начал рабочим мебельной фабрики. С октября 1959 по август 1962 года служил в рядах Советской Армии.

В 1967 году П. А. Водопьянов окончил философский факультет Ленинградского государственного университета. Еще в студенческие годы, на заре своей научной карьеры он сумел разглядеть в синтетической теории эволюции предмет научного поиска. В этом выборе, конечно, заметно влияние научной школы его учителя –

заведующего кафедрой дарвинизма Ленинградского государственного университета Кирилла Михайловича Завадского. Ученик вырос под стать своему учителю. Павел Александрович, так же как и Кирилл Михайлович, энциклопедически образован, оригинально мыслит, честен, всегда открыт для дискуссии, уважает чужое мнение, даже если его не разделяет. Он приучен к тяжёлой, изнурительной работе, всегда готов дать «взбучку» нерадивым, не скрывает своей позиции по поводу поверхностного, слабо аргументированного суждения, может интеллигентно, без обиды осечь зарвавшегося или зазнавшегося коллегу.

Ленинградская научная среда 1970-х годов, традиции старейшего российского университета с повышенной требовательностью к знаниям; дискуссии, уважительное отношение к мнению оппонента; уроки чести и научной этики в трудные годы преодоления лысенковщины – все это формировало высококлассных специалистов с высокой нравственной позицией. Это школа на всю жизнь.

И все же философом его сделала сама жизнь – трудная и настоящая, где дети рано выросли и трудились от зари до зари, наравне со взрослыми. А иначе – не выжить. Да и мог ли вообще мечтать о такой профессии подросток из сельской глубинки, переживший оккупацию, хвативший немало военного лиха, на собственной шкуре познавший все тяготы послевоенной разрухи, хорошо понимающий, что в жизни ничего не дается просто так, за все приходилось платить сполна. Возможно, поэтому и характер сформировался под стать времени – суровый и несговорчивый. Не в его натуре ныть по пустякам и жаловаться на судьбу, все достигнуто своим талантом и трудолюбием.

Павел Александрович – ученый широкого диапазона возможностей, в его работах успешно осуществлен синтез философии, социальных и гуманитарных наук с естественнонаучными дисциплинами. Он специализируется на философских вопросах естествознания и сегодня имеет серьезные достижения в философском осмыслении эволюционной биологии, социальной экологии, природоохранной проблематики, вносит значительный вклад в разработку философских проблем биосферы.

С августа 1967 года П. А. Водопьянов работал в должности младшего научного сотрудника Института философии и права АН БССР, там же окончил аспирантуру. В сентябре 1973 года защитил кандидатскую диссертацию по теме «Философский анализ устойчивости систем живой природы» и в следующем году был переведен на должность старшего научного сотрудника Института философии и права АН БССР. В 1982 г. он успешно защитил докторскую диссертацию по

теме «Философско-методологический анализ взаимодействия устойчивости и развития биосферы» и перешел на работу в Белорусский государственный технологический университет, где вплоть до 2010 года возглавлял кафедру философии и права. В настоящее время – профессор этой кафедры.

Среди научной общественности П. А. Водопьянов слывет хорошим ученым, настоящим отличником образования, честным экспертом, человеком со своим мнением, верным другом. В 2009 году с большим опозданием был избран членом-корреспондентом Национальной академии наук Беларуси, хотя к этому времени как ученый стал уже широко известен и признан.

Профессор П. А. Водопьянов много выступает, работает в общественных комиссиях и комитетах, консультирует представителей власти, проводит экспертизу самых сложных работ. Долгое время Павел Александрович возглавлял Экспертный совет по философским наукам Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, где проявил себя как принципиальный, честный и справедливый эксперт. В результате своей правоты и порядочности он снискал истинное признание и уважение научного сообщества. Работая в общественном Совете при Министерстве образования Республики Беларусь, профессор П. А. Водопьянов неустанно отстаивает интересы развития философии, всего гуманитарного блока наук, их качественного улучшения преподавания, гармонизации новых образовательных стандартов, расширения экологического воспитания молодежи.

Павел Александрович много публикуется, активно участвует в работе различных международных форумов. Он постоянный участник Лихачёвских научных чтений в Санкт-Петербурге. Среди лучших его книг следует отметить следующие монографии: «Устойчивость в развитии живой природы» (1980) и «Великий день гнева. Экология и эсхатология» (в соавторстве) (1993). В настоящее время он разрабатывает проблемы глобализации, изучает риски и вызовы постиндустриализма, философские вопросы науки и техники.

В условиях нарастания кризисных явлений в жизни современного общества особую актуальность приобретают такие тренды научного поиска, которые направлены на разработку проблем ближайшего будущего. К числу такого рода проблем относятся, в первую очередь, кардинальные вопросы прогнозирования дальнейшего роста численности народонаселения, качественные параметры окружающей среды, истощение природных ресурсов, недостаток продовольствия и финансовых активов и многое другое. От успешного решения этих проблем, в конечном итоге, зависит выбор направлений развития человечества и его будущее.

Фактически на повестке дня сегодня гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?», только в современной редакции: «Что ожидает человечество: Апокалипсис, предсказанный в эсхатологии христианства, или надежды на дальнейшее процветание, достигаемое человеческим Разумом?». Ответ на современные вызовы Павел Александрович пытается дать в недавно вышедшей монографии «Стратегия бытия человечества: от апокалиптики к ноосферному веку» (2018, соавтор В. С. Крисаченко). Со свойственной Павлу Александровичу честностью и прямоотой он открыто заявляет, что в настоящее время требует изменения сама шкала сложившихся человеческих потребностей. Следует отказаться от существующей модели развития, основанной на постоянном экономическом росте и ориентированной на достижение высоких уровней потребления, который не учитывает потребность сохранения жизненного пространства, необходимого для нормальной жизнедеятельности людей.

Сегодня, по мнению П. А. Водопьянова, нельзя обойтись без формирования новой шкалы ценностей во взаимоотношениях человека и биосферы, которая должна учитывать отдаленные последствия достижений в области науки и техники. Господствующие до сих пор во многих сферах экономики рыночные отношения ориентированы на получение сиюминутной выгоды и не учитывают отдаленные последствия человеческой деятельности, а также экологические ценности.

Профессор П. А. Водопьянов озабочен нарастанием нравственного кризиса современной цивилизации, свидетельством чего являются распространение наркомании, алкоголизма, употребление психотропных веществ, ведущих к биологической деградации человека. Извечные человеческие ценности – доброта, справедливость, порядочность, взаимопомощь – все чаще уступают место насилию, злобе, ненависти и другим порокам. И с этим нельзя не согласиться...

Павлу Александровичу 80 лет! Не верится в правдивость этих цифр, когда видишь энергичного, по-спортивному подтянутого, увлеченного новыми идеями ученого, заражающего творческой энергией, способного удивлять своих слушателей смелостью и новизной мысли. Философ П. А. Водопьянов вступает в зрелый, самый интересный и плодотворный в творческом плане период своей жизни. Уже накоплен колоссальный опыт исследовательской и педагогической работы, так много повседневного, суетного и обязательного уже позади. И лес сплавлять по Печере, как это было в юности в составе Московского объединенного аспирантского строительного отряда, вместе с такими же романтиками – философами С. А. Шавелем и М. А. Слемневым, уже не требуется ... Но, как я понимаю, П. А. Водопьянову еще рано жить воспоминаниями. Ученый и сегодня востребован как эксперт по вопросам устойчивого развития, ответственного и бережного отношения к сохранению природных ресурсов, жизни на Земле.

Павел Александрович необыкновенно благороден в своем служении науке, Отечеству, родной Земле, которую он олицетворяет с ее Величеством женщиной-матерью и ее ролью продолжения рода человеческого, сохранения жизни на нашей планете. Он продолжает лучшие семейные традиции, чтит свой род и уже более полувека счастлив в браке с Александрой Емельяновой.

Профессору П. А. Водопьянову верят коллеги, друзья, ученики, верят многочисленные слушатели. Он не обманет, не будет уходить от самых острых вопросов, не будет прятаться за наукообразные формулировки. Его яркие, аргументированные, эмоционально окрашенные выступления, книги, статьи призывают всех живущих на Земле задуматься о своей личной ответственности за ее будущее, сделать реальные практические шаги по предупреждению глобальной экологической катастрофы. Его слова надежды и веры обращены к человеку и человечеству: «Мы верим в то, что человечество сможет пробудить спящие в нем Прометеевы силы и создаст достойный его мир. Не мир ядерной зимы или экологической безысходности, а мир гармонии, добра и разума». Такова позиция ученого и гражданина Павла Александровича Водопьянова, он ее выстрадал всей своей жизнью и никогда ей не изменит.

Здоровья Вам, дорогой Павел Александрович, и реализации всего задуманного!

*А. Н. Данилов, член-корреспондент, доктор социологических наук,
профессор, заведующий кафедрой социологии
Белорусского государственного университета*

АЛЯКСАНДР ІВАНАВІЧ ЛАКОТКА
(Да 65-годдзя з дня нараджэння)

Імя акадэміка Аляксандра Іванавіча Лакоткі добра вядома ў Беларусі і за яе межамі. Ён нарадзіўся ў 1955 годзе ў вёсцы Кузьмічы Дзятлаўскага раёна Гродзенскай вобласці ў сям’і настаўнікаў. У 1977 годзе скончыў архітэктурны факультэт Беларускага політэхнічнага інстытута, працаваў архітэктарам інстытута БелНДІ гіпрасельбуд, загадчыкам аддзела, намеснікам дырэктара Белдзяржмузея народнай архітэктуры і побыту, кіраўніком майстэрні і галоўным архітэктарам праектаў Беларускага рэстаўрацыйна-праектнага інстытута. З 1995 года яго працоўная біяграфія непарыўна звязана з Акадэміяй навук Беларусі. А. І. Лакотка займаў пасады загадчыка аддзела архітэктуры, намесніка дырэктара па навуковай рабоце, дырэктара Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы НАН Беларусі. З 2012 года ён узначальвае Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

А. І. Лакотка – акадэмік Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, доктар гістарычных навук, доктар архітэктуры, прафесар. Выдатны вучоны ў галіне архітэктуры, мастацтвазнаўства, этналогіі, гісторыі ён унёс важкі ўклад у распрацоўку метадаў даследавання і атрыбуцыі помнікаў архітэктуры і горадабудаўніцтва, выяўлення агульных і рэгіянальных рыс народнай архітэктуры і побыту, айчыннай скансеналогіі. Яго даследаванні накіраваны на вырашэнне актуальных праблем развіцця нацыянальных традыцый, ахову і рэстаўрацыю гісторыка-архітэктурнай спадчыны і развіццё на яе аснове турызму. Аляксандр Іванавіч быў адным з аўтараў стварэння Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту. Ім выкананы шэраг праектаў рэстаўрацыі помнікаў архітэктуры, распрацавана сістэма комплекснай ацэнкі аб’ектаў гісторыка-культурнай спадчыны для стварэння турысцка-рэкрэацыйных зон.

Аляксандр Іванавіч раскрыў заканамернасці эвалюцыі беларускай архітэктуры ў сусветным кантэксце, агульныя і рэгіянальныя асаблівасці народнага дойлідства Беларусі. Значным навуковым дасягненнем А. І. Лакоткі стала сфарміраваная і навукова абгрунтаваная сістэма нацыянальных рыс беларускай архітэктуры, што знайшло ўкараненне ў архітэктурна-будаўнічай практыцы. У час яго шматлікіх экспедыцый і архіўных вышукаў абследаваны і атрыбутаваны шматлікія помнікі архітэктуры і народнага дойлідства. У выніку даследаванняў народнага дойлідства Беларусі ім раскрыты асаблівасці гістарычнага працэсу фарміравання традыцыйнага асяроддзя бытавання, што стала падмуркам для стварэння Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту.

А. І. Лакотка – аўтар больш за 300 навуковых работ, у тым ліку 25 кніг і манаграфій, навуковы рэдактар і член аўтарскага калектыву шматтомных выданняў: «Архітэктура Беларусі» (6 кніг), «Гарады і вёскі Беларусі» (выдадзена 11 кніг), «Нарысы культуры Беларусі», «Беларусы», «Турысцкая мазаіка Беларусі», перыядычнага зборніка «Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі». Пад яго кіраўніцтвам здзейснены шэраг міжнародных праектаў па даследаванні культурных сувязей беларускага, рускага, украінскага, літоўскага памежжа.

Аляксандр Іванавіч вядзе вялікую навукова-арганізацыйную работу. Ён з’яўляецца навуковым кіраўніком падпраграмы «Гісторыя і культура», удзельнікам дзяржаўных праграм «Адраджэнне сяла», «Ахова і развіццё Прыпяцкага Палесся», «Развіццё Нацыянальнага парка Нарачанскі», рэгіёнаў, пацярпелых ад аварыі на Чарнобыльскай АЭС.

Навуковая актыўнасць А. І. Лакоткі арганічна звязана з яго грамадскай дзейнасцю. Аляксандр Іванавіч з’яўляецца членам Еўрапейскага савета па культуры, Міжнароднай арганізацыі народнай

творчасці ЮНЕСКА, членам-карэспандэнтам Міжнароднай акадэміі архітэктурны, членам Саюза архітэктараў Беларусі, акадэмікам Міжнароднай славянскай акадэміі па пытаннях культуры, адукацыі і навукі. Пад яго кіраўніцтвам пад эгідай ЮНЕСКА арганізаваны трэнінг па імплементацыі Міжнароднай канвенцыі па ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны. А. І. Лакотка з'яўляецца членам рэдкалегіі навуковых часопісаў Беларусі, Расіі, Украіны і Літвы.

А. І. Лакотка прымае актыўны ўдзел у рабоце Бюро Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў НАН Беларусі, Савета па экспертызе Дзяржаўных праграм пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь, навукова-метадычнага Савета па ахове і рэстаўрацыі гісторыка-культурнай спадчыны.

Аляксандр Іванавіч – не толькі выдатны вучоны, здольны да ўспрымання ўсё новых і новых пластоў у развіцці архітэктурны і мастацтвазнаўства, але і выдатны кіраўнік і арганізатар навукі. Пад яго кіраўніцтвам Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры стаў сапраўдным цэнтрам гуманітарных даследаванняў у нашай краіне. А. І. Лакотка шмат робіць для падрыхтоўкі навуковай змены ў галіне этналогіі і мастацтвазнаўства. Ён мае асабістую навуковую школу. Падрыхтаваў 8 дактароў і 7 кандыдатаў навук, з'яўляецца членам Прэзідыума ВАК Беларусі.

А. І. Лакотка яшчэ і таленавіты мастак, які занатоўвае свае ўражанні падчас шматлікіх вандровак па Беларусі. Ён выдатны майстар малюнка, акварэльнага архітэктурнага пейзажа. Пяшчотай і любоўю да роднай зямлі, да ціхіх вясковых краявідаў прасякнуты яго пейзажныя серыі. Вынікам сталі навукова-паэтычныя эсэ з аўтарскімі ілюстрацыямі: «Цвета и легенды родных просторов», «Простор родной. Беларусь».

Праца Аляксандра Іванавіча Лакоткі высока адзначана – ён з'яўляецца лаўрэатам Прэміі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь «За духоўнае адраджэнне», Прэміі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, узнагароджаны медалём Францыска Скарыны, нагрудным знакам «За ўклад у развіццё культуры Беларусі», Ганаровымі граматамі Прэзідыума НАН Беларусі, Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, а таксама ўзнагародамі іншых міністэрстваў і ўстаноў.

В. І. Жук, доктар мастацтвазнаўства, прафесар, дырэктар філіяла “Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы” Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

ГРИГОРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ВАСИЛЕВИЧ
(К 65-летию со дня рождения)

Григорий Алексеевич Василевич родился в городе Минске, где в 1972 году окончил среднюю школу. Затем поступил на вечернее отделение юридического факультета Белорусского государственного университета. Начиная трудиться рабочим. Со второго курса юридического факультета в ноябре 1973 года был призван в ряды Советской Армии. Служил два года в Чехословакии, был старшим сержантом роты. После окончания службы с ноября 1975 года продолжил учебу на вечернем отделении юридического факультета БГУ. С четвертого курса стал работать юристом. В 1980 году успешно окончил юридический факультет, получая в абсолютном большинстве отличные оценки по изучаемым предметам. После этого с 1980 по 1983 год учился в очной аспирантуре БГУ по специальности «трудовое право; право социального обеспечения». В 1984 году в Харькове защитил кандидатскую диссертацию по указанной специальности. Позитивно оценили его работу профессо-

ры А. И. Процевский, М. И. Бару, П. И. Жигалкин и др. Научным руководителем по диссертации являлся член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор юридических наук, профессор В. И. Семенов, к которому Г. А. Василевич все годы проявлял искреннее уважение и благодарность.

С ноября 1983 года Григорий Алексеевич начал преподавать на юридическом факультете Белорусского государственного университета на кафедре государственного права и советского строительства. В коллективе работали участники Великой Отечественной войны, выдающиеся ученые и преподаватели, профессора А. А. Головкин, А. Т. Лейзеров, а также профессор М. Ф. Чудак, доценты Г. А. Воробей, Е. Н. Тагунов, Л. А. Приходько и др., чей опыт, знания, отношение к работе способствовали формированию Г. А. Василевича как преподавателя и ученого.

В ноябре 1986 года Григорий Алексеевич был приглашен Г. С. Таразевичем на государственную службу в аппарат Президиума Верховного Совета Белорусской ССР на должность заместителя заведующего юридическим отделом. В этот период Г. А. Василевич принимал активное участие в реформировании белорусской правовой системы, прежде всего работы представительных органов государственной власти – Верховного Совета БССР и местных Советов. Участвовал в проведении по линии Президиума Верховного Совета БССР проверок соблюдения жилищного, административного, уголовного, трудового, земельного и иного законодательства, а также в подготовке проекта Закона от 27 октября 1989 года «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь». По сути, данным законом осуществлена конституционная реформа, нацеленная на демократизацию политической жизни страны. Было предусмотрено усиление статуса белорусского парламента (Верховного Совета) в общественной жизни страны, он стал высшим представительным и единственным законодательным органом, наделенным правом принимать к своему рассмотрению и решать любой вопрос, находящийся в ведении республики. Особенностью внесенных изменений явилось обеспечение конкурентной борьбы среди кандидатов, баллотирующихся в коллегиальные представительные органы, гласности и более широкого, чем это было ранее, участия трудовых коллективов и собраний граждан по месту жительства в выдвижении кандидатов в депутаты и др. С учетом конституционных изменений Г. А. Василевич принимал участие в подготовке также принятых в октябре 1989 года избирательных законов в парламент и местные Советы. Все это юридически обеспечило формирование Верховного Совета 12-го созыва (1990–1995 гг.) на демократических началах.

С 1989 года по апрель 1994 года Григорий Алексеевич работал заведующим юридическим отделом Верховного Совета БССР (Республики Беларусь). Участвовал в подготовке практически всех законодательных актов, которые были приняты Верховным Советом в период с 1989 по 1994 год. За этот период было принято около пятисот законодательных актов, т. е. столько, сколько было принято Верховными Советами БССР предшествующих созывов начиная с 1938 года. Все проекты законов досконально изучались заведующим юридическим отделом Г. А. Василевичем. По проектам им высказывались аргументированные замечания и предложения, которые обычно позитивно воспринимались в парламентских комиссиях и депутатами, что способствовало повышению качества законов и постановлений Верховного Совета. Заведующий юридическим отделом Г. А. Василевич и его сотрудники (более двадцати человек) тесно взаимодействовали со всеми парламентскими комиссиями, которые создавались в условиях новой правовой системы суверенной Беларуси. Существенную помощь юридический отдел оказывал в работе комиссии по законодательству, которую возглавлял талантливый юрист Д. П. Булахов. Лично Г. А. Василевичем вносилось много важных предложений по юридическому обеспечению преобразований, происходивших в 1990–1994 годы в политической, экономической и социальной сферах. Это касалось подготовки и принятия Закона от 27 февраля 1991 года «Об основных принципах народовластия в Республике Беларусь», законов об особенностях приема в гражданство Беларуси военнослужащих, прибывших в республику из-за рубежа в связи с выводом войск, о переименовании БССР в Республику Беларусь, ратификации соглашения о создании СНГ и оговорке к нему, о субординации актов СССР и Республики Беларусь, о референдуме (народном голосовании) и др.

В период с 1990 по 1994 год совместно с иными специалистами Григорий Алексеевич подготовил пятнадцать законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию 1978 года. Законами, принятыми в этот период Верховным Советом, были предусмотрены конституционное закрепление частной собственности граждан, многопартийность, разделение властей и др.

Г. А. Василевич являлся активным участником подготовки проекта Конституции 1994 года: с июля 1990 года по март 1994 года являлся членом Конституционной комиссии, заместителем руководителя Рабочей группы по подготовке проекта Конституции (группу возглавлял заместитель Председателя Верховного Совета Республики Беларусь В. И. Шолодонов). С учетом задаваемых Верховным Советом и Конституционной комиссией концепций для работы Г. А. Василевичем совместно с иными членами рабочей группы было подготовлено более десяти вариантов текста Конституции. В составе рабочей группы трудились такие известные юристы и депутаты, как В. А. Боровцов, В. Ф. Голубев, Е. Н. Глушкевич, В. А. Кучинский, М. Ф. Чудаков и др. Григорий Алексеевич активно взаимодействовал с депутатским объединением «Беларусь» в Верховном Совете 12-го созыва (1990–1995), которое возглавлял депутат Г. И. Козлов. Единично подготовил проект закона о порядке вступления в силу Конституции от 15 марта 1994 года.

Президиум Верховного Совета Республики Беларусь высоко оценил профессиональную деятельность Г. А. Василевича в белорусском парламенте, присвоив ему 13 июля 1994 года почетное звание «Заслуженный юрист Республики Беларусь». В апреле 1994 года Г. А. Василевич был избран депутатами Верховного Совета в состав Конституционного Суда, набрав наибольшее число голосов среди кандидатов.

С апреля 1994 года по январь 1997 года Г. А. Василевич являлся судьей Конституционного Суда Республики Беларусь. Хорошо зная текст Конституции, работе над которым посвятил более трех лет, отстаивал верховенство ее принципов и норм и вынужден был прибегать к изложению своей позиции в особых мнениях. Это, например, касалось ошибочной, по его мнению, позиции Конституционного Суда относительно «правомерности» бездействия близких родственников предполагаемого преступника, готовящего акт терроризма, угрожающего жизни и здоровью людей, и др.

С января 1997 года по февраль 2008 года Григорий Алексеевич являлся Председателем Конституционного Суда Республики Беларусь. В этот период был принят ряд важных актов Конституционного Суда, направленных на совершенствование законодательства и приведение его в соответствие с конституционными принципами и нормами. Благодаря его решениям в законодательстве предусмотрено право граждан на указание в паспорте национальной принадлежности; обязательность опубликования нормативных актов, касающихся прав и свобод граждан; адми-

нистративная ответственность за проявление неуважения к государственным языкам, в частности, к белорусскому языку; об исключении административной ответственности должностных лиц за прием граждан на работу без прописки в данном населенном пункте; о необходимости реализации в текущем законодательстве конституционного права граждан на альтернативную службу; о неконституционности норм, предусматривавших проставление в паспорте разрешительной отметки для выезда за рубеж; об обязательности пересмотра приговоров по уголовным делам при изменении санкций в сторону снижения ответственности; о возмещении морального вреда гражданам, потерпевшим от преступлений; о предоставлении гражданам права на обжалование в суд постановлений о прекращении уголовных дел на стадии досудебного производства; о реализации права граждан на обжалование в суд административного задержания, личного досмотра, досмотра вещей, изъятия вещей и документов; об обеспечении не только обвиняемым, но и подозреваемым, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, права пользоваться в любой момент юридической помощью адвоката в условиях, не позволяющих должностному лицу правоохранительных органов слышать общение с адвокатом; об обеспечении юридической помощи осужденным, отбывающим наказание в местах лишения свободы, и др.

После работы в течение 11 лет в качестве Председателя Конституционного Суда Г. А. Василевич в январе 2008 года ушел в отставку. С февраля 2008 года по сентябрь 2011 года являлся Генеральным прокурором Республики Беларусь. В этот период система органов прокуратуры во взаимодействии с иными правоохранительными и другими государственными органами добилась существенного снижения преступности, укрепления законности по другим направлениям деятельности. За этот период количество убийств, тяжких телесных повреждений, разбоев, грабежей уменьшилось на 45–50 %. Выросли раскрываемость преступлений, возмещение ущерба от преступлений; возмещение расходов по содержанию детей, находящихся на государственном обеспечении; существенно (на 25 %) снизилось общее количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, а также рецидивной преступности. В целях обеспечения принципа соразмерности юридической ответственности совершенному деянию Г. А. Василевич инициировал и обосновал необходимость принятия Концепции совершенствования системы уголовной ответственности и порядка их исполнения. Такая Концепция была утверждена Главой государства Указом от 23.12.2010 г. № 672 «Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения» и рассчитана на пять лет. Она способствовала оптимизации уголовной ответственности.

В период нахождения на государственной службе Григорий Алексеевич занимался преподавательской и научной деятельностью. Его педагогический стаж составляет около 30 лет. В 1994 году Г. А. Василевичу присуждена ученая степень доктора юридических наук. Докторскую диссертацию защищал по специальности 12.00.02 (конституционное право; финансовое право; административное право). В 1998 году ему присвоено звание профессора.

С сентября 2011 г. по настоящее время Григорий Алексеевич работает заведующим кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета. Им персонально, а также совместно с сотрудниками кафедры подготовлены учебники и учебные пособия для студентов высших и средних специальных учебных заведений, магистрантов. Так, в 2003 году Г. А. Василевичем издан учебник по конституционному праву Республики Беларусь тиражом пять тысяч экземпляров. В последующем он неоднократно переиздавался. Совместно с другими коллегами подготовлены и изданы учебники по административному праву, трудовому праву, уголовному праву, основам права. Более десяти раз переиздавалось рассчитанное на школьников пособие «Я грамадзянін Рэспублікі Беларусь». С его участием изданы первые в республике учебные пособия по информационному праву, административно-деликтному праву и др.

Г. А. Василевич является государственным советником юстиции 1-го класса. Имеет высший квалификационный класс судьи. Лауреат присваиваемой в БГУ премии имени В. И. Пичеты. За вклад в укрепление конституционной законности в 2005 году награжден Президентом Республики Казахстан юбилейной медалью, посвященной 10-летию принятия Конституции Казахстана. Имеет ряд ведомственных наград, в том числе Генеральной прокуратуры и других государственных органов. Григорий Алексеевич – почетный профессор Института законодательства и срав-

нительного правоповедения при Правительстве Российской Федерации (2016 г.). За подготовку кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета для Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина шести кандидатов юридических наук (из них лично Г. А. Василевичем подготовлено четыре кандидата наук), активное участие в научных мероприятиях ему присвоено звание «Почетный доктор Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина».

Григорий Алексеевич внес заметный вклад в развитие юридической науки. Круг его научных интересов в основном касается конституционного права, современной истории государства и права. Имеются публикации по трудовому, уголовному, административному, информационному праву. Первые его научные публикации появились в 1982 году в двух авторитетных изданиях – «Весці Акадэміі навук БССР. Серыя грамадскіх навук» и «Вестник Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. Серия 3: История, философия, научный коммунизм, экономика, право». Среди его персональных фундаментальных трудов можно назвать монографию «Белорусское государство на рубеже веков», «Источники белорусского права», «Конституция. Человек. Государство», «Контрольная функция Парламента и местных Советов депутатов Республики Беларусь», «В поиске правовых решений», «Правонарушения. Закон. Ответственность», «1991 год: хроника пикирующей страны», «Некоторые аспекты применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Идеи, предложения, критический взгляд» и др. Под его редакцией и в составе многочисленного коллектива неоднократно издавались научные комментарии к Трудовому кодексу Республики Беларусь. В 2017 году издан первый в Беларуси научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях. Особое внимание им уделено проблемам осуществления судебного конституционного контроля в Республике Беларусь, взаимодействию Конституционного Суда с органами прокуратуры и адвокатуры.

Важно отметить, что Г. А. Василевич нацелен не только на развитие теоретических знаний, но и их воплощение в законодательстве и на практике. Многие высказанные в публикациях, на научно-практических конференциях, в рабочем порядке идеи и предложения Г. А. Василевича реализованы в законодательстве.

За 37 лет научной деятельности Г. А. Василевич издал лично и в соавторстве 125 книг и монографий, несколько десятков учебников и учебных пособий, более тысячи научных статей. Общее, что объединяет его научные публикации, – это стремление обеспечить развитие белорусского государства как правового и демократического, в котором наиболее полно обеспечиваются права и свободы граждан, а также надлежащим образом ими исполняются обязанности. Такая научная плодотворность в значительной степени объясняется полученным опытом интенсивной работы в белорусском Парламенте в один из самых сложных периодов белорусской истории.

Под научным руководством Григория Алексеевича 24 аспирантам и соискателям присуждена ученая степень кандидата юридических наук, а также он являлся научным консультантом у четырех докторов юридических наук.

Г. А. Василевич входит в состав редакционных коллегий ряда белорусских и российских изданий, является членом научно-консультационных советов ряда белорусских органов – Совета Республики Национального собрания, Генеральной прокуратуры, Министерства иностранных дел Республики Беларусь.

Работы Г. А. Василевича опубликованы в Армении, Болгарии, Германии, Италии, Польше, России, Украине, Франции. В Нидерландах трижды переиздавалась на английском языке его книга «Конституционное право Беларуси».

Григорий Алексеевич активно занимается общественной работой, выступает в средствах массовой информации, трудовых и учебных коллективах.

*С. А. Балашенко, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Белорусского государственного университета,
Д. Г. Василевич, кандидат юридических наук, доцент,
Г. И. Козлов, депутат Верховного Совета Республики Беларусь 12-го созыва,
исполнительный координатор депутатского объединения «Беларусь»
в Верховном Совете Республики Беларусь*